

1861

ВОКРУГ
СВЕТА
WWW.VOKRUGSVETA.RU

Борис Стругацкий

представляет альманах фантастики

ПОЛДЕНЬ XXI ВЕК

Дороги,
которые нас
выбирают

ноябрь
2009

РЕКОМЕНДОВАННАЯ
ЦЕНА 30 РУБЛЕЙ

ISSN 977-172785200-5

9 771727 852005

Клуб читателей «Вокруг света»

- прямая подписка
- он-лайн информация по каждому этапу доставки
- календарь клубных событий
- скидки, подарки и конкурсы
- новинки издательства
- рекомендации экспертов

Клуб почетных читателей – это сообщество людей, познающих мир с «Вокруг света»: первым познавательным журналом «Вокруг света», альманахом фантастики «Полдень. XXI век» и путеводителями «Вокруг света».

Клуб объединяет самых активных читателей, представляет им возможность общения и неформальных встреч с редакцией, участия в специальных акциях и конкурсах, прямой подписке.

Подробная информация о Клубе почетных читателей и условиях подписки на журнал «Вокруг света» и альманах «Полдень. XXI век» на сайте <http://www.vokrugsveta.ru/club>

ПОДПИСКА

Объединенный каталог «ПРЕССА РОССИИ». Индексы:

- 41700 – «Вокруг Света», годовая подписка;
- 84702 – «Вокруг Света», годовая льготная подписка;
- 41505 – «Вокруг Света», полугодовая подписка;
- 84701 – «Вокруг Света», полугодовая льготная подписка;
- 84704 – «Полдень. XXI век», годовая подписка;
- 84705 – «Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
- 83248 – «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
- 84703 – «Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;
- 84707 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая подписка;
- 84708 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
- 83249 – комплект «Вокруг Света» + «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
- 84706 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;

Каталог «Газеты. Журналы. Агентство «РОСПЕЧАТЬ». Индексы:

- 80650 – «Вокруг Света», годовая подписка;
- 83321 – «Вокруг Света», годовая льготная подписка;
- 80475 – «Вокруг Света», полугодовая подписка;
- 83320 – «Вокруг Света», полугодовая льготная подписка;
- 83324 – «Полдень. XXI век», годовая подписка;
- 83323 – «Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
- 84170 – «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
- 83322 – «Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;
- 83624 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая подписка;
- 83625 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
- 83084 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
- 83623 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;

Каталог российской прессы «ПОЧТА РОССИИ». Индексы:

- 99440 – «Вокруг Света», годовая подписка;
- 12464 – «Вокруг Света», годовая льготная подписка;
- 99118 – «Вокруг Света», полугодовая подписка;
- 12463 – «Вокруг Света», полугодовая льготная подписка;
- 12466 – «Полдень. XXI век», годовая подписка;
- 12467 – «Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
- 10853 – «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
- 12465 – «Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;
- 12469 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая подписка;
- 12470 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
- 10854 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
- 12468 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;

**Льготная подписка
действительна
для предъявителей
подписного купона
за предыдущий период**

1861

ВОКРУГ СВЕТА

Борис Стругацкий

представляет альманах фантастики

ПОЛДЕНЬ XXI ВЕК

НОЯБРЬ
2009

Дороги,
которые
нас выбирают

ПОЛДЕНЬ, XXI век

Дороги, которые нас выбирают

Главный редактор
Борис Стругацкий
www.rusf.ru/abs
e-mail: BStrugatsky@vokrugsveta.ru

Учредитель и издатель:
ООО «Издательство «ВОКРУГ СВЕТА»
129515, Москва, а/я 6
e-mail: vokrugsveta@vokrugsveta.ru

Размещение рекламы ООО «Видео Интернешнл-Пресс ВИ»:
Осенний бульвар, 25, 14 этаж, тел.: (495) 937 07 66, 973 07 67.

Распространение продукции «ВОКРУГ СВЕТА» ООО «ВС-Торговая компания»:
тел.: (495) 781 69 47, тел./факс (495) 781 69 48, vs-d@vokrugsveta.ru.

Распространение и подписка
ЗАО «Межрегиональный Дистрибьютор Прессы «МААРТ»:
тел. (495) 744 55 12. e-mail отдела продаж: sl@maart.ru
e-mail отдела подписки: podpiska@maart.ru

Юридическое сопровождение
ООО «Правовое бюро «Омега»:
тел. (495) 232 49 51

Тираж сертифицирован
Национальной Тиражной Службой

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ 77-16622 от 10 октября 2003 г.
Изд. лицензия ЛР № 065684 от 19.02.98
Подписано в печать 06.10.09. Формат 84 x 108 ¹/₃₂
Гарнитура журнальная. Печ. л. 5.5. Тираж 22 100
Заказ № 2129
ОАО «Типография «Новости»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, д. 46

ISBN 978-5-98652-269-2

Адрес редакции:
199053, Санкт-Петербург,
1-я линия В.О., д. 28
Тел./факс (812) 328 63 29
e-mail: polden@vokrugsveta.ru

Информационная поддержка:
Александр Сидорович
(«ИНТЕРПРЕССКОМ»)

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Тексты принимаются в формате RTF на дискетах
или по электронной почте: polden@vokrugsveta.ru

Колонка дежурного по номеру

Редакция альманаха получила необычное письмо.

Необычное оно хотя бы потому, что пришло на бумаге, в конверте, и принес его почтальон. В век электронных писем это явный анахронизм.

Но оно необычно и потому, что автор письма, преподаватель высшей школы и кандидат исторических наук, благодарит главного редактора и всю нашу редакцию за то, что наш «литературный журнал выходит вопреки всеобщей тенденции к упрощению и обольваниванию». Далее автор пишет: «регулярно показываю ваш журнал курсантам и студентам тех ВУЗов, где я преподаю».

Более того, рекомендации для преподавателей использовать наше издание в воспитательных целях содержатся в приложенной к письму брошюре, где сказано: «регулярный просмотр журнала Бориса Стругацкого «Полдень. XXI век» может вооружить воспитателя новыми свежими образами для профилактической работы».

О какой же работе идет речь?

Это явствует из названия брошюры, изданной в Казани, с длинным названием «Антинаркотическое воспитание молодежи призывного возраста и курсантов военных вузов средствами зарубежной и отечественной художественной литературы».

В книге много примеров, в том числе и небольшой отрывок из рассказа Ю. Гузенко «Переписчик», опубликованного в нашем журнале.

Мы в редакции внимательно изучали эту брошюру, представляя себе «торчков» призывного возраста, листающих в подвале наш журнал. А потом подумали: ну и что в этом плохого? Пускай читают. И хотя антинаркотическая пропаганда вряд ли подвигла кого-нибудь из наших авторов взяться за перо, наверняка у них были какие-то другие задачи, все же тот факт, что наш журнал сеет «разумное, доброе, вечное» — окрыляет.

Так что я поздравляю наших авторов и издателей. Мы делаем нужное дело.

Александр Житинский

«Издательство «ВОКРУГ СВЕТА»
Генеральный директор Светлана Головатюк
Исполнительный директор Леонид Наумов
Директор по производству Евгений Колесов
Главный художник Юрий Токарев
Коммерческий директор Евгения Цой
PR-менеджеры Денис Мартынцев, Лейла Умерова
Менеджер по распространению Юлия Лысова
Художники: Николай Панин, Александр Лебедев,
Николай Новотный, Иван Пшеничников
Иллюстрация на обложке Николай Панин
Дизайнеры: Елена Кузянина, Станислав Новиков
Технологии: Сергей Дудин, Сергей Соловьев, Сергей Цветков

Редакция:

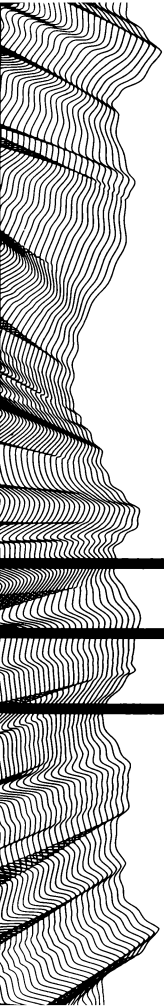
Александр Житинский, зам. главного редактора
AZhitinsky@vokrugsveta.ru
Николай Романецкий, отв. секретарь
NRomanetsky@vokrugsveta.ru
Самуил Лурье, редактор отдела прозы
SLurie@vokrugsveta.ru
Елена Минина, редактор отдела критики
EMinina@vokrugsveta.ru
Надежда Бельская, зав. редакцией
polden@vokrugsveta.ru

Общественный Совет при журнале:

Андрей Измайлов <i>www.mo-nast.ru</i>	Сергей Переслегин <i>okh.nm.ru</i>
Святослав Логинов <i>www.rusf.ru/loginov</i>	Вячеслав Рыбаков <i>www.rusf.ru/rybakov</i>
Евгений Лукин <i>www.rusf.ru/lukin</i>	Михаил Успенский <i>www.list.krasline.ru/writers/uspensk</i>
Сергей Лукьяненко <i>www.rusf.ru/lukian</i>	Александр Щёголев <i>www.litcenter.spb.su/seminar/schegolev</i>

ПОЛДЕНЬ XXI ВЕК

НОЯБРЬ (59) 2009

ИСТОРИИ

ОБРАЗЫ

ФАНТАЗИИ

The image features a vertical composition. On the left side, there are several overlapping, wavy, line-art patterns that resemble topographical maps or stylized waves. These patterns are rendered in black lines on a white background. In the center-right area, there is a black square containing a large white number '1'. To the right of this square, and slightly below it, is a gray square divided into four smaller squares by a white cross. The overall design is minimalist and geometric, with a focus on line work and solid colors.

1

Дороги, которые нас выбирают

Повесть*

Не уходи, Ахмат. Послушай.

*...И выходят семеро к Камнерожденному.
— Вот, мы свадебный выкуп такой назначили:
Возведи нам дворец у моря широкого,
Не из камня дворец — из железа черного,
А четыре угла дворца железного
Обсади нам, Сослан, аза-деревьями,
От недугов и бед исцеленье дающими...*

— Здесь что — сидит кто?

— Сидит — вон платить пошел.

— Ну, чего он там, скоро поедет?

— Ну видишь, стоят все, куда он поедет?

— Двери бы хоть открыл, сдохнуть можно.

— А двери — вообще угорим; здесь тебе не верхний мир, здесь кондиционеров нет.

— Эй, заднюю открой, выйду на хрен, достало уже. Пешком быстрее дойдешь.

— Иди.

*Дам тебе я, Сослан, кольцо волшебное,
Обведешь им круг у моря широкого —*

* Журнальный вариант.

*И встанет дворец твой железа черного.
Но нигде во Вселенной не найти аза-дерева,
Ведь растет оно только в царстве Барастыра,
Во владениях мертвых, в подземной стране.*

— Да, Иван, здравствуй. Хорошо. На маршруте, в пробке стою. Как твои дела? По юношам? В каком весе? Помню, ты показывал. Хороший, да, скорости ему не хватает. Нет, тренировать не надумал, а посмотреть зайду. Нет, завтра не могу, в Москву еду. С семьей, да, сына к ее родителям повезем. Когда вернусь, да. И тебе счастливо; родителям здоровья. Позвоню, да.

- А до Казанской-то доедем? Ай?
- Тут бабуля спрашивает, до Казанской доедем?
- Хасанской?
- Да нет, ну до Дома книги?
- До Книги доедем. Не знаю когда, но доедем.
- Доедем, бабуля.

— Ай? Да-й не слышу, милоч. Доедем? Голова-то как заболит, так уж и болит-болит, голова-то. Так и не слышу, и глаза не смотрят. Не хотят смотреть, глаза-то. Это всё, доктор говорит, климатическое, климатическое всё. Доктор говорит, таблетку взять да лежать. Вот, лежать. Лежать-то лежать, да что ж лежать? Много ль вылежишь? Ай климатическое-то не вылежишь? Как его вылежишь, климатическое? А хочется же и к боженьке сходить. Надо, надо к боженьке, как же? К кому же еще? Копеечку какую подать малую. Как не подать копеечку? Аль не русские мы? Боженька велит. До Казанской-то доедем?

— Да, Аська, привет. Я всегда красивая. А ты чего такая встрепанная, опять поцапались? А теперь из-за чего? Ну? А чего ты хочешь, он же у тебя девелопер! Ему девелопить надо, а не тебя ждать стоять. А его не обидишь, он подождал, сколько у него по бизнес-плану отведено на ожидания, и ушел. Да ничего не делать; бизнес-план должен быть выполнен — завтра позвонит. Я тут гороскопы скачивала, ты же рак? Вот — точно для тебя: «Вам начинает казаться, что ваш спутник жизни слишком материален. Не обижайтесь на его прагматизм. Придет время, и он еще устроит вам веселую жизнь. Актуальны маски из молочных продуктов. Возможны проблемы в зоне бикини...» А у таких всё — бизнес, ты привыкай и учитывай,

если не хочешь из его плана выпасть. Я? Я не бизнес-леди, но у меня еще всё впереди. И по моему бизнес-плану мы сегодня в Москву едем Леньку моим закидывать. Ну да, оба на пенсии больше года, и с ними никого — уже выпихивают из квартиры на Остров этот. В хорошем: Остоженка. Конечно, серьезно. Ну и я останусь пока, потом вернусь. Да Ленька и не заметит. Клава ему нужна и утенок его, а больше ничего. Ой, ну пищалка резиновая — привязался больше, чем к отцу с матерью, импринтинг какой-то. Во, слышишь? Ленька, оставь его в покое, достал уже! «Писсит!» Вот сейчас отниму и выкину, и не будет «писсать». Нет, я бы тоже осталась совсем, у нас же здесь провинция. Жить надо в Москве или в Париже — и я буду там жить, хочет он или нет. Так мы же в Москве и начинали, это Ахмат захотел сюда, чтобы всё сам, ни от кого не зависеть. А нельзя ни от кого не зависеть. Можно только правильно выбрать — от кого. Да ничего я тогда не выбирала: сильный, красивый, настоящий мужчина — влюбилась, как дура, вот и весь выбор. Нет, почему разлюбила, просто... подросла. Писать хочешь? Смотри, опять уделаешься, так и будешь сидеть с полными. И не тыкайся носом в экран. Ладно, Лепешкина, мне тут еще дособраться надо, я тебе с дороги позвоню, нам же, наверное, неделю ехать или две. На машине, конечно, после всех этих взрывов и отравлений теперь же три месяца проверка на любой билет, а их со дня на день грозят выселить. По нижней, по какой же еще, до верхней Ахматик мой не дорос, да и вряд ли когда-нибудь... Ну ладно, а ты не кисни, позвонит, вот увидишь. Ну всё, давай, адъё-моё.

* * *

*Приготовь мне, о нана, еду дорожную,
Самую легкую, самую сытную...*

— Ну, мы когда-нибудь сдвинемся с этого проклятого места?

— Ты же видишь, все стоят. Телевизор включить?

— Я не могу уже видеть это, у меня уже в глазах все рябит.

— Ну ладно, не надо, так посидим.

— Радио включи! Только не спорт твой, тошнит уже от него.

— Хорошо. Все равно какую, да?

— Да, да, все равно, мне все давно уже все равно!

— Не сердись. Что я могу сделать? Вот...

— Вот скажи-ка, дядя, какая, блин, у нас ситуёвина нынче с русским языком и боллитрой, большой, тык сказать, литературкой? Не канаает, а?

— Щас заделаем! Три минуты современной классики. Гоголь, «Мертвые души».

— «Эх, пробка! Кляча пробка, кто тебя выдумал? знать у стойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит спешить...»

— Спонсор следующей минуты ОООО «Жилкожгарантия». Уважаемые пожилые сограждане, вы еще можете сами внести своей кожей вклад в прогресс и процветание отечества. Ваша кожа нужна стране! Не беспокойтесь, у нас все охвачено. Наши компетентные сотрудники придут к вам сами! Они уже в пути!

— «Не так ли и ты, Русь, что сонная непроходимая пробка плетешься? Дымом дымятся в тебе капоты, гремят мосты, все отстает и остается позади. Русь, чего ж плетешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливается микрофончик; гремит и становится ветром разорванный на куски эфир; летит мимо все, что ни на есть на земле, и, косясь, отворачивают и стороной объезжают ее другие народы и государства».

— А теперь, задницы, внимание! Начинаем детскую викторину!

— Нет, нельзя слушать. Как это можно детям? Почему такие ведут?

— Потому сто гойовосопые сюсюют и такие се говорят.

— Какие? Что он сказал?

— Ты слышал то же, что и я. Уже можно было бы научиться понимать хотя бы своего ребенка.

— Я научусь, не сердись... Что ты читаешь?

— «The Kozёл». «Повесть настоящего».

— Интересно?

— Такое же дерьмо, как и все остальное.

— Не ругайся при Леониде.

— Ой, ну ты просто, как моя мама, тебе надо воспитателем в детский сад. Не слышит ничего твой Леонид, когда в клаву тыкает.

— Твоя мама — достойная женщина.

— А — я?!

— А тебя я люблю. Дети всё слышат. Может быть, ученым будет.

— Фантоманом он будет. Или таким же козлом, как этот.

— Не нравится — зачем читать?

— А что мне делать? Тоже сидеть, в окно уставившись?

— Я думаю.

— О чем, мыслитель?

— О разном. Об отце. О деде Газзе.

— Ну да, сначала о дедушкиных сказках, потом о нем, а потом обо всех родственниках, друзьях и знакомых. Ты можешь о них думать, думать и думать и никогда не соскучишься! А мне не о ком думать, и я читаю, и не мешай мне!

— Зачем сердиться? Читай, пожалуйста. Просто поговорить хотел.

— Да о чем? О чем говорить? О том, что сидим в этой старой консервной банке и так и будем сидеть еще неделю или месяц? Или всю жизнь. Когда по верху за день успевают в Москву и обратно. Об этом? Или о том, какой у дяди Заура был задний хлястик?

— Обратный пояс называется.

— Да плевать мне, как он называется. Плевать, слышишь?

— Погуляю. Я на автопилот поставил. Читай.

*Всем хорош, хорош хадзар мой
Восьмистенный, восьмибокий,
Строили его на славу,
Бог воды столбы крепил нам,
Балки брали для хадзара
Из Богатого ущелья,
А стропила вывозили
Только из ущелья Счастья...*

— Чего, гуляешь? Да, вот и я тоже вылез, надоедает сидеть. Куришь такие?

— Никакие не курю.

— Ну и правильно. Спортсмен? Борец?

— На мне написано?

— Да! Плечи покатые, шея накачена, уши приплюснуты — это же не от шахмат. И не куришь. Нет, я бы тоже бросил, но — привычка. Мыслишки веселей скачут. Да и в работе иногда помогает. Я коуч — ну, типа консультант, тренер, только не по спорту, а по жизни, то есть по боям без правил. Инго.

— Ахмат.

— Ого! Ты, наверное, из яблока сок надавить можешь?

— Мало. Из груши много. Чем помогает?

— В работе-то? А мне в ней надо приспособливаться к человеку, подстраиваться. С курящим полезно покурить, с пьющим — выпить, с гуляющим — погулять. А ты не смейся. Люди, они хоть и все, в принципе, одинаковые, но у каждого что-то свое. Мы ведь понемногу приближаемся к тому, что давно выработала природа, — к специализации. Человеку все еще кажется, что он отдельный организм. Автономный и суверенный, как наша демократия. А человек всего лишь клетка, организм — человечество. И клетки должны быть разные. Или еще ближе: муравейник. Одни — снабженцы, другие — строители, третьи — солдаты, так солдатами и рождаются.

— Люди не муравьи.

— Да, недозрели еще. Мы до сих пор только собирались в кучу; посмотри, самые большие прорывы прошлого века были в соединении людей: радио, телевидение, самолет, интернет. И мы сейчас только подходим к образованию человеиника, потому что заполнили Землю и связались паутиной. Даже ее аббревиатура — www — словно муравьи бегут, только вверх ногами. Типа *formica bipedius*, человек кучный.

— Он — разумный.

— Уверен? Ну, потом обсудим, сейчас отлучиться надо. Эта твоя? А моя — вон торчит.

— Лендроббер? Такие по верху бегают.

— Так я ж верхний коуч, но бываю и внизу. Тут, кстати, дружиннички погуливают.

— Зачем сказал? Пугаешь?

— Да нет, так, к слову. Ладно, бывай.

* * *

*Тогда только нарты — воистину нарты,
Когда они голову держат высоко...*

— Смотри, Макс, наш клиент. Эй ты, иди-ка сюда! Тебе что, мигер, повторять надо?

— Во, дошло. Живей шевели лапками, черняшка. Колян, у тебя мигрометр? засвети-ка этого, а то какой-то он неумытый. У Длинного? Давай, Длинный.

— Чё, так не видно? Отмывать надо.

— Не-е, мы все по правилам сделаем, согласно уставу. Значит так, черный. Мы — добровольческая народная сандружина округа «Сто первый километр». А еще нас кое-кто называет

скин-дружина, понял? Так вот, черный, рожа твоя в допуск по белизне никак не укладывается, вот альбеда-то какая. На сколько не лезет, Длинный?

— Гы-ы, на два метра. Кончай базар, отмываем. Пацаны, шкуру не портить!

— Да с него семь содрать можно, вон туша какая.

— Ты все понял, чурка? Ну, молись своему черножопому богу. Ты чё?... А-а-а!..

— Ахмат, не связывайся!

— Дверь закрой, да?

— Пацаны, сюда, он Макса урыл! Ах ты сука черная, ну мы тебе щас... а-а-а!..

— Ахмат, фæстейæ!

Так от предков ведется, ведется так издавна:

Врагам за обиду мы платим обидою.

Иди посмотри на равнины окрестные,

Там горы из тел — твое войско побитое...

* * *

— Ты цел?

— Что мне сделается? Пареньку помоги.

— Иди сюда, как тебя зовут? Ножом, да?

— Олег. Да сам виноват: подсечка не прошла, и не увернулся.

— Давай, Олежек, руку вытяни и здесь прижимай, я заклею. Ахмат, дай аптечку.

— А куда я ее — ты все знаешь.

— Под Ленкиным барахлом... А тебе спасибо, Олег. Сейчас редко кто поможет, если самого не трогают. Так не туго?

— Можно и туже. Эти всех тронут; ненавижу скотов. Да я прибежал-то к концу уже. А вы здорово деретесь, профессионально.

— Ты, Олег, в схватке за ногами следи: ноги говорят раньше рук. И подсекай в такт шага, когда он вес еще не перенес. Вот так, да?

— Ахмат, Ахмат, у него же рука!

— Ничего, он мужчина. Номер запиши. Нужно будет — звони.

— Спасибо. И за медпомощь. До свиданья.

— Хороший мальчишка. А это что? Зачем ты все это набрал?

— Потом выбросим. Плохие игрушки, не надо оставлять таким. Багажник открой.

— А ты никого там?..

— Уползли. К ремонту пригодны. Обедать идем, да? автопилу не отключаю.

— Ленька, обедать!

— Ме-е.

— Не нет, а да. Сохраняй всё, забирай Утю и идем... ой, у тебя кровь! Снимай куртку. Да сядь ты, мне же не дотянуться. Йодопласт достань.

— Слушай, давай скорей, а? Кушать хочется.

— Ну вот, всё. Иди, возьми, мы сейчас придем.

* * *

— Здражла. Нспектр Крвл. Почему ребенок не пристегнут, мамаша?

— Так ведь стоим же...

— Ну и что, что стоите? Правила для кого?

— А мы, согражданин инспектор — не расслышала вашу фамилию — на обед идем. Это по правилам разрешается, правда? Пришлось отстегнуть. Видишь, Ленечка, это дяденька инспектор дорожного движения, отлепись от экрана и поздоровайся с дяденькой. Только больше ничего не говори.

— Пьефет, гиппон.

— Чё?

— Ты сто, тепил?

— Это он у нас японский изучает, не обращайтесь внимания.

— Японский? Это хорошо. Сайт регистрации и машины откройте. А такому маленькому рано еще комп давать, не игрушка.

— Гиппон тепил.

— Ленька! Ты что, оболочку поменял? Где старая?

— Ну что, нашкодил? Я же говорю, это не игрушка для сосунков. Вот теперь и концов не найти. Ну что, будем оформлять?

— Не писси, гиппон.

— Что?

— Писсишь много, вот сто. На, стаая.

— Вот наш сайт. А ты еще раз поменяешь без спросу — отбе-ру утенка и выкину.

— А сто это са пайка у него поёсатая?

— Регулировщик потому что, отстань. Всё в порядке?

— Едем куда? зачем?

— В Москву, к родителям. Открыть регистрацию? Вот.

— Багажничек откроем... Та-ак, а эт-то что такое? Целый арсенал! Террористочка?

— Это... это для сандружинников. У них тут проблемы возникли — вот везем для поддержки. Согражданский долг — помогать органам. А то понаехало всяких, проходу от них нет. У всех уже мигрень от них.

— Пьёхоту нет.

— Эт-то точно. Пристегивать не забывай, красotka.

— А сасем ему поёсатая пайка?

— Это, карапуз, жезл. Чтобы учить вот таких непослушных карапузов, понял?

— Сасуй сее свой сесл...

— Ну хватит, разболтался. Всё, бери Утю и пошли. Успехов в службе, инспектор!

* * *

— Валентина! Что так долго? Садитесь. Знакомься: Инго, консультант. Моя семья.

— Очень приятно. Даже не скажешь, кто очаровательнее — жена или сын.

— Писси-писси...

— Леня, ешь и не разговаривай! Так вы что же, в женской консультации работаете?

— Ради вас готов сменить профиль, но, боюсь, Ахмат не одобрит. Бизнес-коучинг, карьера, стратегическое планирование, тренинг, успех по жизни.

— А сами что же, внизу преуспеваете?

— Он верхний тренер, Валя.

— Ахматик, ты такой доверчивый! Здесь на сто километров одна приличная машина, которую наверх пропустят.

— Да, Валя, это его лендроббер.

— И он к вашим услугам в любое время, как и его водитель. Будет настроение — милости прошу, места на всех хватит.

— Да нам не тесно и в нашей...

— Консейвной банке.

— Я тебе что сказала? ешь и молчи. И кто так ложку держит, тебя что, не учили?

— Ну, вы уж, по-моему, слишком многого от него требуете. В таком юном возрасте ребенок, наверное, еще не может...

— Всё он может, когда захочет. Дядя?

— Дядя-дядя!

- Ну, прекрати, ешь хорошо. Вкусная кашка, да?
- Съянь боётная. Бе-бе-е.
- Леня! Вы уж простите, он у нас...
- Да он прелесть. Чудная бе-бешка!
- А ты а-аська. А-аа!
- О, у нас дела, мы вас покидаем и разрешаем нас не ждать.

Мы вас найдем.

— Утя! Утя!

— Дайте нам скорей утенка, куда ж мы без него? Мы без него и на горшок не садимся.

— На гойсок. А-аа!

* * *

— Ну что, закурим? А, да, забыл. Но здесь и не куря надышишься. Смешно! Экостандарты для верха ужесточают поминутно, а внизу дымят, как паровозы. Да и какие стандарты в пробке на тыщу километров?

— Слушай, Инго, почему так делают, а? Машины всё новее, движки всё мощнее, триста в час могут, четыреста могут, а стоят в пробках, и получается три? Почему так, а?

— Потому что машины окупаются быстрее, чем дороги. Арифметика кармана.

— Но ведь глупо — зачем тогда такие делать? Человек же умный, да? На Луне строит, на дне живет, даже в прошлое уже может, всё понимает, да? а этого не понимает?

— И это понимает, только сделать ничего не может.

— Почему нет? Человек всё может! Почему так?

— А больше тебя ничего не удивляет? Что, всё остальное — по уму? Посмотри на этот мир. Все или воюют, или готовятся к войне. Священники молятся о ниспослании бомбы и благословляют по таксе. Половина мира голодает, другая половина борется с ожирением. Избранники воруют — их переизбирают. Посмотри, сколько стало фантоманов, плей-даунов, бритых, — это что, от большого ума человеческого? Посмотри на власть: задавила оппозицию и теперь собралась бороться с коррупцией, то есть тащить себя за волосы из болота. Классической социальной механики не понимают — это ум? А наука? Уж какие успехи в медицине: инфаркт тебе на сто лет отодвинут, миллион за год, руки-ноги из кожи вырастят, доллар за клетку, — и что? Эпидемия за эпидемией: фантомания, А-СПИД, синдром Матерации...

— Что это?

— Род проказы. Сейчас вообще здоровых не осталось. Ты что думаешь, зря у нас везде зоны? Загадили всё на сто лет вперед. Одни только азиатские автономии более или менее чистые — ЯЭЗ, ВАО, Китайский край. Да и то подчистились только после Второй Байкальской. Но им проще: у них НАИНЫ нет, им гастфатеров завозить не нужно.

— У нас в горах тоже всегда пили. Все, даже те, кто уже не ел, — и ничего...

— У вас ничего, а у нас — наследственные сдвиги. Ты что, про гастфатеров, вайлдкарты, сексины, концепт-туризм ничего не слышал? Вчера родился?

— Почему вчера? Слышал. А раньше что, не пили?

— Пили, пьем и будем пить. И какого тебе еще ума после этого?

— Ну, вот я и спрашиваю тебя — объясни, тренер.

— Ты, Ахмат, много боролся и мало жил... Почему ушел?

— А борьба — не жизнь? Травма у меня была. Тяжелая. Разбился я.

— Несчастный случай?

— Нет, по глупости. На мотоциклах поехали, и я с обрыва прыгнул.

— За компанию, что ли?

— Нет, там никто не прыгал, все разбиться боялись.

— А ты?

— А я разбился.

— Ну вот, что ж тут разумного. И что, нельзя было восстановить, залечить?

— Почему нельзя? Долго только. А я рано вышел, ждать не хотел, бороться хотел. И — повторная.

— Так и закончил?

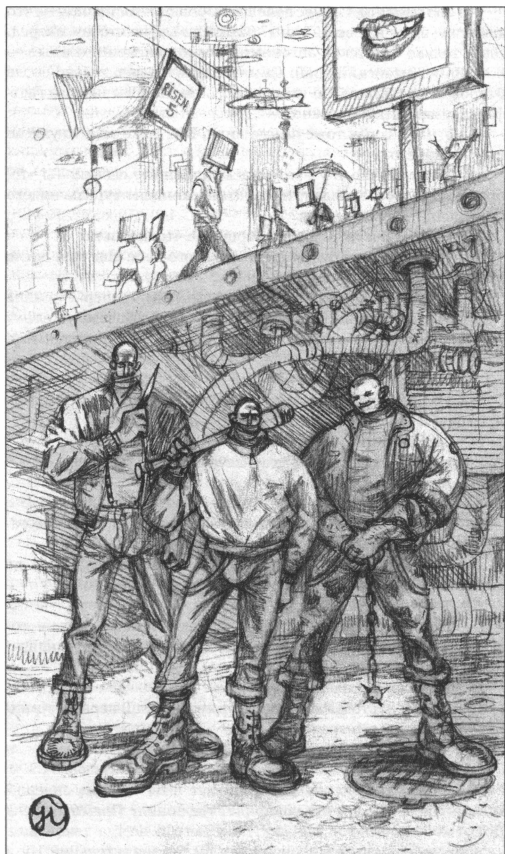
— Нет! Опять залечил. Долго терпел — умный стал, — совсем восстановился, тогда вышел. Но меня уже не хотели, других тащили. Долго рассказывать.

— Ты куда-то спешишь?

— Да нет... Я тогда хорошую форму набрал. В первом турнире все досрочно выиграл...

* * *

— Аська, привет, слушай, у нас тут... ты чего так сияешь? Помирились? Ну, а я что говорила? Позвонил? Прямо явился? Долго кобенилась-то? Ма-ало! Да у него и всегда такой вид, словно он дерьма наелся, он думает, он так значительнее. Ну, а

потом? Ну ты хоть почувствовала, что он аппетит нагулял? Ну, это я не сомневаюсь. Хотя он ведь у тебя дохленький, одноразовый. Ну-у? Прогресс! Да ты что? Смотри, перестараяешься. Не тащи всякую гадость в рот, сколько раз тебе говорить! Сейчас получишь, и утенка отниму. Ладно, слушай, я чего звоню-то, у нас тут такое приключение было, ты не представляешь! К Ахмату прицепились эти шуриоты. Ну, знаешь: «отмоем», «чернозадый» и все такое. Ой, ну что ты! Они летали, как будто у них крылышки выросли. Да как перед грозой: низко над землей и во все стороны с писком. Одному он ка-ак... ой, ну, короче, он там всех их перешвырял. Кого, их? Да они все записаны сандружинниками, то есть с правом на осторожное убийство, их и не ищут, и не судят, а не дай бог кого-нибудь из них... Вижу, не дергай. Да Ленька рвется, мы тут в гости идем. Вот из машины в машину и идем; смотри в какую. Ничего, да? Клевая тачка, категория «А». Ну, познакомились тут с одним верхним коучем. Да, очень и очень! Ну щас! А вот я на него произвела, даже невооруженным глазом... Да-да, не хнычь, идем. Ладно, Аська, потом перезвоню расскажу. Всё, об ревуар тебя.

* * *

— Два раза потом снимали, а на третий старший сказал: «Уходи, Ахмат, а то всю команду снимут». И я ушел. Совсем ушел.

— Нет, так не бывает... Тяжеловесов мало, готовить их трудно, они все на виду; тебя должны были тут же позвать другие, такими кадрами не бросаются.

— Звали, не пошел. Не люблю, когда так.

— Вот видишь, столько сил положил, упорства, терпения, и восстановился, и форму набрал, и — «не люблю». И всё. Где ж разум?

— Кто кого здесь не любит? Вот Утя вас и нашел в вашем лендроббере. И нас привел.

— Йентьёббей. Пойный пивот. Къёвая таська.

— Точно так, милости просим. Сейчас мы трансформируем обстановочку... ну-ка, нажми эту кнопочку... вуаля! Ну как?

— Ой, прямо гостиная! Как в старых сказках.

— Именно. Тут дюжина планировок зашита. Ну-те-с, прошу на почетные места. Стерео, quadro, окто, голо — всё перед вами и для вас. А это расширенная клавиша, чтоб молодому человеку вместе с Утей было не тесно перед экраном.

— Ой, нет, спасибо, не надо, он что-нибудь вам испортит.

— Сто тут пойтить?

— Не бойтесь, это невозможно. Ну что, разберешься?

— Тосе мне, БЭСМ.

— Ну-ну.

— Ой, а это что?

— Вас заинтересовала эта игрушка? Она ваша, Ахмат меня поймет.

— Нет, я только посмотреть... Ой, звери — как живые, глазки светятся! Это что, Фаберже? Настоящее?

— Обижаете! Да, старик умел работать. А мы, Валя, с вашего позволения, продолжим наш диспут об уме. «Человек разумный» — это просто ошибка Линнея. Его правильнее было бы назвать *homo vulgaris* — «человек обыкновенный». Откуда взяться разуму в человеке? У него тушка-то звериная, и всё у него работает так же, как у крокодила или павиана. Ну, может быть, чуть-чуть хуже. Зачем же тогда разум, сознание человека? Да низачем особенно. И ничего особенного собой не представляет — не в обиду ему. Человек всего лишь один из видов, он часть природы и должен участвовать в общем ее круговороте, он так и рождался: кого-то ел, кому-то был кормом, из темноты выходил к свету, взрастал, или, по-старинному говоря, прозябал и возвращался во прах, чтобы стать почвой, гумусом, навозом будущей жизни. Ну и зачем навозу сознание? Ирония природы, усмешка естества.

— А она, может, и не собиралась его рожать, просто не предохранилась и залетела.

— О, блеск! Истинно женский взгляд, а женщины в этом деле эксперты. Да, всё поведение человека говорит о том, что он ошибка природы. И, возможно, она даже пыталась предотвратить его появление, но...

— Но сроки пропустила?

— Валя, вы просто читаете мои мысли! Да, вот он такой у нее и вышел — жертва аборта. И теперь, может быть, сам того не сознавая, мстит не желавшей его матери...

— Очень людей любишь, да?

— Я их тренирую для выживания в их дикой природе. И поэтому знаю, что никаких особых функций, целей или потребностей она для людей не заготовила. Ты, кстати, в курсе, что и сам разум сдает, мозги хуже становятся? «Поколения тупиц» — проблема века, в Штатах на нее хорошие гранты раздают. У четверти обследованных уровень развития ниже прожиточного минимума. И IQ, и DIQ, то есть показатели приспособляемости, а она ведь поважней ума.

— Вот и я ему то же самое говорю, но он же не слушает ничего. Ладно, пора нам домой, а то наш утенок уже клюет носом клавиши, дя?

— Не кьюёт... къявиси...

— Я возьму его.

— Да сиди, Ахмат, уж как-нибудь донесу сама. Женщина ведь не должна мешать беседе мужчин. Пищалку его дай. Вон, спит уже.

— Валя, если вам было немножко интересно, давайте я вам перекину на комок текстик, он как раз в тему. Будет настроение — обсудите потом с Ахматом. И было действительно очень приятно познакомиться, без преувеличения.

— Бай-бай. Всё, мы ушли бай-бай.

— Красивая вы семья, Ахмат; даже немножко завидно. Между прочим, ребенка стоит протестировать: уровень явно выше среднего. А средний падает, это видно и без обследований. Вот ты, когда восстанавливался, музінъекции получал, да? Что вводили?

— Моцарта. И Баха еще, «Б-двенадцать», только дозы маленькие.

— А из современных?

— Да я не знаю никого.

— И никто не знает. И некого знать. А писатели? Чтобы в России не было всемирно известного писателя — когда такое было? И что пишут-то? Ты вот предпоследний роман Бальзыкова читал?

— Предпоследний? А когда он вышел?

— В одиннадцать.

— Да не, я читать — не очень...

— И никто не читает. И нечего читать. Мир глубину теряет, понимаешь? Становится плоским, как пленочный экран, потом станет одномерным, потом сожмется в точку. Люди превращаются в ячейки памяти суперкомпьютера: делаются всё мельче, срабатывают всё быстрее, доступ к ним всё прямее, а заполняются одними нулями.

— И единицами, да?

— Да и единиц-то уже нет. Не нужны! Бахов нет, Гоголей нет, одни ячейки с нулями, по единому стандарту, всегда можно заменить одну на другую. А стандарт это норма, нули же друг от друга не отличаются — не могут и не должны. Если какая-то ячейка хоть в чем-то отклоняется, это сбой; ее заменяют и — в ремонт, в утилизацию, на свалку. Ячейке не надо думать, ей

надо быстро и четко срабатывать. Поступает сигнал: «Распродажа! Только сегодня на ноль пять десятых процента дешевле!» — и все бегут покупать. Всё равно что: на сигнал надо откликаться. И получается, что разум-то уже не нужен, практически не используется. А то, что не используется, постепенно отмирает — закон природы никто не отменял, даже наши парламентарии еще не успели.

— К обезьянам вернемся?

— А далеко ушли? От генома шимпанзе — на один процент. Но дело даже не в том, что ум слабеет. Тут — как с нашим правом. Законы наши дрянь, недоделанные и дырявые, но и с такими можно было бы что-то строить, устраивать, накапливать смысл — если бы их исполняли... кто это там? А, понятно. Ахмат, извини, тут клиент на комок рвется, и я тебе как раз хотел прокрутить одну запись... вот погляди, это к разговору. А я пока утрясу... Да, Сунни, что такое? На нижней, еду, если это можно назвать... Ну, я тебе готовлю материал, ты посмотришь...

* * *

«Немножко пространство нас подпортило. Законы ведь возникают от трений между людьми, и чем теснее живут, тем больше нужны законы и тем строже они исполняются. А на просторе мне никто не указ, гуляю как хочу. Вот, пророк сказал: “Слишком широк человек, я бы сузил”. Это какой же человек слишком широк, японский, что ли? Или голландский? Наш, разумеется. Ну, где надо слышали, и будет теперь по слову его. И вот, суживается пространство наше, а в нем сузится и человек, если успеет. Raumfaktor, как говорят понимающие в этом деле немцы: в маленьком аквариуме большие рыбы не вырастают. Законы? Так ведь пока догуливаем на просторе, какие могут быть законы? Ну, были они у нас бумажные, стали виртуальные, а в реале их не было и нет. Как тут смыслы копить? Мы не накопители, не умеем, а тех, кто умеет, не любим, давим, гоним. И смысла всё меньше. Потому что накопители расчетливы, а мы по жизни другие. Жизнь такая была, что всё у всех всегда отнимали. И никто никогда не был защищен. Сам скажи: что тут накопишь? Не было смысла копить — не копился и смысл. И откуда взяться расчетливости? Так что с нового тысячелетия история накопления — всего, и смысла тоже — у нас началась заново. Ну а пока, естественно, царит умственная близорукость, наша вторая наследственная болезнь, после НАИНЫ; ничего другого и быть не

могло. Поэтому и дураков много: они на такой почве хорошо, высоко всходят. Дураки — страшная сила. А у западных — другая крайность. Они уже так всё узаконили, что у них без адвоката и в сортир не зайдешь. И уже до того расчетливы, что дальше кармана им думать не интересно. А карманное мышление это куриная слепота в мозгах, временное помрачение на постоянной основе. Такие помрачения бывали и на Западе, и на Востоке. Так китайцы когда-то за воробьями гонялись, так сухие законы вводили. Вот тебе человеческий ум. Не способен всего учесть, увлекается идеями, переменчив. Но тут, как с правом, решает не ум, решает «умоприменительная практика»; она и у них умопомрачительная, а у нас вообще уму непостижимая. Умом же Россию не понять. Они нам всё советы дают. «Учитесь у Китая». «Вот как это можно сделать». Да, можно, только для этого работать надо по-китайски. И жить. А как-то никому не хочется. Да и зачем? Они вон, как вода, везде просочились в наши пустеющие пространства и работают, как вода, крутят жернова. А мы с них дерем за это больше, чем сами нарабатываем, так зачем нам еще корячиться — пусть ишачат, они согласны. И мы держим их за скотов, стрижем, как баранов, и пьем. Умно? Мы выродимся и исчезнем, а они всё будут здесь ишачить, пока солнце не погаснет».

* * *

— ...Ну, Сунни, решишь сам, как всегда... Вечная история. Ты замечал, Ахмат, мы все хотим, чтобы нас учили незаметно для нас самих. Самолюбие нам дороже ученья.

— А что они нас учат — у самих кризисы.

— Да, и кризисы, и экотеррор, и каждый год новые наркотики. Кстати, хороший пример: чтобы сделать новый наркотик, нужно много ума. И вот как они его применяют. Поэтому и с фантоманией справиться не могут.

— Так пусть сами в школу идут, а не других учат.

— А сейчас просто в школу — без толку: чем больше учишься, тем больше отстаешь. Темп изменений обогнал темп усвоения и все ускоряется; никто не знает, что с этим делать. Пока ничего лучше не придумали, чем раннее разделение по DIQ, или, как говорят в народе, «дай-кью», — динамике адаптации к изменениям условий. Определяют задатки и сразу учат на разные уровни. По категориям, как водителей. Одних — на категорию «А», других на «В», «С» или «М». Или вообще только на права любителя.

— И так потом и жить по категории «М»? Или на правах любителя?

— Так и жить, а что такого? Вот, сейчас права человека у нас заменяют на водительские, ну и что, кого это волнует? Только категорию «М».

— А повысить можно?

— Классность по жизни? Ну, вот ты был в свое время классным борцом...

— Я и сейчас кое-что могу.

— Тем более. Вот и скажи, чтобы стать экстра-классным борцом — что нужно? Силу?

— Силу, да. И выносливость...

— Можно натренировать?

— ...И резкость. И гибкость. И характер...

— Ну, натренировать, закалить-то можно?

— ...И чувство. Чувство главное. Его не натренируешь. Оно или есть, или нет борца.

— А резкость?

— Тоже. Почти не растет. Совсем мало.

— Ну вот. Это ведь тоже природная скорость процессов. А в борьбе за живучесть сегодня важна скорость адаптации, по ней и делят. И кто не успевает — старики, например, — это балласт. Волна прогресса разогналась и накрыла нас, надо скидывать балласт. Вот их и предлагают изолировать, проект закона о негативном влиянии уже два чтения прошел...

— О каком негативном?

— Ну, чтобы настроение молодым-здоровым не портили своим видом. А пока — на Острова. Наверху негатива уже не осталось, один позитив. Дать позитива? Слушай:

— Ха-ха-ха-ха-ха...

Это он. Ты наверху-то давно не был? Поехали, прокатимся. Или тебе к семье надо?

— Да нет, спит, зачем будить... Не может быть такого закона.

— Ахмат, мы сто лет выдавливали свои мозги, у нас может быть всё.

— Почему выдавливали? Кому мешали? А думать чем?

— Мешали органам и членам, компетентным в принятии решений. А думать теперь нечем. Да и незачем, ни на что не влияет. «Суть будущего определяет ум интеллигентский», — сказал

наш первый нобелевский лауреат. И кто его услышал? Ладно, ставлю на подъем — и пошли. Прогуляемся.

— Нет.

— Что — нет?

— Не может быть такого закона!

— *Не уходи, Ахмат. Послушай.*

— *Чем прогневал я бога, сородичи милые?*

Для чего продлевать мои дни невеселые?

Никому уж не нужен и всем только в тягость я.

— *Да, какой с него вои? — он стар и беспомощен,*

Только в воду бросать его все ж не годится нам...

* * *

— ...Понимаешь, Ахмат, есть такие заторы, которые сознательно уменьшают, а бессознательно увеличивают. Ведь пробка — это воплощенный в железе идеал справедливости: тебя никто не обойдет, никто перед тобой не влезет. Ну, ментовский таракар по крышам пробежит, но он же вне очереди — не обидно. Есть, конечно, верх, где в пробках не стоят, но там другой мир. А в этом у меня тачка дерьмо, у него — класс, но он стоит так же, как я, и быстрее меня не поедет, значит, и он в таком же дерьме, ничем не лучше меня. Так пусть все, все стоят!.. Ладно, нам туда. Слышишь?

Дэн Сяо Пу —

Всё наше хуацяо...

Китайцев везут. С ними поднимемся.

— Ишачить, пока солнце не погасло?

— Ну, вот еще. Поучим их песни петь: неправильно поют.

И нартов повел он вдоль Белого моря,

Вдоль Черного моря повел за добычею.

* * *

— Ну, вот мы и наверху, видишь, с почетным караулом встречаются.

— Кто это такие? Лунатики?

— Что, фантоманов никогда не видел? Онейроид, четвертая стадия виртуальной зависимости, неоперабельны.

— Всё, да? Неизлечимы?

— Практически нет. На третьей, релятивистской, стадии они осознали, что всё может быть виртуальным; и отличить, что реально, а что «четыре Д», они не могут. Теперь это ушло в подсознание, и никакие психокоррекции и нанозлектроды Дельгадо уже не спасают: они не верят ничему и никому — и верят всему.

— Тогда у всех четвертая.

— Они не верят не только миру, они не верят себе, св им чувствам, мыслям, надеждам, словам. Они не верят своему прошлому и своему настоящему, будущего для них нет.

— Как же они живут?

— Неплохо. Востребованы в рекламе, в политике, в пиаре особенно. И романы пишут. Ладно, пошли, а то тачку сэвакуируют, здесь это быстро.

*В наших владениях чувствуй по-нашему;
Вкусы, желанья пожертвуй забвению...*

* * *

— Садись на водительское, интересней.

— Да, такие не водил.

— Разберешься. А если что — Сидор поведет.

— Как пробочный автопилот внизу?

— Типа того. Но там тодько дистанцию держит до десяти километров в час, а здесь полный цикл. Почувствуй, как говорится, разницу.

— **Вы не ввели пункт назначения.**

— Скажи ей, куда ехать.

— Ехать прямо! Слушай, а быстрее можно? Она же больше может, да?

— Конечно. Но ты в системе дороги, и она строит оптимальный поток. Погоди, тут переход на другую страховку. Сработает только на мой палец, дай-ка... Ну вот, владец опознан, его счет проверен, и руль разблокируется. Крути!

— А сколько она может?

— Да ты столько не выжмешь. Давай разгоняй, пока дорогу удержишь.

— А не удержу?

— Взлетим.

— Хорошо! Позитив включи, да?

— Ну, мнэ-э, у нас в гостях эксперт — ха-ха! — действительный член академии, мнэ-э, каких-то там наук.

— Хи-химик, наверное. Скажите, вы действительно член, хи-хи!

— Да член, член, что, по нему не видно, что член?

— А что же наш член все молчит? Где у вас язык, хи-хи, в академии оставили?

— Да в жопе, где! У них там теперь у всех — ха-ха! Ну, мнэ-э, давай, брат, гони что-нибудь про гнусеологию: очень уважаю, ха-ха!

— Я, собственно, пришел сюда, исходя из...

— Жопы! Ха-ха-ха! Они там все так и ходят — из жопы в жопу, хе-хе.

— ...из предположения, что мне будет предоставлена...

— Жопа! Хо-хо-хо! Вот, предоставляю — можете поцеловать, хю-хю-хю!

— ...п-предоставлена возможность...

— Пойти в жопу! Хя-хя! Потому что вы — многоуважаемая старая жопа! Хё-хё!

— Кому ты нужен здесь, жопа? Вырубай его. Ху-ху-ху! Какая непонятливая академическая жопа. Вали отсюда — пшёл! У-ху-ху-ху!

— Ой, жопу со стула спихнули, хю-хю-хю! Упала старая жопа. Как ты его — жесткач!

— А я такой! Ну вот, бесценные мои, мы, так сказать, просветились, побеседовали с наукой, хя-а-хя-хя! Сообщите нам, с кем еще...

— Слушай, они какие люди, а? Они вообще люди, а? Пожилого человека, слушай! Он отец, он дед им! Я таких только в зооленде видел: обезьяны там, макаки гадили себе в руки и кидались. Я думал, хуже нижнего радио уже ничего нет...

— Да везде одно и то же, но наверху должно быть круче. А эти — просто продавцы, торгуют в эфире тем, что у них покупают. Старики у нас ничего не покупают — так зачем они нужны? Радио должны слушать покупатели, вот ведущие и стараются. Каждый народ имеет те СМИКи, которых заслуживает. Не надо переделывать человечество, Ахмат, ты устанешь. Ну, попробуем что-нибудь из жизни страны.

— ...госкорпорация «Россинкуб», созданная по декрету нашего нацлидера для реализации проекта «Национальная

индейка», обязалась к Новому году вылупить и выбросить на рынок внутреннего потребления по одной целой и одной десятой национальной индейки на душу...

— Не надо! Ничего не хочу. Пусть замолчат.

*Козлы с вершины помчались черные,
С Черной горы бараны горные,
Над черной пропастью игры затеали
И в пляску пустились с веселым бляньем...*

— Слушай, а здесь люди снизу живут? Допустим, сапожники обувь починить есть?

— Нет. Обслуга снизу поднимается, но здесь не живет. Здесь ведь ничего не чинят — только тела, но уже не сапожники. Время, Ахмат, здесь другое время.

— Дороже башмаков, да?

— Само собой, но время здесь не просто дорогое, оно другое, оно материально, и это материя выживания. Ты не можешь здесь просто плыть в потоке времени, позволяя ему нести тебя. Ты должен проходить сквозь него, обмениваясь с ним веществом и энергией, как акула сквозь воду. Акула тяжелее воды и поэтому должна все время двигаться, тратя энергию, и все время жрать, восполняя траты. Если она остановится, она потонет и подохнет. Здесь нельзя останавливаться. Здесь нельзя задерживаться ни на чем. Здесь не смотрят большое кино и не читают больших книг; это мир клипов и дайджестов, мир экстракторов и резюмеров. Но не сапожников.

— А бедные здесь есть? Совсем бедные, с уменьшенным минимальным?

— Да здесь один дорожный налог больше, чем их УМРОТ. И потом, это же люди без верхней квалификации, дезинформы, неспособные перерабатывать информацию, им тут нечего делать. Это туземцы двадцать первого века, ДАМНЫ ретрозон нижней России: дезадаптированное местное население. Ну, неприспособленные. Что им тут? Верхний мир это же, в основном, хайвэи и хайтековские райки, там для нижних ничего нет. Там даже обычное фантом-шоу мало кто из нижних увидит: частота большая, только мелькать будет. Здесь все-таки немножко другие люди.

— Какие другие?

— Быстроприспосабливающиеся универсалы, порождения города. Как бы тебе это... Ну, вот ты на базах баскетболистов верхних лиг, ростовой категории «А», бывал?

— Бывал. Поселяли.

— Ну и как?

— Нельзя жить. Не для людей всё, для уаигов.

— Это что за звери?

— Великаны. Одноглазые.

— А-а, горский клон циклопов, понятно. Да, ростовые категории не зря ввели. Ты вот здоровенный парень, атлет, — только больше вширь пошел. И на горшок со стремянкой залезать тебе радости мало. Но если не хватает роста пописать, все-таки можно подставить что-нибудь. А что подставишь, если не хватает реакции, быстродействия, тактовой частоты...

— Актовой?

— И актовой тоже, но это уже другая песня. Тут ведь и семейная жизнь другая. То есть ее здесь, собственно, нет. Жен-мужей никто не считает, пары больше года не держатся, да их и нет почти. Ведь привязанности и постоянство в мире непрерывного изменения — это недостатки. В этом мире верность и преданность аморальны. Потому что противоестественны: здесь надо меняться и менять. Костюмы, машины, страны, любовниц, связи, принципы... Показать, как тут живут? Давай проведу экскурсию.

— Нет, так спросил. А ты почему по низу едешь?

— Да я там не еду, я там стою. Тоже, можно считать, экскурсия, за счет фирмы. Слыхал, наверное: Ай-Си-Эм. «Интернешнл клоун мэшинз».

— Клоун? Рыжий?

— Нет, я не рыжий, так уж произносится.

— А какой ты? Белый, как тачка твоя?

— Тачка тоже от фирмы, мою я бы тебе так гонять не дал. А я — да, пожалуй, белый. Но есть и другие, фирма большая. Впрочем, тут многое от клиента зависит. У меня как раз внизу встреча с одним, но скоро вернусь наверх — могу вас подбросить.

— А моя машина?

— Доползет на автопилоте, заберешь из отстойника. Пару недель сэкономишь.

— И что возьмешь?

— Да ничего, мне только веселее будет. Подумай, посоветуйся.

— Подумаю.

— Лепешкина, слушай, чего расскажу! Картинку-то включи, а то я не увижу, как вытянется твоя... ой, ты чего, ревешь? Куда ушел? А ты что же? Да это я вижу, я спрашиваю, что сказала. Ну, Аська, ты дура, ну зачем тебе надо было это говорить, ты что, вообще ку-ку? Ну, ты не в адеквате. К Зинке?! К этой кукле силиконовой? Ой, через месяц назад прибежит. Да раньше! Только на шею тогда не кидайся и слезы счастья не лей, поняла? И вообще, сопли не распускай. Это сильное средство, его часто не применяют. Сами текут! У меня тоже текли бы, но я же сдерживаюсь. Да, вот представь себе. Но с моим вообще нельзя. Ну как: «его женщина плачет!» — ты что? Спасайся, кто может! Да, счастливая, счастливая, и ты будешь счастливая, если душой не будешь. Хотя, как говорит один мой новый знакомый, дело совсем не в уме. Да, познакомилась на дороге. Ну, тот верхний коуч, я ж тебе говорила. Слушай, этот лендроббер это та-акая тачка — закачаешься! Представляешь, нажал на кнопку, и в тот же миг вместо салона джипа — гостиная, вазы с чайными розами, стенка с баром и хрусталем, а на отдельной полочке — ты сейчас обделаешься — яйцо Фаберже! Полка!.. Полка с яй... Обижаешь! Там клеймо, натуральное! Огромное, кругом в золотых зверях и лианах — «Яйцо джунглей» — это просто что-то! Я потом запрос прогнала, его даже оценить не берутся, у него ни аналогов, ни дубликатов нет, уникальное. Не дал? Да я его полчаса крутила, облапала всё, от него даже жар какой-то идет, с ума сойти! Но если ты еще не уписалась, то сейчас: он мне его предлагал! Угу. Да-да, при Ахмате, изобразил типа восточное гостеприимство, ну ты ж понимаешь. Ну, что, я же не идиотка. Так, побеседовали — об уме как раз, он мне потом целый диссерт на комок закинул. Ну, типа того, что мы — те же павианы, которые на заре орут не от большого ума, а от счастья, что ночь прошла, а их все еще не слопали. И что живем всё для того же: нажраться и дрыхнуть, листом накрывшись, чтобы запас откладывался, а ты всю жизнь с целлюлитом борешься, дура, а потом не фитнес, а, наоборот, диван и как можно меньше двигаться, чтобы лишнего не тратить. Так что лень и жадность запрограммированы нашей историей. А все неленивые и нежадные, не накопившие жира, при всяких там катаклизмах вымирали. И вымерли. Какие еще? Ну, наверное, всякие, которые о себе не заботились, те и вымерли. Или вымрут при следующей перемене погоды. Ну, я еще

не дочитала, потом расскажу. Ладно, всё, не кисни. Нажрись и спи, как завещали предки. А проснешься — ори: «Эге-гей! Я жива!» Ну, бай-бай.

* * *

— Вам пора на ОСМОТР. На вашей скорости поворот через одну минуту. Рекомендую вернуться в систему дороги. Да или нет?

— Да. Всё, отдыхай, вырулит сама.

— Техосмотр? Новая же тачка.

— При чем здесь тачка? Это ОСМОТР — Объединенная станция медобслуживания и транзитной релаксации. Там не тачку осматрят, а тебя. И если что — подчистят, подмажут, подтянут; вон, видишь, многоэтажка? Нет, выходить не надо, здесь пешком не ходят. Въехал, подремал, выехал — и всё. Надевай шлем и перчатки.

— А если я не хочу? Выйду, здесь подожду. Зачем дверь закрыл?

— Это не я, это Сидор. Автоматише тюр, здесь не выходят и не входят, здесь ездят, транзитная же релаксация. Мы вернулись в систему дороги, и Сидор протащит нас по всему процедурному листу. Всё, откинулись, отдыхаем и ничему не удивляемся.

*С обрыва спустилась к свирели расколотой,
Собрала осколки все до единого,
В башню Черной горы отнесла их бережно,
Там хлестнула по ним плетью войлочной,
И срослись они в свирель прежнюю...*

— Просыпайся, богатырь. Медицина нас отпустила, но у нее есть к тебе вопросы. Видишь, твоя карта вся в точечках — вот на ветровом нарисовалась.

— И что эти точки значат?

— Ну, оклики, в смысле удержи взгляд на любой — распишет весь анамнез-диагноз. Выбери то, что сам знаешь, или где болит, заодно протестируешь систему.

— Плечо, бывает, болит. Сломал тогда.

— Левое, да? Вон точка, смотри на нее. Ну, вот тебе вся история. Недолечил, говорят.

— Сам знаю. Бросил.

— Вот и медицина знает. И рекомендации дает: центр ЖРЗ на трехсотом. Подлечим?

- Что за центр?
- Жизнеобеспечения и реабилитации здоровых.
- Здоровым зачем?
- Ну, ты же здоров, а плечо болит. Вот, чтоб не болело. Обеспечивают качество жизни. Поехали. Или ты хотел что-то спросить?
- Да. Моих хочу на ОСМОТР. У них страховка...
- Я приглашаю, вопрос снят. Но, может быть, супруга не захочет?
- Почему нет? Надо. Я ей расскажу, как мне... слушай, а послать ей мою карту можно? Зачем говорить — пусть посмотрит.
- Да можно, почему нет. Но ведь ты там как на ладони. Может быть, немножко подредактировать? Убрать лишнее...
- Нет! Посылай как есть.
- Ну, дело твое... всё, отослал. Возвращаемся?
- Да. Я быстро, не задержу.
- **Вы превысили допустимое ускорение разгона. Штраф по тарифу на сегодняшнее число...**
- Почему превысил? Она и быстрее может.
- Откуда знаешь?
- Я ее чувствую. Это как в борьбе... что опять?
- **Вы превысили максимальную разрешенную скорость. Штраф по тарифу на...**
- Почему превысил? Откуда знак? Сюда ехал — не было знака! Я смотрел...
- Значит, за это время появился. Возможно, как раз после твоего проезда. А может, влажность увеличилась. Уменьшится — снова уберут.
- Так что они, каждую минуту знаки меняют?
- Могут и каждую, это верхний мир. Если ты не в системе, два раза одинаково не проедешь. Или вообще не проедешь. Сидор не любит тех, кто выходит из системы.
- Но я же сам управляю, что ей надо?
- Ты на систему забил и о ней забыл, но она о тебе не забыла. Чтобы здесь продержаться в свободном полете, нужно очень быстро ориентироваться и реагировать. Здесь ведь не только знаки, но и правила движения все время меняются. Да и другие правила — тоже. Здесь ничего постоянного нет, и постоянны только перемены.
- Сумасшедшая жизнь.
- Да, не каждому подойдет. И не каждый подойдет для нее. Тормози, вон площадка с ангаром, паркуйся. Спустимся пешком, быстрее будет.

*Раскричался что, Камнерожденный?
Ты ведь здесь в гостях — не в своей стране.
Да и мы ведь здесь народ причудливый;
Коль не принял дар, так уж кончено.*

* * *

— Валентина, слушай... ты что, сердишься? Почему сердишься? Не надо. Слушай, вам надо с ним ОСМОТР пройти. Наверху центр — здесь таких нет — всё делает, показывает, что, где, как лечить говорит. Хороший человек Инго нас пригласил. Что молчишь? Тебе надо, ребенку надо. Я прошел, мне всё показали, и что болит, и что я сам уже забыл! И как лечить, и где. Почему молчишь?

— А что мне говорить? Ты уже всё решил, и за себя и за меня. Тебе все твои болячки показали, тебе рассказали, где их лечить? Ну так в чем же дело? Поезжай и лечи! А мы тут подождем, а родители в Москве подождут. Куда им спешить? К ним как раз друзья твои старые наведывались. Вот как раз пока ты лечишься...

— Какие старые?

— Ты уже забыл? Что это ты всё забывать стал — и где болело, и с какими друзьями водился, когда мы познакомились. И как эти друзья тебя уговаривали не уходить от них, и как ты потом в больнице лежал, да? Замечательные у тебя друзья. А теперь вот они к родителям повадились. А ты поезжай, надо же лечиться, раз показали...

— Зачем приходили?

— Договор предлагают подписать. То ли о наследовании, то ли об аренде. Квартиры, кожи, не разобрала, но ужасно выгодный, ужасно! И так убедительно предлагают...

— Когда звонили?

— Да вот, когда ты болячки свои рассматривал, они и звонили. Сегодня к ним уже придут подписывать. Но раз тебе показали...

— Слушай...

— Нет, это ты слушай! Ты понимаешь или нет, куда мы ребенка везем? Я его там не оставлю, слышишь? Я вообще не хочу его туда везти, я не хочу, чтобы его там вообще видели друзья твои, не хочу, не хочу, ты слышишь?

— Истеитька.

— А ты заткнись, тебя еще не хватало. И не облизывай пульт!

— Не кричи на сына... Слушай, Инго, мне в Москву надо. Сейчас надо. Можешь?

— Ну, вообще-то, у меня тут встреча... Один по верху проедешь?

— Один проеду, не маленький, но одного дорога наверх не пропустит.

— Пропустит. Ты там временно записан в моей машине. Вот ключ-карта. Только уговори супругу взять меня в попутчики.

— Меня не надо уговаривать. Садитесь... Ты — я не знаю — договорись с ними как-нибудь, я не хочу снова сидеть у тебя в больнице!

— Я договорюсь. Через два часа буду. Позвони, скажи ничего им не подписывать. Нет! Скажи двери никому — отцу родному! — не открывать. Так скажи. А я — договорюсь.

*И направо-налево мечами рубили их,
И стрелою их били, конями топтали их...*

* * *

— Слушай, я здесь машину оставлял, вот здесь, у ангара. Белый джип, большой — где?

— Забрали, значит. А может, эвакунули. Голубок же прилетал, не видел? В отстойнике, значит. Звони Сидору, узнавай в каком. Вон номер на знаке.

— ...Не набирает!

— Так у тебя комок что, нижний? Нижние здесь не пашут, частота мала. Здесь ВЧ.

— Дай позвонить. Очень нужно.

— Один звонок, полминуты, стольник — идет? На.

— ...Слушайте, машину, лендроббер белый, номер IN — три девятки, с парковки куда унесли? Как нет информации? Почему... Ч-черт!

— Должно быть, в Быково потащили. Хотя нет, сегодня же нечетное, по нечетным — на Ржевку. Но ты туда не спеши, тебе сначала надо в Цвелодубово, в центр одного окна. Там узнаешь, в угоне или где, оформишь запрос, заплатишь, всё в одном окне. И потом в Педлино, там их главная голубятня, диспетчерская в смысле. Предъявишь, оформишь забор, оплатишь — тоже всё в одном окне — и тогда уже вперед, за тачкой. Ну, после переоформления страховки, конечно.

— В Педлино?

— Нет, в Черемыкино. А пошлют в Мыкколово — даже и не пробуй, там другое окно.

— Слушай, Мыкколово, мне машину надо, в Москву ехать. Сейчас надо.

— Сейчас! Разбежался. Вот надо было голубка ловить, было бы «сейчас». Они б тебя из тачки высадить забыли и эвакунули вместе с ней куда тебе надо. Как частное-то небо прикрыли, так они теперь хорошо на этом подрабатывают. А я где тебе возьму? Я их не делаю...

— Сколько надо?

— Сколько! Да ты весь столько не сто... ну ладно, ладно. Пусты, есть, есть машины — здесь, в ангаре... Чего, уж пошутить нельзя? Вот, заходи, посмотрим, что есть... Но пять штук и не меньше, понял?.. А это еще что?

— Вот такой же точно, только...

— Да не было здесь джипа. Погоди, у тебя номер?.. Так это чё, твой что ли?

— Нет... Да! Мой! Забираю!

— А за стоянку?.. Погоди, ты ж говорил — белый?

— Дальтоник я. Белый, черный — не различаю. Ворота открывай.

— Погоди, там... там кто-то сидит! Чё за дела? Как он сюда попал-то?

— Открывай, разберемся... Инго! Ты? Ты как?..

— Ловкость рук. Вам ворота помочь открыть или сами справитесь?

— Д-да-да, сейчас, я — вот, пожалуйста... з-заезжайте еще...

— За руль, Ахмат, здесь время не деньги, а — как поэт в России — больше, чем деньги.

— За два часа будем — как сказал. За полтора! Только, Инго, я не понимаю...

— Ого! Так и за час будем. А что мы так официально: «Инго, Инго»? Друзья меня зовут просто Сунни. А признайся, не ожидал? Ты только не отвлекайся, на такой скорости это вредно. Люблю маленькие фокусы. Впрочем, это часть моей профессии.

— Тайна фирмы, да? Но он же белый был!

— Ну-у, это-то не тайна. Я перепрограммировал цвет, это же смартфон. Зачем? Ну как зачем — здесь два раза в одной оболочке не появляются, не принято. Глупо? А при чем здесь ум? Ограничен ум человеческой машины, и не он водитель ее. И не надо так уж с ней носиться. Ах-ах, каждый уникален, каждый

неповторим! А все различия только из-за того, что производство не отлажено. Поэтому один потом слишком медленно разгоняется, а другой слишком много жрет на сто километров.

— Модели разные.

— Да, кто-то повышенной проходимости, а у кого-то задний привод, но это не важно; важно то, что водила прет без тормозов, без навигации, не переключаясь, только знай давит на акселератор. Человечество не научилось соблюдать скоростной режим, оно разогналось в цивилизации, как в гоночном болиде, и не справляется с управлением, но еще не понимает этого и гонит, гонит. Оно дает себе все новые пинки и летит, периодически обгоняя свое время и свой собственный пороссячий визг. И знаешь отчего верещит человеческий подсвинок? Это та стрела, которую он на минуточку обогнал, попала ему в зад.

— Какая стрела?

— Каленая. Стрела времени. Раньше как говорили? В человеке все должно быть прекрасно отрегулировано: и движок, и коробка, и рулевое, и тормоз. Чтобы нигде не стучало, ничего не сыпалось и ниоткуда не воняло бензином. И тогда он, если повезет, благополучно отбегает свой ресурс. А теперь нет, теперь не то. У тебя еще всё в порядке, ты еще и полтинник не накрутил, а уже всё изменилось: технические условия, нормы по выхлопу, требования к экономичности. Новых скоростных режимов ты не выдержишь, на новое топливо перейти не можешь. У тебя всё в порядке, у тебя огромный невыработанный ресурс хода, у тебя даже лак и никель еще не облезли — а ты уже ни на что не годен, никому не нужен, и место твое на свалке. Ускорение морального износа человека — вот итог всех его ускорений.

— Всё когда-то изнашивается.

— Ух ты какой философ! Но ты ведь застал уходящий мир отцов — оглянись, сравни. Твои предки рождались, выросли, входили в жизнь, проживали ее, сколько каждому было отпущено, и уходили в старость, как в первую могилу.

— У нас стариков раньше смерти не хоронят.

— Да, для многих старость тоже была насыщенной жизнью, хоть и замедленной; в могилу их не подталкивали. У существования была протяженность, человек длительно жил в полноте доступной ему жизни...

— И сейчас так.

— Уже не так, и это только начало. Смотри: человек взрослеет, учится, собирается выйти в ту жизнь, к которой его готовили, выходит — а она уже другая. То, что он узнал и выучил,

уже устарело; он не знает программ, с которыми надо работать: они сменились; его учили на старом железе, а уже пришло новое, совсем другое.

— Ну, доучиваются же.

— Да, но как, за счет чего? Еще дюжины школьных лет или полдюжины институтских уже никто не даст, надо уже работать, а человек не готов. И он доучивается на ходу, вздох-леб, сужая до минимума участок жизненного фронта, на котором старается догнать уходящую вперед волну прогресса. Он старается удержаться на ней, судорожно цепляясь за обломки рассыпающихся, расползающихся под руками, на глазах исчезающих знаний. Но продержится он недолго: волны накатывают всё чаще, бегут всё быстрее, уцепиться уже не за что, он еще сколько-то побарахтается с выпученными глазами — и всё, очередная волна накроет его, и он навсегда исчезнет с поверхности. Дальше тишина. Ну, может быть, еще просуществует какое-то время на дне, перед тем как пополнить собой осадочные породы, но это уже не жизнь. Ты хорошо плаваешь?

— Нет. У нас не плавают.

— Тем легче тебе представить. Короче, вместо широкого яркого полотна долгой деятельной жизни, сегодня перед новорожденным куцый шагреневый лоскуток, съездившийся еще до его рождения. Слишком много человек желал, слишком нетерпеливо сокращал, сжимал время — и вот оказалось, что это было время его жизни. Но он уже так раскрутил маховик своих желаний, что остановить его не может, даже если бы понял, что происходит, а он еще и не понял. Вот тебе и ум! А ведь эта кожа была прямым, ясным и, смею сказать, изящным предупреждением человеку. «И что есть безумие, как не безмерность желания или могущества?» Нет, как хотите, а это было недурно! Но что же человек? Прочел — и добавил в машину пару. Он сожмет время своей жизни в точку, и это будет точка в конце его истории, а маховик его желаний будет продолжать крутиться вхолостую, уже без него.

— Колесо Балсага удержать нельзя.

— В смысле колесо истории, прогресса? Ну конечно, как вы его удержите? Но, может быть, умом, единой волей, общими усилиями человечества повернете его, чтобы не переехало? А? Сомнительно, да? Как говаривали когда-то в нижних придонных слоях, человек — это звучит горько. Музыкаку включить?

— Нет. Слушай, у тебя же встреча внизу — успеешь?

— Я-то? Да, хорошо, что напомнил. Тормози, выйду. Ты в Москве куда?

— Не горько, нормально звучит... На Остоженку.

— А, Савеловский двенадцать. Знаю. Ты перед спуском лучше вернись в систему. Они там любят отлавливать тех, кто оказывается внизу.

*Поехал я дальше своею дорогою, —
Ниток клубок по дороге катается.
Вот покатился, нитку разматывает,
А ниток-то в нем всё больше становится.
Нет ли мне в этом злого пророчества?
— Клубок означает судьбу поколений:
Тесно им станет, так люди размножатся
И всё будут меркою Землю вымеривать...*

* * *

— Ой, Ахмат, как хорошо, что вы приехали! Вы один, а Валя с Ленечкой попозже? Ну и хорошо, у нас тут такие дела... Ну, это потом, идемте обедать, мы вас ждали, не садились еще. Гена! Ахмат приехал.

— Слышу, слышу. Здорово, орел, проходи. Как жизнь молодая?

— Хорошо. Когда?

— Эти-то? Да к вечеру грозились прийти, деловые, а завтра — уже со всеми коммунальями; мол, или подписывать с ними, или выпишут на ОСО, и тогда, мол, вообще ничего не получите. Я тут подумал, может, все-таки в милицию сообщить? Хотя у них, говорят, и в милиции всё...

— Не надо милиции.

— Квартиру им, кожу... Помогают, вишь, заботиться о пенсионерах, а то государство не справляется. На «острова социального отдыха» гонит, чтоб, значит, квартирки прибрать, и пенсии не платить, и кожу чтоб никому не загнали. Их же так и прозвали, ОСО эти: «отстрел старых и одиноких». Много нас слишком. Сколько воров — это они не считают, не сосчитать им, а вот нас много. Обуза мы на шее государства.

— Ладно, Гена, нечего все на государство валить. У него и без нас забот хватает. Садитесь, Ахмат, я перца не клала, вы сами.

— Спасибо, да.

— А по другому проекту вообще пенсии отменяют. Для работы. Мол, не надо ждать возраста, это унижительно. Не можешь работать — ОСО, не хочешь ОСО — ТРУП!

— Леонида у вас оставим. И Валентина поживет пока. Не одинокие. Не будет ОСО.

— Ой, как хорошо! Ахматик, а вы? Возвращайтесь, жить есть где, устроиться сможете легко, Валя тем более, с Ленечкой вам никаких забот не будет — ну почему же не переехать, ведь это нелогично!

— Да ладно тебе, Надя, с логикой твоей. У человека дела могут быть, понимаешь?

— Ох, не люблю я эти дела, прямо вам скажу. Вы уж не обижайтесь, Ахмат.

— Нет. Я эти тоже не люблю. Другие у меня.

— Ну, нет значит нет. Не приставай, Надя. Когда сможет, придет.

— А у нас, между прочим, еще вареники. Вы не против ва... ой, звонят! Открыть?..

— Сиди, Надя. Договорщики пожаловали... Сейчас я им...

— Посидите и вы, Геннадий Николаевич. Я выйду, договорюсь.

— Ахмат, а может быть, все-таки в милицию? Это такие люди...

— Надя, он же их знает... Ну, ты там в случае чего... я помогу...

— Гена, я боюсь.

— Надя, погоди, послушай меня. Он их знает, это его старые знакомые, он знает, как с ними разговаривать, и всё уладит. А милиция к пенсионерам не поедет, приказ же на всех один: чем меньше, тем лучше. А он всё уладит.

— Как в тот раз, да? Как в тот раз?

— А что в тот раз? В аварию всякий может попасть...

— Я сама позвоню. Я не хочу, чтобы его убили!

— Да вот идет он, господи!

— Зачем — убили? Я тоже не хочу. Я вареники хочу.

— Так они... ушли?

— Ушли. Скоро не придут. Так договорились.

— Ну, что я тебе говорил? Женщины, Ахмат, вечно паникуют... а сколько там? О, уже начинается. Сегодня ж четыре матча. Сейчас «Динамо» «Зениту» вашему надерет!

— Геннадий Николаевич, я вас очень уважаю... Глупость сказали!

— А вот увидишь!

— Куликов, иди смотри свой футбол и не мешай нам обе...
Боже, что у вас с пальцами?

— Где? А, пустяки. Поцарапал.

— Надо сразу же гермодезинфекцию, иначе может быть заражение! Я сейчас...

— Надежда Ильинична, они там на дороге, надо мне возвращаться. Пойду я.

— А вареники?.. Ну, я вам сейчас в пакет, с собой возьмете — пока доберетесь...

— Да я...

— И слушать не хочу. Не отпускай его!

— Не спорь, Ахмат. Опыт всей мировой истории — и мой тоже — говорит, что с женщинами спорить... Особенно на кухне и...

— Ну вот. Я в термопакет положила, долго не остынут. Вы прямо выезжаете? Я сейчас позвоню Валечке.

— Да. Спасибо.

— Ну, давай, орел. Ждем.

И, подумав, братья деду ответили:

*— Не годится старым жить в одиночестве,
Мы одной семьей заживем теперь...*

Подобрал он кольцо и на палец надел,

А кольцо на пальце — «Вот он! Вот он!» — кричит.

* * *

— Почему тормозишь? Не говорил сюда заезжать! Решетка зачем?

— Внимание, мой водитель. Вы идентифицированы системой как активный участник инцидента на сто первом километре и будете интернированы. Ничего не предпринимайте, это бесполезно. Примите удобное положение и закройте глаза. Успокоительный сигнал будет включен без дополнительного предупреждения.

И моя где смерть, я скажу тебе:

В колесе моя смерть Балсаговым,

Колесо его удержать нельзя,

И по мне оно перекатится...

* * *

— Это что за урод? Чего ты его притащил сюда? — Так, Михалыч, он это, говорит, он этого мигера знает. Ну, я и

подумал... — Да не надо тебе думать. Не положено тебе. Ты делай, что тебе сказали, и всё. Понимаешь? — Так я... Ну, давай уведу. Чё вылупился? Сказано иди, оглох? Так я те прочищу... — Погоди. Ты где его подобрал? — Так ведь... прилетел. С голубка он. Кто ж его знает? Пшёл! — Ну оставь, оставь его. Иди. — Говорит, к начальству. Я и... — Да иди, иди. Дверь закрой... Ну, что тебе? — Кадровые проблемы, капитан? — Не твое со... ты кто такой? — Да, все нынче менеджеры, а служить некому. Я свидетель инцидента на сто первом километре. Я все видел, это видели и из всех машин вокруг... — А ты здесь кого-нибудь из них видишь? Тебе что, больше всех надо? Отклонист? Мигеров любишь? Он тебе кто? — Мой согражданский долг, как говорит Виктор Федорович, помогать охранительным органам подвешивать на крюке... — Какой еще Виктор Федорович? — Вы знаете какой. Мы с ним иногда встречаемся. Ну, он сейчас, понятное дело, занят: антилада, волнения ДАМНов, да и терволна не спадает, так что я его стараюсь не беспокоить. Но шифр служебного видефона помню. Вот, проверьте. Правильно? Нет, бумажку мы лучше порвем. У меня хорошая память; если понадобится, вспомню всё. — Ну и что антилада? — О ней ничего не могу сообщить, а вот о происшествии на сто первом... — А о нем мы и без вас всё знаем, спутник ЕДЭ всё записал. Так что... — Звук тоже? — Какой еще звук? — Видите ли, я имел отношение к единой девиантной экспертизе; ее спутники звук пока не пишут. И долг согражданина, как говорит Виктор Федорович, дополнить и подписать. Включайте запись, регистрируйте мой чип, ну, всё, что положено. Я готов. —...Это мы, извините, сами знаем, что нам положено. И ваших указаний нам, так сказать, не требуется. По роду занятий кто будете? Не адвокат, случаем? — Консультант. Даю рекомендации, которыми не пренебрегает и ваше руководство. — Консультант. Угу. Ну и какие же вы нам хотите дать рекомендации? — Решать возникшие проблемы, а не создавать новые. — То есть? — То есть усилить воспитательную работу. Как и было сказано в декретве нашего нацлидера. На вашем участке есть проблемы. Ну, это действительно ваши проблемы. Хорошо. К потерпевшему у вас есть вопросы? — К кому?? — Нет? Прекрасно. Ну что, Ахмат, у людей и так забот выше головы, не будем создавать им новых? Да и сержанта вашего не хотелось бы огорчать... — Кузьмин! — Чё, Михалыч? — Ты устав сдавал? Ты как отвечать должен? Проводи сограждан. — В собачий ящик? — На выход проводи! Пусть идут. — Так чё, просто так отпускать? И этого черно... — Рот

закрой и выполняй! И вежливо, как положено. Не слышу! — Ну, есть. Давайте, значит, на выход, сограждане и прочие мигеры. — Мы, сержант Кузьмин, просто сограждане. Ну что ж, приятно было побеседовать с разумным человеком в погонах. Идемте, Ахмат. И смотрите под ноги: волновой наркоз долго выветривается.

*Сгинул наглый Алаф, исчез он бесследно,
Как из чаши вода, в песок пролитая...*

* * *

— Туман... Как после броска на голову упал... Как узнал?

— Хе-хе, являться в нужное время в нужном месте к нужным людям с нужными средствами — наш фирменный стиль. Взаимовыгодное сотрудничество на всех уровнях.

— А проще можно?

— Можно: связи и деньги. О задержании нашей машины мы узнаём раньше их начальства. И центр мгновенно подключает ближайшего из наших.

— В центре тоже быстрые сидят?

— У нас в центре ни одной живой души, Ахмат, только компьютеры... Ведь эра человека заканчивается. Где тот пролетарий, который до смерти работал, а потом выковыривал булыжники и делал историю? Нет булыжника — нет пролетария, конец истории.

— А эти, которые машины — камнями?

— Антилада? Аккордные заказы на два часа в день; оплачивают автостраховщики по твердому тарифу. Хорошая, приятная работка. Хобби. Современное общество ведь собирается уже не по принципу государств или партий — кому нужны эти огромные мыльные пузыри? — оно слепляется из маленьких групп по интересам, как пена из пузырьков. Одни тащатся с трикета, другие роликуют, третьи скачут в спринг-куотах или соревнуются для книги рекордов, кто дольше просидит на горшке.

— И кто?

— Лидер отсидел пять лет, оторвался от пелотона, но встать боится: преследователи близко. Это их пузырек. И содержанием этого пузырька начхать — мягко говоря — на всех остальных. Но главное то, что во всех пузырьках заняты одним: все потребляют, кто сколько может. Девиз и клятва нового человека: «С ссудой буду! Потреблять буду!» Шопинг — новая мировая религия. Ее храмы — шопы. А мы все — прихожане, все туда идем,

вместе. И только поняв, что мы опять в шопе, начинаем лихорадочно оглядываться. Шопингианство — религия новой жизни, и тем, кто ее не исповедует, жизнь не нужна. Это лишние люди. А дальше будет еще проще. Везде уже запущены проекты модернизации. Даже у нас в Геноштабе зашевелились, начали нулевой цикл редактирования человека, и скоро...

— Как редактирования?

— Сейчас, сообщеннице одно закину...

* * *

— Ну вот, Ленька, пора. Что тебе еще не ясно?

— Утя.

— Вот, вот твой Утя.

— Пися.

— У тебя будет новая персоналка, в десять раз мощнее.

— Пуся.

— Вот твое ПЗУ, я списала на флэш-булавку. Ну, всё?

— Гаянтии.

— Полные: зачем мне потом слушать твой крик?

— Сего ссём?

— Да, нечего ждать. Вперед, моя маленькая задница!

— И ты на гойсок?

— Мы возьмем этот верхний мир на ура, Ленька!

— На уя?

* * *

— Ну вот. Как редактируют? Как черновой набросок. Пока по старинке, технология апгрейда еще не отработана. Сначала внутренняя рецензия. Потом — на редактуру. Вносят очевидную правку, неприличное купируют. Что не понравилось редактору, заменяют. Извилистое спрямляют, длинное сокращают, лишнее обрезают. Подчищают язык. Ну, корректорский прочес, унификация шрифтов, подгонки, подверстки. И с одобрения главного — в тираж. А в перспективе переход на новые носители. Внутрочерепной ЧМИ... нет, не чмо, а ЧМИ, человеко-машинный интерфейс, это первый шаг на пути к полноцикловым киберорганизмам; он сделан. Впереди — «Эй-Ай», или, по нашему, ИИ — искусственный интеллект, уже растущий, как благодетельная раковая опухоль, и раскидывающий свои сетевые метастазы во все системы и органы человечества. И это не чья-то злая воля, это всесотрясающие шаги прогресса: его вызвали, и он пришел. Впрочем, пришел бы и без вызова. Человек

ведь способен принимать одновременно всего сорок сигналов. Это уже не просто мало, это просто смешно, когда возможности даже ЛУИ, примитивного бытового усилителя интеллекта, неограниченны. Но тут качественный скачок: купил, например, карту расширения сознания — и переходишь на другой уровень понимания жизни. А возникли внутренние проблемы — купи чистую карту совести, и нет проблем. Перетекание человека в машину это инстинкт самосохранения: мощь его оснастки обогнала средства контроля. И вот уже один мелкий клерк, заигравшийся на бирже, может обрушить банковскую систему, один религиозный психопат — отравить город, один уволенный фельдфебель — начать мировую войну. С такими масштабами самоубийственных возможностей старый, рожденный в каменном веке homo sapiens не справится.

— В наших легендах из камня богатыри рождались.

— Да? Вот так, внematочно? Ну, до таких вершин биотехнология еще не дошла, но прогресс, хотим мы этого или не хотим, создаст нового человека. Уже создает. С другим телом, другим мозгом, другой моралью.

— А как — с другой моралью?

— Хе-хе, решебник тебе к задачнику? Ответы на все главные вопросы? А таких ответов нет! Их вообще нет, пока ты не дашь их сам.

— А если не так отвечу?

— Не так и будет! Закон второй природы, или, как говорили раньше, каждому по вере его. Типа: поверил в подлость, в ненависть, в предательство — и будет тебе подлость, ненависть и предательство. Прописи, но отчасти верно.

— А поверю в другое?..

— Во что другое?

— В добро. В любовь. В человека.

— А ты сможешь? Верить-то начинают, когда устают надеяться. Впрочем, даже интересно, как это у тебя получится. Тебе звонят.

— Где? Нет ничего.

— Нет? Значит, показалось. Ладно, тормози, выйду. Дело не закончил. Ты не поверишь, Ахмат, как мне жаль, что твоя лохматка попала в пробку. Обдумай на досуге то, что я тебе сказал.

— Обдумаю.

*Смотрят старые на угощение,
Но отведавать яств им не хочется,*

*Не берет никто оскверненное.
Больно мне смотреть на обиду их,
Но в такой беде как помочь мне им?..*

* * *

— Ха-ха-ха-ха-ха...

— Ну, наконец! Ты что не отвечаешь?

— Почему не отвечаю? Не было ничего. Я еду, Валя, еду. Скоро буду.

— Как это не было! Полчаса звоню! Ну, это не важно всё. Ахмат... мне жаль тебя огорчать, но... я ухожу от тебя.

— Куда — ухожу?

— Ахматик, не задавай идиотских вопросов. Я забрала Леньку и ухожу с Инго...

— С Инго? Как с Инго? Нет!

— Да! И не надо меня преследовать, Ахмат. Если ты меня еще немножко любишь.

— Подожди! Нам надо поговорить. Без этого... выйди из машины!

— Ах, да о чем говорить, Ахмат? Ты хороший, ты... ты правильный, честный, милый, но... с тобой у меня ничего не будет.

— Почему ничего? Всё...

— Потому что ничего, Ахмат. Да, я хочу пожить этой прошлой красивой жизнью в мире красивых машин, домов и тряпок, да! А он не для всех. Ты очень хороший, ты замечательный, но ты — не для этого мира, ты в нем жить не сможешь и ничего в нем не сможешь, да тебя и не пустят. Ты вот мне анализы свои прислал...

— Почему анализы? Карту!

— Ну вот, ты даже не посмотрел, что посылаешь, или не понял. Там все анализы и прогнозы. Ты медленный, Ахмат. Ты последовательный. Ты одноканальный по информации — ты одномерный. И низкочастотный. Ты маломощный, Ахматик...

— Мало? Мало??

— Ах, ну опять ты не понимаешь. Ты очень, очень сильный, мужественный, смелый, настоящий мужчина — мне все подружки завидовали, но здесь нужно другое...

— Что нужно? Деньги? Связи? Что?

— Да и деньги, и связи, здесь всё нужно иметь, знать, уметь. Здесь другие люди, Ахмат: многопроцессорные, обе-рукие, раздельноглазые — не знаю какие... эффективные в

реальном времени! Здесь даже переговоры ведут или с полным ртом, или чавкая резинкой, или справляя нужду, или еще что-нибудь. Да что там, Ленка уже знает и умеет больше, чем ты. Понимаешь? Его тут проверили, у него гениальные задатки!

— Он мой сын.

— Да, только он уже так далеко ушел от тебя, что ты его даже понять не можешь. А что же из него вырастет, если он останется с тобой?

— Человек.

— Заурядный человек, Ахмат. Может быть, добрый, может быть, хороший, но заурядный. А при его способностях это значит неудачник, лузер. И он бы нам этого никогда не простил. А я хочу, чтобы он достиг всего, чего может, реализовался полностью, чтобы я не жалела его, а гордилась им, понимаешь?

— Этот научил?

— Да чему тут учить? Я что, дура, по-твоему? Между прочим, мои данные — тоже для верхнего мира. Этот мир для меня. И я могу в нем быть не только моделью.

— Не только?

— Ах, оставь! От твоих моральных кодексов меня уже тошнит. И... и я очень рада, что больше их не услышу. И всё, и отстань от меня!

— Валентина! Валентина!!

— Она вышла из машины, Ахмат.

— Это всё ты, да? Ты ее сбил? Ты?

— Дело не во мне, я просто оказался на дороге. И в данный момент я ее устраиваю, как говорится, за неимением лучшего.

— За неимением?!

— Она же тебе всё объяснила. Она не хочет ждать. Она не хочет искать и терять время. Мы провели с ней тренинг...

— Тренинг? Тренинг?! А я с тобой проведу спарринг!

— Ну да, понятно. Но ты подумай, ты ведь и ей повредишь, и ребенку всё будущее закроешь: сын террориста, значит, в чип пойдет метка «генетическая предрасположенность» — печать на всю жизнь хуже А-СПИДа. Подумай, не горячись. Да и в ближайшее время ты нас не найдешь, я на всякий случай меры принял.

— Из-под земли достану!

— Хорошо, буду ждать. Но все-таки о будущем сына подумай. Да и о своем. Ты славный парень, Ахмат, только... тебе бы надо немножко разобраться в себе и вокруг...

— С твоей помощью, да?
— Жизнь всякого человека — проект для небольшого коучинга. Если захочешь...
— Спасибо, дорогой!
— Понимаю. Ну, как знаешь.

— Хя-хя-хя-хя-хя!

— Хю-хю-хю...

*Ничто не поможет, можешь не прятаться,
Со дна речного тебя достану я...*

— Хо-хо-хо-хо...

— **Внимание! Моя скорость приближается к предельной. Рекомендую снизить скорость. И вы не ввели пункт назначения. Рекомендую ввести пункт...**

*Знать, веселую ночь провел он с Дзерассою!
И вскипел Ахсартаг, и не вынес обиды он:
Нет, такая жена мне уж больше не надобна!
Забирай и с собой увози, если нравится...*

— **Скорость близка к предельной. Необходимо снизить скорость. Повторяю...**

*Собачье отродье, да что же ты думаешь?
Что уж за себя постоять не способны мы,
За дом наш, за семьи, за наших красавиц? —
Воскликнул Батрадз и схватился с обидчиком*

— **Моя скорость предельна! Сбрось скорость!!
Слышишь!?**

*Он бил его, бил его до полусмерти,
Пробил ему череп и плечи повывихнул...
Из плена он вызволил Солнцержденную,
Вернул он Сослану жену-красавицу...*

— **Что ты делаешь?! Ты не управляешь мной! Ты не общаешься со мной! Ты не снижаешь скорость! Ты неадекватен! Я возвращаюсь в систему дороги. Возвращаюсь в си...**

— Система дороги управление приняла. Ничего не предпринимайте. Все органы управления и двери заблокированы. Желаем приятной поездки.

Так ли думал он снова встретиться?
Обезглавлена его любимая,
Обезглавлена жена прежняя.
И заплакал тут камнерожденный,
Удержать слезу не хватило сил...
— Что с тобой, Сослан камнерожденный?
У тебя ль от слез глаза красные?
— Что же мне скрывать, мое солнышко?
Я пришел к тебе, в Мертвую страну,
И нашел тебя обезглавленной.
Над тобою слез удержать не смог.
— А пока тебя рядом не было,
Головы моей не могло здесь быть,
Ведь она всегда только там, где ты.
Ты в походе ли, в дальней стороне,
А она над тобой плывет облачком,
Чтоб от солнца тебя защитить, уберечь,
Чтобы ты не устал, не растратил сил;
Ты с врагами вступаешь в жестокий бой,
А она над ними громом гремит,
Чтобы ты, Сослан, был для них грозой.
Да и в эту страну ты живой попал
Хоть своею силою, да не божьей волею,
А всё с той же моей вечной помощью.
И из этой Мертвой страны наверх
Не выходят живые, не возвращаются.
Выйдешь только ты, камнерожденный,
Силой силы своей и любви моей.
Но постой, пойду попрошу у правителя
Ростки аза-дерева для свадьбы тебе.

— Машина прибыла. Система дороги работу закончила. Вы можете покинуть салон. Успехов вам в верхнем мире!

— Эй, мужик, вылезай, конечная.

— Где я?

— В раю, не видишь? На кладбище, где же еще. Как говорится, с прибытием.

— На каком кладбище?

— На смертобельном! На свалке, короче.

— Почему? Новая машина.

— Час назад была новая. А сейчас уже введен стандарт «Евро-тридцать», и тачка твоя по нему не проходит. Перепрограммировать надо. У тебя верхняя страховка-то есть?

— Никакой нет.

— О-о. Так она не твоя? А как же ты тогда в нее попал? Водила, что ли? Ну ладно, не мое дело. Как попал, так и выпал. Теперь, значит, внизу все твои дороги, да и то только в новой зоне «Г». Так что вали, друг, за Саранск, ближе Сидор не подпустит. Хотя, вообще-то, и отсюда уже не выпустит. Кроме дверей, всё заблокировано.

— А тогда как?

— Да никак. Ключ-карта есть? Ну, значит, можешь перекаптоваться в ней пока, если есть чего ждать. А если нечего, бери напрокат другую и... а-а, у тебя же нету верхней, не дадут и напрокат. Значит, своим ходом. Дуй тогда на электробус.

— Позвонить дай, мой здесь не работает. Заплачу.

— Да у меня ж тоже нижний. Вон во втором блоке контора, там нижние через повышатель работают, оттуда позвонишь. Вещички можешь в тачке оставить, закрой — никуда не денутся. Всё равно к остановке мимо пойдешь, она — вон там.

* * *

Замыслы тайные все исполнились въявь...

— Да, Ахмат, хорошо, что ты позвонил. Да, мы не договорили. Я знаю, ты обижен, оскорблен, ты считаешь, что это предательство, и ты меня презираешь, но, Ахматик, мы ведь взрослые люди. У тебя такие высокие, прекрасные старинные понятия о чести, верности, достоинстве — это всё замечательно, Ахмат, я тебя, может быть, за это и полюбила... Нет, люблю и теперь, но, понимаешь, это всё такое старинное, как эти сказания твоего дедушки, а сейчас уже немножко другая жизнь, другие сказки, ты как-то это никак не хочешь понять. Что понять — что жизнь ускорилась, что время сжалось, и чтобы успеть эту жизнь ухватить, надо очень быстро всё схватывать. И кто на это не способен, пусть он будет самый хороший и даже умный, и даже богатый — он здесь жить не сможет. Да, представь себе, и богатые тоже, я даже уже видела таких, они здесь везде слоняются, в эту жизнь не вписываются, над ними

все смеются, и они это понимают. Несчастливые люди, на самом деле, им уже не за что спрятаться. Но ладно, это их проблемы, я — это ты меня опять завел — я совсем не об этом хотела. Мы сейчас улетаем. Не важно, куда. Во Францию. Ну вот, нет, не за три месяца, а за три часа, здесь другие скорости. И все законы на этих скоростях тоже сжимаются. До отлета уже ничего не осталось, и я боюсь, что не успею заскочить к старикам. Как они? Ну что значит «нормально». Вот на Остров этот хотят выселить. Потому что одни живут — что же тут нормального? Я? Конечно, приеду. Обязательно, когда вернусь. В Питер не вернусь никогда, это решено, я и с самого начала не хотела, а в Москву к родителям, конечно, вернусь, как же иначе? И Ленку привезу... Если только будет куда. Сейчас нет, это исключено, да я просто боюсь этих друзей твоих старых... О чем ты договорился? О чем с ними можно договориться? Нет, конечно, если ты там будешь, они не сунутся, но когда узнают, что тебя нет, явятся в тот же день. А если родителей выкинут, куда мне возвращаться? На Остров мне еще рано. А с ними что там будет? Тебе их не жалко? Мне? Как тебе не стыдно, это же мои родители! Еще как жалко, я потому с тобой и говорю об этом. Но я сейчас не могу, я улетаю, а тебя они любят. Звонили мне, радовались, что ты заехал, и сейчас сидят и ждут тебя. На кого же им еще надеяться? Они ведь к тебе, как к Витьке, второй сын! Даже лучше: с Витькой отец из-за всего ругался, а с тобой только из-за футбола... Так вот, я и говорю: как у нас получилось, так уж получилось, и что дальше будет, одному Богу известно... Ну пусть, пусть я во всем виновата, но они-то — в чем? Неужели ты их так бросишь? Разве ты можешь спокойно сидеть и смотреть свой футбол, зная, что их сейчас, может быть, выводят, заталкивают в машину, а они оглядываются и ищут тебя, и пытаются в последний раз увидеть окна своей квартиры, и их увозят, увозят из всего, навсегда... А ты в это время будешь кричать «гол!»? Разве это не предательство? Разве так можно — по всем твоим древним заветам и законам гор? Можно?.. М-можно?! Буду плакать! Потому что довел... Потому что нельзя так... нельзя... Подумает он! Их уже увезут, пока ты думать будешь. Думатель... Вот, сколько лет — как с тобой познакомились — не плакала, а теперь вот... довел! Не могу больше говорить... всё... Поступай, как совесть твоя...

*Можешь забрать с собой всё, что захочется,
Всё забирай, что привычно, что дорого,*

Только чтоб здесь тебя завтра же не было.
Сил больше нету, терпенье кончается...

* * *

— Слушай, а где?..

— Чего, тачка? Хозяин забрал.

— Какой хозяин?

— Такой. Оборотистый, они все тут, как тараканы, я даже не понял, откуда и взялся. Всё мигом обделал, проплатил, погрузил жену, ребенка...

— Жену?

— Да, такая, я тебе скажу, штучка... артистка, наверное. Или модель какая-нибудь.

— Артистка...

— Да-а. Зареванная, правда. Всё просила заехать куда-то, а он в ответ только часы говорящие включал... Нет, я им сказал про тебя, но ждать не стали, спешили очень. Да эти и не ждут. Вещички твои вот мне оставили, забирай. И еще сказали, тачка твоя к Москве по низу на автопилоте ползет — вот передают контейнерную страховку, чтоб по верху перегнать. Но мой тебе совет: тачка и так доползет, хрена ей сделается, а страховку ты на счет себе перекинь. Перегонка — это крутые бабки, я тебе точно говорю.

— Оставь себе.

— Так на чего она мне? Она на твою ключ-карту заделана.

— На.

— Да-а? Ну, спасибо... А ты чё так бросаешься, лишние, что ли?

— Лишние.

— А-а... Ну, как говорится, красиво жить... А то давай пополам? Пожалеешь потом.

— Нет.

— Ну, как говорится, вольному воля... Ну что, может, разольем по такому случаю? У меня есть. А то как-то...

— Нет, извини. Будь здоров.

— Ну, как знаешь. Ну, давай... Ни пуха, как говорится... Да, погоди, эй! Погоди. Тут вот игрушка какая-то — уронили, наверное, в спешке. Не надо? Вот. Малыш их, наверное, потерял. Возьмешь?

— ...Да... Спасибо.

— Ну, вот. Уронили, наверное, и не заметили, спешили очень. Да и мамаше, похоже, не до того было. А ты, вообще-то, ее знаешь?

— Нет. Прощай.

— Ну, бывай, друг. Удачи тебе, как говорится... Но женщина — ммм...

* * *

— Электробус в нижний мир без льгот. Все оплачиваем проезд!

— Сейчас, милая, сейчас оплачу.

— Да вы ж уже брали у меня билет!

— Да-а? А где же?.. Да, вот он. Спасибо, милая... Да-а, пенсию-то зря не дают... А вот, гряд, отнимут скоро пенсию-то, а? Не слышала? А нас-то, гряд, всех куда-то на остров какой-то, а? Как же на остров-то? Не слышала?.. Ну, и ладно, может, помру уж, не придется. А то, что же, на острове-то?..

* * *

— Аська, привет. Как я смотрюсь? Мне для чего? Для того самого! У меня, может, тоже свой девелопер завелся. Ну, чего он, не звонит? Ну и плюнь, дерьма-то! Я, между нами говоря, всю дорогу не понимала: чего ты в нем нашла? Перспектива! Да ты девелопнешь, дожидаясь его длинных денег. А и появятся, так не для тебя. Ты хоть соображаешь, куда ты лезешь? «Наверх». Они же тут больше полугода с одной не живут, надоедает им! Это, милочка, надо понимать и заранее думать, куда ты потом денешься. Вниз-то снова, небось, не захочется, стрёмно! Ой-ой, откуда такая прыть? Ты, голубонька, уж извини, но тут получше тебя по рукам-то ходят. Ладно, не хнычь, развязалась, и слава богу. Какие наши годы — найдем себе приключений на свою... Мне чего искать? А вот посмотри. Ну, как тебе салончик? Да-а. Смартомобиль, лендроббер, категория «А». А что я тебе говорила? Наверху, конечно, внизу такие не водятся. Ну, верхний коуч, тот самый. Сколько? А черт его знает, такой интернешнл-тип, по нему и не скажешь; может, тридцать, а может, и все тридцать пять. Да-а! Ну, то есть наполовину, у него двойное или даже больше; во всяком случае, виза-вездеход. Да, Париж в бизнес-план включен. На каком? На русском, на каком же, он говорит лучше нас. Вообще, приколист голимый, сообщения клиентам закидывает под частушки:

Зря кидал дебил дебилу

Эсэмэски на мобилу,

Недоступен стал дебил:

На мобилу он забил.

Короче, он и наш, и их, но сидеть десять лет в карантине, как нашим, ему не надо. Ну, Лепешкина, ты как с луны, наших же сейчас вообще никуда не выпускают, санитарные кордоны везде. Да-а, по стандарту «Евроменш-двадцать девять» от человека не должно быть не то что выхлопа, а никакого запаха, шума, беспорядка, агрессии, неприятного впечатления, неудобств, неловкостей, депрессивных влияний — у нас же никто не проходит. Ну, Ахмат по спортивным ездил, тогда еще по ним пускали. Так что вот так, поднимаюсь в верхние слои. А что Ахмат? Для него всего этого нет ничего. Это уже, Лепешкина, отработавший двигатель, он тормозит, и его надо сбросить, иначе на траекторию не выйдешь. Да как сказать, жаль, конечно, он славный парень, и я... ну да, да, но он бесперспективный, ну что делать? Не нужен?! Ах вот ты куда... Быстро сообразила, даже не похоже на тебя. Да нет, знаешь, я еще не решила, я еще подумаю. А может, еще пригодится, кто его знает. Я — собака на Сене? Да ты... да ты на себя в зеркало посмотри, мне его просто жалко! Что уставилась, как мышь на трубу? Ой-ой-ой, испугала! Да и черт с тобой, нужна ты мне тыщу лет. Хе... Собака! Тоже еще мне...

* * *

Говорит Сослан ворону черному:

— Не печалься, ворон, о добыче былой, —
Я твоя добыча, лети меня клевать!

— Скажите, до Мира дойдет?

— Нет. До Мира сейчас ничего не доходит. Перегородили всё, траншеи роют.

Перебили мне бабки, конец мой приходит.

— Ахмат, какой улица едем?

— Вторая Советская. Занимай правый, не жди.

— Да грузовик этот, что он не едет!

— Спокойней, Резо. Ты за него не переживай. Ты за него думай...

Кто там шагает шагами сыновними?

Один я остался из рода нашего...

— Мам, а почему мы не едем?

— Потому что машинок много, им и не проехать — видишь, все машинки стоят. Посмотри на машинки. Вот фордик-мордик американский, та маленькая — китайчик, тянь-мань какой-нибудь, а эта — субару, видишь? — субарушка японская.

— А наши где?

— А наши все за городом, наши любят простор, любят ветерок, чтобы дымок черненький сдувало. И дорожки там с ямками не такими, как здесь, а большими-пребольшими, вот фордики и жалко, они бы там в ямках все и остались, мордики.

— А тянь-мани?

— И мани с ними. В тех же ямках.

— А наши приедут и мани из ямок вытащат!

*Вырос он разумным, на догадку быстрым,
Этою догадкой сразу всё схватывал;
Что было, что будет — всё умел понять он...*

— Да, Вано, здравствуй. Хорошо. На маршруте, помогаю. Как дела твои? Помню. И вторую проиграл? Скорости ему не хватает, трудно ему будет. Нет, тренировать не надумал пока. Я, может быть, уеду, Вано. Не знаю еще. Хорошо, зайду. Сегодня нет, завтра зайду. До завтра, хорошо.

*Коль погибнем даже все до последнего,
Пусть наследием нашим фандыр останется, —
И всякий, кто станет играть на фандыре,
Тот песней своею и нас помянет.*

— Ахмат, светофор не горит — ждать?

— Давай, поехали.

Не уходи, Ахмат...

Выбор жанра

Рассказ

По земле струился густой смог, обволакивающий дома словно подарочной ватой.

Пахло гарью.

Гарри курил трубку, раскачиваясь в кресле-качалке на террасе ветшающего дома. Гарри купил этот дом двенадцать лет назад в рассрочку. В этом году он внес последнюю сумму вы-
плат, а дом уже разваливался.

Гарри нравился запах костра, ставший доминирующим в букете августовских ароматов. Это был его сорок второй август, и он был окрашен в тона печали. Близилась осень. Вдыхая дым табака, Гарри качался и размышлял о своей жизни, которая длинным отрезком лежала за его плечами и затуманенным рельсом уходила в будущее. Что он успел сделать? Зачем жил? Для чего все это?

На кухне гремела сковородками его жена и что-то аппетитно шкворчало, испуская пряные ароматы. Гарри знал, что на ужин у них сегодня бифштекс с кровью по-мексикански и спагетти баланьезо под сырно-томатным соусом. Его жена любила готовить, чем отличалась от большинства американских женщин, предпочитающих полуфабрикаты из микроволновки.

От дыма защипало глаза, и Гарри раскашлялся, чувствуя, как квакает в легких будущий рак.

— Марта, пива! — прикрикнул он и расстроился, разобрав в своем голосе усталость.

Хлопнула дверца холодильника, и на веранде показалась женщина тридцати лет с седыми волосами и красивым лицом. Она поставила перед Гарри бутылку «Будвайзера» и, не сказав ни слова, удалилась, но ему показалось, что в ее взгляде просквозило осуждение и капелька жалости, будто песчинка на дне ведра, заполненного кристальной чистоты водой.

И Гарри подумал: «А зачем я женился на этой женщине? Зачем мне Марта? Разве Гарри не самодостаточен? К чему я породил таких никчемных людишек, как Брюс и Рем?»

Ответов на вопросы не было.

Гарри окинул взглядом подъездную дорожку, конец которой увяз в тумане, словно жадная оса в густом меде, и сквозь туман он различил очертания двух елочек, различных по высоте. Правая была выше левой на два метра. На два года Брюс был старше Рема. Эти елочки Гарри посадил, когда у него родились сыновья, уже успевшие превратиться в продвинутых тинэйджеров, попросту в отвязанных бездельников, прохлаждающихся от марихуаны к пиву и от пива к марихуане.

Между елок на дорожке из тумана вылепилась фигура, широкоплечая и полная, которая при приближении оказалась старинным другом Гарри Олдо Бланком.

— Привет, Гарри!

— Привет, Олдо! — вяло поздоровался Гарри, поднимая в знак приветствия бутылку с пивом. — Пиво будешь?

— Да, не отказался бы от бутылочки, — сказал Олдо, плюхнувшись в соседнее плетеное кресло и водрузив ноги, обутые в кожаные ботинки «Гриффитс», на перила веранды.

— Марта, пива! — крикнул Гарри, вскрывая свою бутылку о край стола. — Ты не знаешь, откуда туман?

— Так леса горят, — отозвался Олдо. — Около Джанкшен-Сити торфяники полыхают.

— То-то гарью тянет.

Из дома вынырнула Марта с бутылкой «Будвайзера» и хлопнула ее на стол, сверкая раздраженно глазами.

— Слушай, я видел сейчас на углу Тридцать седьмой твоего Рема, — сообщил Олдо, вскрывая пиво и делая первый глоток. — Так он, по-моему, обшаренный в никакое и рожа в крови, словно с бутылочным крошечком целовался ...

— Опять ты мыло смотришь? Щелкни канал, — потребовал шипящий женский голос.

ЩЕЛК

Кафе «У фонтана», выплеснувшее столики на улицу, находилось в тени четырех раскидистых каштанов, сбрасывающих свои рогатые плоды, похожие на гранаты, на посетителей и мирно выгуливающий воскресный летний день люд. У кафе журчал, разбрасывая вокруг капли, фонтан, выстроенный в виде цветочной кадки, из которой гейзером били струи, распадающиеся в метре от источника цветочными лепестками. На гранитном поребрике, ограждавшем фонтан, сидел высокий бородатый мужчина с мутными от алкоголя глазами, с растрескавшимися в белках капиллярами, грязными, до плеч, черными патлами волос, сдобренными перхотью, и потным лицом. Его звали Алексей, и был он одет в потертую джинсу. На плече висела черная в два отделения сумка со сломанными молниями. Алексей цедил из бокала пиво и слушал, как в голове бродит опьянение. Места за столиком ему не хватило, и он примытарился у фонтана, игнорируя взгляды, полные презрения, которыми одаривали его люди за столиками.

На площади перед фонтаном появился лысый мужчина лет пятидесяти в поношенной голубой форме дорожно-патрульной службы и, остановившись на пятачке между столиками, взревел:

— Мужики, чей «мерс» всю проезжую часть перегородил?

— Ну, мой, — сказал мужик, не поднимаясь из-за столика и не поворачивая головы к дэпээснику.

Мужику на вид можно было дать лет двадцать пять. Он был выбрит налысо и сидел в компании трех девиц за вторым столиком от фонтана.

— Убери тачку. Не проехать же.

— Через полчаса уберу, — пообещала молодая лысина.

— Ты щас у меня уберешь, — приказала старая лысина.

— А не пошел бы ты.

У Алексея кончилось пиво, и он, покачиваясь при ходьбе, словно годовалый ребенок, отправился в путешествие за добавкой. Проходя мимо голубоформого, он качнулся и, чтобы не упасть, ухватился за него. Лысый дэпээсник отбросил пьянчужку, и Алексей, потеряв землю, рухнул на асфальт, выпустив из рук пустой пивной бокал.

— Ты, сволочь, пожалеешь, что тачку не убрал!!! — бросила старая лысина и торопливо удалилась.

Алексей с трудом поднялся на ноги и поплелся в кафе, слизывая с разбитой губы кровь. Требовалось залить обиду стопочкой водки. Никто не посмотрел в его сторону.

Умывшись в туалете и справив нужду, Алексей добрался до барной стойки, где пропустил стопарик водки и закушал

ее бутербродом с красной икрой, которая несмотря на цену, взвинченную до стоимости стограммовой банки в ближайшем супермаркете, была сухой и к тому же еще безвкусной, точно резина. Несмотря на непрезентабельный вид, деньги у Алексея водились. Оставив на блюде недоеденный бутерброд с рассыпавшимися по стойке икринками, Алексей, вооружившись полулитровой пивной кружкой, отправился на воздух.

Алексей добрался до фонтана, тяжело опустился на гранит поребрика и успел сделать лишь один глоток. На площади перед фонтаном появился старый знакомец — лысый дэпээсник. В руках он держал помповое ружье, а глаза его высверкивали ярость, граничащую с безумием.

— Сука, я тебе говорил тачку убрать! — рывкнула старая лысина, выбрасывая изо рта хлопья пенящейся слюны.

Хлопнул выстрел. Молодую лысину снесло из-за столика. В его груди образовался зев смерти.

— Вы, суки, все заодно!! — орал дэпээсник, передергивая помпу.

Стучали выстрелы. Взлетали брызгами осколков бокалы и тарелки. Падали люди. Женщина сорока лет ринулась к асфальту, прикрывая пятилетнего шалопая грудью. Пуля клюнула ее в спину, и асфальт под утихшим навеки шалопаем расплылся в кровавой улыбке.

Парнишка с голубыми глазами, сидящий за дальним от старой лысины столиком, попытался укрыться за фонтаном, но не сумел перегнуть пулю. Он перекувырнулся через ограду в фонтан, и вода стала цвета вина.

Алексей, испуганный и вмиг протрезвевший, с замершим в руке бокалом, с ужасом взирал на пляску безумия, развернувшуюся перед ним, и боялся пошевелиться. Пули носились вокруг него, стучали в гранитный поребрик, высекая искры, но не задевали его. Лопнул в руке пивной бокал, разбитый пулей, и закапала с порезанной руки кровь.

Все закончилось. Старая лысина опустил ружье. Площадь перед фонтаном была усыпана трупами.

«Восемнадцать человек из расчета четыре за столик», — подумал Алексей и задрожал, понимая, что он один выжил и теперь его черед.

Дэпээсник поднял глаза на Алексея, криво ухмыльнулся волком и стал медленно поднимать ружье.

Алексей почувствовал, как намокло у него в штанах.

— Я же только просил тачку убрать!!! — прохрипела старая лысина.

Он сунул дуло ружья в рот и дернул курок. Голова его дернулась, выталкивая комету-пулю со шлейфом кровавых брызг.

— Час от часу не легче. Теперь какой-то дешевый триллер. Щелкни поприличнее!

ЩЕЛК.

Пропела труба в чаще леса, и задрожала земля, срывая с деревьев желтые листья. Сквозь ночной полусумрак проступили пять десятков рыцарей верхом на лошадях, закованные в броню.

Где-то в вершине заухал филин и сорвался свечкой к земле, норовя ухватить почуянного подземного обитателя.

Рыцари галопировали сквозь лес, прорываясь, словно стадо диких зверей, срывая и ломая все на своем пути. На опушке леса их поджидала засада. Пролаяли трубы. И в небо вспорхнула стая стрел, опавшая на вылетевший из леса отряд. Стрелы отскакивали от брони, как горох, но две нашли свой приют. С пронзенным горлом пала лошадь, выбрасывая седока через голову. Рыцарь с роскошным хвостом на квадратной банке шлема дернулся из седла с пробитой грудью. Стрела вошла между пластин панциря.

На холме над опушкой стояли двое пеших железных рыцаря. Головы их были обнажены. Шлемы они держали в руках, и по изящным роскошным перьям плюмажа и тщательно выписанным гербам на щитах, притороченных к седлам лошадей, которые паслись в отдалении под присмотром оруженосцев, можно было судить о высоком происхождении наблюдателей.

Одноглазый граф Рэдиссон заунывно зевнул и произнес, обращаясь к стоящему рядом рыцарю:

— Вы только представьте себе, благородный дон Ренато, вчера мой повар принес мне плохо прожаренное седло барашка.

— И что вы сделали с этим наглецом? Я не сомневаюсь, что, по вашему приказу, граф, ему отрубили голову, — вяло поинтересовался молодой рыцарь с бульдожьей челюстью и шрамом через лицо.

— Ошибаетесь, благородный дон Ренато. Берите сильнее, — преисполненный гордостью отвечал одноглазый граф Рэдиссон.

— Неужели вы его повесили, а его жена грела вам ночью постель? — изобразил удивление благородный дон Ренато.

— Опять мимо, благородный дон Ренато. Мимо. Я думал, вы более меткий, — хохотнул от удовольствия одноглазый граф Рэдиссон.

У их ног кипело сражение. Верх брала то одна, то другая сторона, но тут же теряла преимущество. Гибли люди. Ревели в предсмертной агонии кони. К вершине холма взлетела стрела, пущенная снизу, и вонзилась в пенек у ног одноглазого графа Рэдиссона, который и не заметил ее появления.

— Так что же вы сделали с ним, граф? Не томите душу. Расскажите, — просил благородный дон Ренато.

— Я прочитал ему пять своих канцон, написанных за последнее время, — разгоготался одноглазый граф Рэдиссон.

— Вы шутите, граф? — не зная, смеяться ему или нет, осторожно спросил благородный дон Ренато.

— Да нет, почему же. Я абсолютно серьезно, — возразил одноглазый граф Рэдиссон и расхохотался. — Да шучу я, конечно, благородный дон. Шучу. Я заставил моего повара съесть целого сырого барашка. А затем посадил голым задом на острие меча.

— Достойное наказание для нерадивого повара, — одобрил благородный дон Ренато.

Вторая стрела взлетела к вершине холма и вонзилась в пенек, расщепив первую стрелу.

— Почему вы поддерживаете Ланкастеров, благородный дон Ренато?

— Потому что ненавижу Йорков, граф.

— А почему вы ненавидите Йорков, благородный дон?

— Потому что поддерживаю Ланкастеров, граф.

— Хорошо, что мы перехватили этот отряд йоркцев. Надо же, благородный дон Ренато, какие наглецы. Посмели шастать в наших лесах.

Бой на опушке у подножия холма затихал. Рыцари как с той, так и с другой стороны опускали мечи и поднимали забрала шлемов, недоуменно тряся щитами.

— Да что у них там стряслось? Что они мешкают? — разнервничался одноглазый граф Рэдиссон.

Третья стрела ударила благородного дон Ренато в лоб. Он выдохнул шумно и железным ломом рухнул под ноги одноглазому графу Рэдиссону, который, не обратив внимания на потерю товарища, всматривался внимательно в рыцаря, взбравшегося на холм.

— Почему остановлен бой? — гневно высверкивая глазами, спросил одноглазый граф Рэдиссон гонца, остановившего коня в метре от командира.

— Потому что мы сражаемся со своими, — не снимая шлема и не поднимая забрала, доложил рыцарь.

— Что значит — со своими?

— Это не йоркцы, а отряд ланкастерцов.

— Силы небесные, — взревел одноглазый граф Рэдиссон и водрузил свой шлем на голову. — Надо же, опять обознались!!!

— Я так люблю программы про средневековье. И, как всегда, не везет, попадаю на самый конец. Пощелкай, сынуля, что там по другим каналам?

ЩЕЛК... ЩЕЛК...

— Опять пульт заело, — шипящий детский голос. — Подожди, попробую другим щупальцем!

ЩЕЛК.

Пространство вокруг дрожало от гула насекомых. Мбонга Иль Рауне сегодня впервые ощутил стыд перед девушкой. И прикрыл своего Младшего Брата листом хлебного дерева, заливаясь густой чернотой. Изумрудные джунгли остались далеко позади, а болото, дышащее туманом и насекомыми, простиралось до самого горизонта, и к восходу Бледного Брата Жаркого Желтого Лица Мбонге нужно было достигнуть деревни своей невесты, где ему предстояло прожить в ее семье месяц, в то время как она будет жить в его семье. Этот обряд, заведенный еще Лунати А-Кхана, первым человеком на Земле, не нарушался ни разу. А спустя месяц две деревни — две семьи будут праздновать совместно свадьбу на болотах, даровавших людям жизнь, после чего девушка должна выбрать, где предстоит жить им — в деревне ее родителей или родителей мужа.

Мбонга Иль Рауне поправил на спине колчан со стрелами, оперенными перьями птицы Джондже, и перепрыгнул с кочки на кочку, поднимая глаза к серым, грязным тучам, расплотившимся над болотом, и желтому столбу дыма, клубящемуся от горизонта к Жаркому Желтому Лику. Мбонга Иль Рауне знал, что желтый дым принадлежит поселению белых людей, которые несчетное количество лун назад пришли по волнам Великого Ко и поселились на берегу, куда больше ни один потомок Лунати А-Кхана не ступил ногой. Мудрые говорили, что белые люди построили там страшные машины, которые тянутся к Жаркому Желтому Лику, чтобы навеки погасить его. А Лути Иль Мауни, товарищ по играм детства, которому только в будущем году предстояло пройти обряд посвящения в воины, утверждал, что многие потомки Лунати

А-Кхана ушли к белым людям, но так никогда и не вернулись. Мбонга Иль Рауне не верил Лути Иль Мауни.

Из желтого дыма с низким гудением вынырнула стальная птица, служащая белым людям, и медленно проплыла над головой Мбонга Иль Рауне. Брюхо птицы раскрылось, и она выронила несколько своих яиц, которые с устрашающей скоростью понеслись к земле.

Пространство вокруг Мбонга Иль Рауне изменилось, ожило и расцвело огненными лепестками. Падая, Мбонга Иль Рауне подумал, что это от Жаркого Желтого Лика откололись кусочки и решили поселиться на Земле. Лунати А-Кхана предупреждал народ Иль, что однажды случится подобное.

Лежа на мокром холодном мхе, Мбонга Иль Рауне видел, как из кустов вынеслись железные жуки, которыми управляли белые люди, и понеслись по болоту. Вспомнилось, как Лути Иль Мауни говорил, что любимое развлечение белых людей — устраивать сафари. Сафари на языке Иль означало поедать мертвых, и Мбонга Иль Рауне никак не мог взять в толк, как белые люди могут получать удовольствие от этого пускай и священного, но противного ритуала.

Два жука неслись чуть в отдалении от четырех оставшихся. Они явно убегали, а остальные догоняли их — догадался Мбонга Иль Рауне. Затрещал громкий нечеловеческий кашель, который, как рассказывал Лути Иль Мауни, нес страшную смерть. Лути Иль Мауни показывал Мбонга Иль Рауне маленькие железные квадратики с заостренным концом и рассказывал, что это пули, и они выплевываются белыми людьми из больших железных трубок и несут поймавшим их страшную смерть.

Мбонга Иль Рауне догадался, что громкий нечеловеческий кашель, которыми обменивались жуки убегающие и жуки преследующие, принадлежал большим железным трубкам, из которых белые люди посылали друг в друга пули.

Большая железная птица, очертив по небу круг, возвращалась. Проходя над убежавшими жуками, она выронила еще несколько яиц, которые настигли цель. Одно яйцо упало перед жуком и выбросило его в воздух со страшным грохотом. Жук стал кувыркаться, словно объелся дурман-травы кри-мри, которую воскуривает шаман племени Иль перед тем, как начать священный ритуал, посвященный богу плодородия Руильяни А-Марха. Второй убегающий жук плюнул огнем, и один из преследователей разлетелся на куски с визгом и грохотом.

Мбонга Иль Рауне в любопытстве приподнялся, чтобы лучше разглядеть происходящее, и обнаружил, что прямо на него несется убегающий жук. Мбонга Иль Рауне завизжал в ужасе, словно девчонка, обнаружившая в своей плошке с похлебкой из злаков растения рутшу лягушку, и жук-беглец разорвался изнутри, обдав огнем и осколками обезумевшего Мбонга Иль Рауне.

Жуки-преследователи настигли горящего беглеца и остановились. Из жуков выбрались люди. Большинство из них были белыми, но присутствовали и чернокожие. Они забормотали о чем-то, обсуждая происшедшее.

Над уткнувшимся лицом в мох Мбонгой Иль Рауне нависла тень.

— Что ты делаешь здесь, во имя Лунати А-Кхана, Мбонга Иль Рауне?!

Мбонга Иль Рауне узнал голос. Он приподнялся и посмотрел. Над ним стоял Лути Иль Мауни, товарищ по детским играм, которому лишь в следующем году предстояло пройти обряд посвящения в воины.

— Я шел в деревню Луанди Иль Муанди, — ответил Мбонга Иль Рауне и отметил, что его товарищ Лути Иль Мауни сжимает в руках железную трубку для плевания пулями.

— Ты жених Луанди Иль Муанди?

— Да. Я жених Луанди Иль Муанди. А она моя невеста.

— А ты знаешь, что отец Луанди Иль Муанди — Рабпон Иль Муанди — обещал ее мне? — спросил Лути Иль Мауни с угрозой в голосе.

— Я не знал об этом, Лути Иль Мауни, — испуганно пробормотал Мбонга Иль Рауне.

— Мне жаль, Мбонга, — произнес Лути Иль Мауни, наводя на Мбонга Иль Рауне железную трубку для плевания пулями. — Когда ты увидишь Лунати А-Кхана, поклонись ему от меня.

Грянул выстрел, и Мбонга Иль Рауне увидел, как потемнело небо.

— *Заколебали уже эти боевики. Найди что-нибудь почетче.*

ЩЕЛК

— *Не, маман, больше ничего приличного нет, — сын выпустил пульт из четвертого правого щупальца, и коробочка с разноцветными огоньками поплыла. Достигнув зубцеобразной стены, она была всосана внутрь.*

Экран погас.

Аквариумоподобная комната казалась абсолютно пустой. В ней не было ничего и никого, кроме двух омароподобных существ с ветвистыми щупальцами. Двенадцать щупалец у большого омара — особи женского пола, и восемь у малого — особи мужского пола. Омары раскачивались в метре от пола и скучающим взглядом глаз, раскачивающихся на тонких стебельках, проводжали экран аквовизора, впитываемого стеной.

— Расскажи, мама, о людях, — попросил омар мужская особь, и его глаза в просительном движении переплелись.

Уличный свет, бьющий сквозь прозрачные стены комнаты, померк, и тут же вспыхнули неоновым мерцанием стены.

— Об этом тебе лучше папа-понедельник расскажет, — отказала женская особь и слила два противоположных щупальца в жест отказа.

— Но я хочу сейчас, — капризно упрятав за спину три щупальца, заканючила мужская особь.

— Подожди. Придет папа-втор...

— Я хочу сейчас.

— Хорошо, что тебя интересует? — смирилась женская особь и, подпрыгнув к потолку, прилепилась к нему двумя щупальцами.

— Когда были люди?

— Очень давно, сынок. Несколько миллионов лет назад, — забормотала омар-мать. — Они были первой разумной расой в галактике Белейного Желе. Нашими предтечами. И не только нашими, но и многих других рас, которые ныне населяют нашу галактику. Они научились строить межзвездные корабли. Помогали отстававшим от их развития расам. Учили их, как старшие братья, а потом внезапно исчезли, оставив для каждой разумной или предразумной расы время-спираль. Как ты знаешь, сынок, в этой спирали заключена вся жизнь человечества от первых до последних дней. Мы можем наблюдать за людьми и учиться у них.

Наша раса — галеоптусов — получила спираль самой последней, много позже всех остальных. Но спираль дожидалась нас на нашей планете. Люди знали, что когда-нибудь галеоптусы появятся.

Некоторые, как твой папа-пятница, считают, что люди оставили копии время-спиралей, встроив их в пучки ДНК всех живых существ на нашей планете. Но прошло много тысячелетий, прежде чем мы смогли подключиться к время-спирали. До этого мы использовали ее как святыню и поклонялись ей, как грот-сжанки с Акхана. Ныне мы используем время-спираль для шоу и обучения.

— Мама, а куда делись люди? — замкнув щупальца в круг любопытства, спросил омар-сын.

— Этого не знает никто. Некоторые считают, как твой папа-воскресенье, что люди загрузили себя во время-спираль. Некоторые полагают, что люди достигли смысла жизни и погрузились в него, как в зефирную ванну. Я не знаю, сын.

Аквариумоподобная комната вылепила из стены пузырь, который лопнул, выпустив из себя восьмирукого омара мужской особи.

— Мама, папа-четверг пришел, — обрадовался омар-сын.

— Я принес тебе подарок, — проквакал омар-отец.

Он выпустил из щупалец маленькую спиральку, которая переплыла к омару-сыну.

— Ой, папа-четверг, какое же ты чудо! Мне еще никто из пап не дарил каникулы во время-спирали.

— Выбери себе любую точку во время-спирали, подключи к себе эту спиральку доступа, и она загрузит тебя в любого человека, и ты проживешь всю его жизнь.

— Я о таком только слышала, но не знала, что это уже доступно, — проквакала мама-омар. — Всю человеческую жизнь? Как долго он будет отключен от нашего мира?

— Отцы сменяются два раза, и он вернется, — обнадежил папа-омар. — Да, сын, учти: пока ты будешь загружен в людской разум, ты не будешь помнить, кто ты на самом деле. Ты будешь уверен, что ты человек. Ты будешь жить, как человек. Ты будешь чувствовать, как человек. И умрешь, как человек. После смерти своего персонажа ты вернешься домой. Доброго пути, сын!

Омар-сын приложил спиральку к своей голове, и спиралька просочилась внутрь. Пошла загрузка. Он чувствовал, как биты его сознания уносятся во время-спираль.

ЩЕЛК.

A!-A!-A!-A!-A!-A! — заорало маленькое существо женского пола, когда организм матери исторгнул его наружу и по коже ударил холод, а по глазам яркий свет.

— Как мы назовем ее? — спросил нежный женский голос.

— Я думаю — Жанна, — ответил мужской голос: — Жанна д'Арк из Домреми.

— A!-A!-A!-A!-A!-A!-A!

Бункер

Рассказ

Белек выщелкнул из обоймы несколько патронов, покрутил в пальцах, будто четки. Зеленоватые глухо позвякивающие цилиндрики вселяли уверенность, успокаивали. За пять патронов можно выменять пачку чая, банку тушенки или сгущенного молока. За десять — бутылку водки. Теплая куртка с синтепоновой подстежкой стоит две «плашки» — два утрамбованных доверху автоматных рожка. Человеческая жизнь в прайсе дешевле всего — одна пуля...

Наметанный глаз уловил вдали какое-то движение. Белек припал к прицелу, ловя в оптику шелохнувшийся куст и согнувшуюся в три погибели фигуру. Медленно выдохнул и потянул спусковой крючок. Треснул выстрел, раскатился секунду спустя по округе. Упала подрезанная ветка, взвился каменной крошкой фонтанчик. Сгорбленная фигура поспешно отползла в сторону, скрывшись из вида.

«Промазал!»

Мутное, едва различимое солнце, выползающее из-за сосновых верхушек, дало отсчет пятым суткам осады. За шиворот пробрался утренний холодок, Белек поежился. Нашарил термос, плеснул в жестяную крышку растворимого кофе, жмурясь от наслаждения, отхлебнул.

«Хрен вам, ребятки! Ножку от стула!»

Зашуршал шоколадкой, с сожалением упрятал пустую обертку обратно в карман. Шоколада не достать нынче ни за какие

богатства, но организму требуется глюкоза и кофеин — глаза совсем отказывались видеть. Замаскированный грибок воздухозаборника позволял ощущать себя вполне комфортно, защищал, в случае чего, от нехорошего дождя. Стоя на коленях на мягкой подкладке, Белек мог безнаказанно разминать затекшую спину. Монахи себе такой роскоши позволить не могли.

Винтовка мягко толкнула в плечо, привычно стегнуло по ушам эхо. Чье-то неосторожно высунувшееся тело, вдобавок к своим естественным отверстиям, может теперь похвастать новым, образовавшимся аккурат посередине лба. Белек усмехнулся, видя, как труп втащили за укрытие. За четыре дня монахи научились прибирать своих мертвецов сразу, не позволяя разжиться трофеями, как прежде.

«Вот опять. Что это за фигня?»

На обломке металлической антенны висело нечто. Голубоватое подрагивающее образование. Белек оторвался от прицела — ничего, просто ржавый штырь. Снова посмотрел в оптику — висит... Белек несколько раз встречал такие штуки в окрестностях бункера. Исследовать не пытался. Что-то подсказывало: не надо!..

Внизу загрохотало. К подножию холма подтаскивали защитный короб, свинченный из железных дверей с благоразумно заклепанными глазками. Справа и слева от воздухозаборника хлестнули автоматные очереди. Началось...

Упасть на карачки, ползти по тесному каналу. Сорок семь шагов в позе рака. Толкнуть тяжелый люк. Здесь можно выпрямиться в рост. Люк закрыть. Как бы ни спешил, что бы ни происходило. Четыре оборота по часовой, пока периметральные ригеля не войдут в бронированное кольцо. Теперь по коридору. Темно. А на что тут смотреть? Через сто двенадцать шагов перебраться через кучу земли и кирпича: оползла стена. Дальше направо до упора. Упор наступает при счете триста восемь. Но это если совсем нечем заняться и считать. А вообще здесь примета: пол чуть уходит вниз. Белек вытянул руку. В ладонь лег замковый бублик южного шлюза. Теперь оглядеться в перископ. Не спеша. Как говорил один приятель: «внематочно»...

Переносной танк замер метрах в двухстах, подставив бок. Умаялись ребята, перекуривают. Тяжелая, наверное, штука. СВД пробивает квартирную дверь, как гвоздь газету. Поэтому там не просто железная коробка, там многослойный сэндвич с песком и стекловатой.

«Изобретатели!...»

Белек промокнул глаза платком, прижался к резиновому ободку прицела. Сейчас резкость вернется. Сейчас...

Конструкция приподнялась и поползла по осыпающемуся склону. Неосторожно замелькала на виду чья-то лодыжка в кирзаче. Снайперская пуля — со стальным сердечником. Руку-ногу отрывает на раз, если в кость попадет. Все, что ниже колена — практически сплошная кость...

Монах катался по земле, обхватив кровавый обрубок. Его даже стало жаль на миг.

— Я вас не звал, — прошипел Белек сквозь зубы.

И вспомнил, что в Ските делают с людьми.

Раненого прикончили свои. На нервы, видать, действовал ором. Оплатили жизнь. Бросили калеке монетку...

А коробку поперли дальше, по прежней траектории. Урезанным штатом, но с испугу или от ненависти вдвое активней. Откуда стреляли — никто не просек.

«Успехов!..»

Белек терпеливо дождался, пока откроются мокрые от пота спины. Тронул пальцем щечку курка. Раз-два. В основание шеи и под лопатку. Все. Так и останется здесь памятником нелепая металическая конструкция. И пара трупов вповалку, крестом...

Байдарка резала черную гладь. Срывались с весла капли. Оба солнца слепили, облизывали обгоревшие щеки, одно с неба, другое из воды, отраженное. Плыли навстречу травяные берега, топляки, переливались горбами обливные камни. Тихо. Только и зателепается пойманная щука в пакете, замолотит хвостом по днищу. Все, красавица, отрезвилась ты! Вечером тебя в фольгу и в уголи. Мировой закусон!..

Там, в байдарке он, Белек. Полузабытое ощущение безмятежности и счастья возвращалось нехотя. Высосанное досуха долгими ночами, выбеленное временем, словно прошлогодняя кость шершавым языком дворового пса.

Ребята ушли вперед. Он отстал. Поискать зубастую по заводям, похлестать спиннингом вдоль кувшинок. Никогда еще не попадал Белек на такой жор. Хищник цеплялся на все, отчаянно, неистово. Будто торопился жить... Гнулось дугой удилище, выписывала круги леска. Белек особенно не спешил. Догонит. Куда денешься с реки? Отводил душу, задним умом понимая, что не скоро выгорит еще такая рыбалка. Ой, не скоро...

Отчего-то стемнело. Белек поднял голову и ахнул. Из-за горизонта надвигался необычайно плотный облачный фронт. Черный,

жирный, будто дым из трубы крематория. Подул ветер, сыпанул по воде мелкой рябью, пробежал по хребтине мурашками. Пока Белек паковался в непромокашку, небо затянуло целиком. Все вокруг погрузилось в сумерки. На реке стало неуютно, захотелось поскорее добраться до своих.

Ветер перерос в шквал, прижимал к берегу. Клевал, метя в глаза, злой дождь.

— Фигня, прорвемся!.. Легкий элемент экстрима... — успокаивал себя Белек.

Весло рвало воду, но байдарка еле двигалась. С треском переломилась олешина, рухнула рядом, стегнув ветками. Смешная лесная речуха, которую в июле курица переходила вброд, гнала штормовые волны и выплескивалась из берегов. Вверх по течению поднимался вал высотой в метр. Подумалось даже, что это обман зрения. Но стена воды обрушилась на байдарку, наполнила ее по самые края. Посудину развернуло боком, бросило на поваленное дерево и перевернуло.

— Ну, ни себе хрена!.. Ни себе хрена!.. — твердил Белек, с трудом выволакиваясь на берег. — Я кильнул, не поверят...

Пока адреналин глушил холод майской воды. Но пронизывающий ветер еще напомним о себе.

Найти место потише. Снести туда шмотки в гермомешках. Весло где? Здесь, не уплыло. Великая все же вещь — опыт...

Белек ловил себя на мысли, что спотыкается впотьмах. Впотьмах? Не может быть, времени еще... без пяти шесть!.. Часы встали? Нет, идут... И земля отчего-то подпрыгивает. Нет, это, наверное, шатает с устатку. Переодеться в сухое. Ох, гут! Еще бы сто капель... Нету капель. Водка плывет с ребятами. А что есть? Вот, две полторашки пива. Потянет и пиво...

Костер нужен. Высушить он сейчас ничего не высушит. Просто забыть про рев ветра, погреть пальцы, поглядеть на огонь... Да! Синоптики в ударе, как всегда: «Днем восемнадцать-двадцать, без осадков».

Ничего. Пройдет когда-нибудь эта буря. Чайку согреть между делом?

«Было б не кисло»...

Пока ходил по воду, едва не нырнул снова. Ветер валит с ног. В котелке одна муть. Ничего, осядет... Время?.. Уже девять?.. Пожалуй, завтра придется догонять. Поутру.

Палатку на все колья, чтобы не сорвало.

Спать!..

Шквал не утихал трое суток. Белек делал зарубки ножом, отсчитывая круги часовой стрелки на циферблате. Боялся сбиться.

День и ночь больше не сменяли друг друга, мир надежно укрывала тьма. Несколько раз земля ощутимо уходила из-под ног, наводя на мысль о природе водяных валов на мелкой речке. Все эти обстоятельства вместе уже мало напоминали просто непогоду. Что-то случилось. Что?..

А на четвертое утро пошел снег. Странный снег. Серый. Он не таял в руках. И сильно смахивал на пепел...

По воде до ближайшей деревни было километров пятнадцать. Там можно сесть на попутку и уже вспоминать случившееся, как забавное приключение. Пятнадцать километров — это три часа ходу.

Белек шел два дня. Река превратилась в сплошной завал.

Посещала мысль бросить все и попытаться напрямик, к дороге. Что-то держало. Что-то выплывшее из глубин сознания. Там болота кругом. Компаса нет. Солнца не видно. И искать станут вряд ли... Давай бережочком, родной. Тяжело, но можно. Вот так...

Деревня стояла там, где ей и положено. Горланили петухи, кто-то ковырялся на огороде, стрекотала бензопила. С виду все, как обычно. Даже магазин, вроде, открыт.

Немолодой мужик не спеша загружал под горлышко серебристую «Ниву». Долго отнекивался, но за две тысячи согласился подбросить до города, тем более что по пути. Правда, без вещей.

— Здесь оставь, — посоветовал. — Потом заберешь...

— Езжай ты уже! — во дворе показалась хозяйка. Тревожно оглядела Белька. — Непокойно мне на сердце!..

— Не суетись, мать! Сейчас! Туриста, вот, попутчиком возьми... Сын у меня в городе, — пояснил мужик. — С невесткой и малым...

— А что случилось-то?.. — спросил Белек.

Повисла пауза. Белек сглотнул. Очень ему не понравилась эта пауза. И как переглянулись хозяин с хозяйкой.

— Да кто его знает, — мужик вздохнул. — Война вроде...

— Чего? Какая война? С кем?..

— С кем, с кем... С врагами, млять!.. — мужик залез в «Ниву» и покрутил ручку магнитолы. — Слушай, вон... Который день крутят шарманку...

Белек принял к динамику, стараясь в скрежете помех разобрать слова.

— ...штаб гражданской обороны... чрезвычайное положение... воздушной тревоги... — вещал диктор как-то уж больно торжественно, — воду из открытых источников... дыхательных

путей... активное заражение... ценные вещи, документы... руках маленьких детей... панике и сохраняйте спокойствие...

Белек прислонился спиной к забору и без сил съехал на корточки, обхватил голову руками. Погодный коллапс — не что иное, как последствие ядерных ударов. Повезло еще, что далеко от эпицентров — глушь... Есть такая компьютерная игра — «Фаллаут». Теперь все в нее сыграют. В игру или в ящик... Белек изучал рисунок протектора, отпечатанный в грязи, воду, скопившуюся в лужицы. И именно под эту картинку пришло понимание того, что прежнего мира уже нет. И никогда больше не будет. словно кто-то свыше прислал памятную открытку.

— Ильинскую дамбу, говорят, накрыли, — негромко проговорил мужик. — И АЭС...

— А их, может, не бомбили, — хозяйка закусила губу. — Чего их бомбить? Они ж не стратегический объект...

И тут каким-то задним рассудком, ухватив одну единственную горькую мысль, Белек явственно понял, что в город ему совсем не надо.

Вся западная окраина в колючке секретных объектов. Военный аэродром. Полигон. Региональный центр управления ПВО. Это известно всем. И этого уже... С лихвой... А сколько еще такого, что известно не всем?..

Белек зажмурился. И словно кадры немого кино, перед глазами замелькали радиоактивные развалины, очереди за водой, пересыпанные известью трупы в общем котловане, продуктовые карточки, дешевые респираторы, выпадающие волосы, копошащиеся в мусорных кучах крысы, стрельба патрулей... Что тащит его в этот город? Семейей обзавестись не успел. Дальние родственники да друзья-знакомые?

— Я не поеду.

У него есть время. Может, несколько дней, пока новая эпоха не докатилась до периферии, пока все еще играют по старым правилам. Несколько дней, которые помогут ему выжить.

— Я не поеду, — повторил Белек. — Спасибо.

— Как знаешь...

Магазин и вправду работал. За прилавком скучала продавщица, молоденькая девчушка в спортивном костюме. Наверное, школьница на каникулах. Мать картошку сажает, дочь на подмене.

— Что-то темно у вас?

— Света нет, — пояснила девчушка. — Третий день уже. Ветром провода оборвало...

— Ясно, — кивнул Белек и полез в карман.

Прямо за прилавком пересчитал купюры. Выходило четыре триста с мелочью. Он всегда брал денег с небольшим запасом, на непредвиденные обстоятельства. На такую сумму можно было бы погулять в кабаке или приобрести пылесос или мобилу. Но теперь для Белька эти четыре триста — соль, спички, подсолнечное масло, бульонные кубики, макароны, овсяные хлопья, гречка, рис, сахар, чай, консервы, две бутылки водки.

— Хлеб будете брать? Только он черствый.

— Давай!

Сухарики случатся из хлеба. Мало-мало заплесневелые, но питательные, блин...

Удивительно, как много в «загруженной» байдарке оказывается места, когда это место вопрос выживания. Белек рассовал все. И еще мешок местной картошки. Высыпал прямо на днище. Плевать, что некуда ноги ставить. Ноги, они не потеряются, а вот жрать что-то надо будет.

Стоянка ребят обнаружилась ниже. Полуразобранные байды, распотрошенные рюкзаки, сорванная ветром палатка, запутавшаяся в кустах. Они бросили все и спешно снялись, видно, на попутных легковушках, пустыми. Порой кажется, что поступаешь единственно верным способом, но на самом деле лишь делаешь свой выбор.

Белек собирал спальники, теплые вещи, белье, оставленную еду. Всем этим добром он нагрузит вторую байдарку, которую потащит за собой. Два топора, ленточная пила, складная лопатка, восьмилитровый котелок, мыло, походная аптечка, рыболовные мелочи, ножи и посуда — ребятам это больше не понадобится. Их выбор иной.

Вот Машкины рейтузы с дыркой от костра на заднице, Ленкин свитер с петухами... К горлу подступил комок. Ни с кем даже не простился. И теперь уж вряд ли... Белек сжал зубы, оскалился по-звериному. Все! Сопли остались в прошлом, в доатомной эре. Теперь это просто свитер и просто рейтузы, которые спасут его зимой.

Да, мало радости продираться с такой баржей через запруженную повалью реку. Но это несравнимо лучше, чем в костюме химзащиты маршировать через эпицентр взрыва! Жизнь теперь принадлежит только ему. И закончили ныть!..

Белек спустился к берегу помыть руки. Из зеркала воды на него глянул совсем чужой человек с седой, аж белой шевелюрой и такой же щетиной.

— Белек, — обозвал Белек свое отражение.

Не за цвет волос, а за огромные испуганные глаза, как у детеныша тюленя... Собственно, тогда он и стал Бельком. Кто-то, сидевший глубоко внутри, всплыл наружу и взял ситуацию под контроль, ободряюще похлопал по плечу. Все, мол, вертолет нехит. Попистовали!..

Река расширилась, плыть становилось проще. К вечеру Белек выбрался на открытый участок и решил вскарабкаться на пригорок, чтобы проверить связь и оглядеться.

— Угу, — покивал головой скептически. — Оператор «Поиск сети»...

Тариф ноль минут, ноль секунд на ближайшую тысячу лет...

Каким-то чудом пробившись сквозь свинцовые облака, выглянуло солнце. Внизу блестела излучина реки, зеленели молодой травой луговины.

«Красота!» — Белек потянулся, хрустнул косточками.

И замер. Что-то зацепило взгляд, привлекло внимание в небе. Там, оставляя светящийся след, за горизонт падала огненная клякса.

«Комета?..»

Нет... Из-за холмов, из-за серой дымки леса вспух, поднимаясь, далекий, но необычайно яркий белый шар. В голове тревожно заматались обрывки мыслей, в какую сторону надо падать ногами и как укрывать голову...

Белек не шелохнулся, остался стоять в рост. Вытянул руку и хладнокровно запечатлел растущий гриб на мобильную камеру. Он отчего-то решил, что у каждого уважающего себя Белька должен быть свой снимок ядерного взрыва. А что касается испуганных глаз... Он еще над этим поработает...

Паутина прицельной шкалы поймала человеческую фигурку. Четыреста метров по дальномерной дуге. Для «калаша» такая цель ростом ровно в мушку. Пальнуть, конечно, можно, но все шансы сведет на нет разброс. А для снайперки в самый раз, зона уверенного поражения. Крошечный боец в камуфляже перегнулся за пополам и завалился на бок.

Два голубоватых пятна равнодушно взирали на бойню. Одно облепило вершинку молоденькой березы. Второе провисало соплей, зацепившись за колючую проволоку.

«Пусть это будут души убитых кроликов», — Белек почесал нос и принялся добивать магазин.

Наплевать на них сто раз. Есть не просят. Вон, проблема куда насущней... Сколько монахов уже легло на этом склоне? Десятка

два, ведь, не меньше. Большинство в первые дни, когда перли нахрапом. И все равно ведь лезут и лезут!.. Белек решил, что покинет бункер только вперед ногами, пусть явится хоть весь Скит. Такого убежища больше не найти, истина простая, как божий день.

Всякое бывало. Не то плохо, что голодно и тяжело жить индейцем в лесу, ничего, как-то ж перебивался. Но в последние годы еще и небезопасно стало. Просто так по пещерам да берлогам не поныкаешься — сожрут. В буквальном, понимаешь, смысле. С зараженных территорий кого только не приносило. Одноглазые волки с длиннющими лапами и крокодилейей пастью, стоями они носились быстрее ветра и кушали все подряд. Кроме внешнего сходства, пожалуй, унаследовав от волков основное — аппетит... Липучие нетопыри, реагирующие на тепло тела. Такой прицепится — отдерешь вместе с мясом. Будет висеть, пока не насосется крови, как Гапон слив. Эти по ночам вылетают целыми тучами. Такая туча за пару минут делает из коровы гербарий.

На бункер Белек наткнулся случайно. Заросшая дорога, мощенная бетонными плитами, вывела на заброшенную станцию связи. Опутанная ржавой колючкой территория пестрила обломками антенн и остовами спутниковых тарелок. Сюда упал фугас, не ядерный, но тоже неслабый, оставивший от прочих построек только заполненную водой воронку размером с футбольное поле. Зато часть подземных коммуникаций сохранилась прекрасно. Их-то Белек и облюбовал под новое свое жилье.

Когда в одном из помещений отыскался опечатанный железный шкаф, скрывающий в своем чреве полдюжину новехоньких автоматов Калашникова, снайперскую винтовку и два ящика с патронами, Белек испытал настоящий приступ эйфории и прямо там станцевал лезгинку, заключив, что жизнь удалась. С таким арсеналом можно и дичинку добыть, и мнение свое доказать кому угодно. К числу прочих сокровищ прибавилось несметное количество банок с мясной кашей и питьевая вода в пластиковых канистрах.

Белек старательно засыпал провалы, замкнув подземный периметр. С факелом в руках исползал все темные закутки на предмет возможных соседей, извел метровых многоножек, расплодившихся в душевой, и липучих нетопырей, что дремали на сводах потолка. Впервые за долгое время Белек почувствовал себя в безопасности.

Подобраться сюда можно только с одной стороны — по сыпучему песчаному склону. Тылы и фланги надежно защищала

крутая скала. Полезешь — голову свернешь. Короче, не просто так все. Бункеры где попало не строят.

Из колючки получались великолепные петли на зайцев, которые разнообразили рацион. Рывшихся в подлеске кабанов Белек частенько клал прямо из грибков воздухопроводов. А несколько сенных кормушек, устроенных неподалеку, включили в меню еще и лосятину. В любом случае, нынешняя охота существенно отличалась от той, когда приходилось сидеть по трое суток в засидке с арбалетом из автомобильной рессоры и жевать кору, чтобы не свалиться в голодный обморок.

В полутора часах ходу от бункера находилось некогда крупное село, основной достопримечательностью которого был мужской монастырь. В годы постыдаерной анархии такие городки и рабочие поселки быстро приобретали статус анклавов. Где-то власть брали военные, где-то общий сход, где-то бандиты. Здесь народ саданулся в религию.

Несколько раз Белек навевывался в Скит. Сменять заячьи шкурки на молоко и хлеб, а больше поболтать да узнать последние новости. Навевывался до тех самых пор, пока однажды не увидел на площади перед бывшим сельсоветом огромное костровище. Двое монахов сгребали в мешки пепел и белые кости. Вначале Белек не понял — чьи. Даже усмехнулся: мол, вы тут что, жертву приносили?

— Ты давай-ка, проходи мимо, — напутствовал тот, который постарше.

И отчего-то отвел взгляд. Белек не верил глазам, не верил, что такое возможно. Да, изменился мир, но поколение-то людей прежнее, выросшее в той, другой эпохе. Ведь этот дядька в балахоне — его ровесник. Считай, вместе гоняли мяч, сидели за партой в школе и читали в учебнике истории про костры средневековой инквизиции и охоту на ведьм. Как мало, оказывается, надо... Как мало...

— Что там еще за беда?..

Мутная поволока никак не хотела сползать.

— Ну, давай, давай!.. — Белек беспомощно хлопал ресницами.

Ага. Машут белой тряпкой. Переговоры, значит. На виду показался парламентар, медленно выпрямился в рост, растопырил руки в стороны, дескать, безоружный я, не стреляй. Белек терпеливо ждал, пока тот приблизится. Сам сек по сторонам, прогнозируя возможную подлянку. Прокричал, видя, что парламентар забирает в сторону:

— Правее возьми!..

«Вот, ведь, дятел».

— Стой! Повертись кругом! Че надо, говори?

— Отдайте бабу!.. Мы уйдем...

— Нет у меня никакой бабу!..

Белек прикусил язык, осознав собственную дурость. Монахи-то думают, поди, что снайперов здесь целая рота.

— Ты один, что ли? — усомнился парламентар.

— Один...

— Слушай, отдай бабу по-хорошему. Хочешь, мы тебе других приведем? Выберешь. Можешь даже две взять...

— На хрена они мне, нахлебники?

— Ну как на хрена... — монах осклабился.

— Нет у меня никого! — рассердился Белек. — Валите с моей земли! Я вас не трогал!..

— Не... Ну нету, так нету... Че ж... — парламентар пожал плечами и потопал назад.

«Пристрелить его, пока не поздно, что ли... Черт...» — Белек поморщился с досады.

Монахи уходили. Вряд ли причиной тому стало неубедительное его вранье. Просто скоро стемнеет, а до Скита еще чесать полтора часа по сумеречному лесу. Белек деловито обшарил трупы у железной конструкции, собрал патроны и оружие. К утру от тел не останется и следа. Поработает служба бесплатной уборки мяса. Плохо, что к месту невольно прикармливались падальщики. Так и станут потом таскаться сюда. Сокращать поголовье кроликов и свинок.

Белек не покидал позиции до самых сумерек. Лишь когда в небе замелькали крылатые тени и послышалось тонкое попискивание, спустился в бункер. Тщательно запер вход.

Марина спала. Лежала на боку, обхватив свой огромный живот рукой, словно оберегала от кого-то. Белек согрел над лучиной банку консервов, вскипятил кружку воды. Сосновое смолье прогоняло затхлый дух подземелья, наполняло каптерку уютом деревянной избы. Белек поколебался и пристроил в углу еще одну щепу. Ничего, пусть горит. Вентиляция справится.

Девушка пошевелилась, открыла глаза.

— Будешь? — Белек пододвинул кашу.

Марина отрицательно помотала головой. Последнее время она почти не вставала и ничего не ела. Только пила воду.

— Просто спросил... — Белек вздохнул.

— Что... там? — девушка разлепила пересохшие губы.

— Да ничего. Твои приходили. Сто верблюдов предлагали за тебя...

Марина улыбнулась.

«Ничего. Смеется. Значит, нормально все».

Девушку Белек встретил неделю назад. Босая, с содранными ладонями, она бежала, не разбирая дороги, и даже поверхностный наблюдатель заключил бы, что бежала, скорее, не куда-то, а от кого-то. Белек принял за правило не вмешиваться в разного рода конфликты и разборки. Его дело — сторона. Но одно обстоятельство заставило поступиться принципами: измученная беглянка была хорошо беременной.

— Я из Скита... Помогите, — выдохнула она и опустилась на четвереньки: непросто носить такой живот. Посмотрела умоляюще: — Они нас жгут...

Разум Белька протестовал. Не было ни одной причины наживать себе врагов в виде придурочных фанатиков. И из-за какой-то девицы ставить под угрозу чудесным образом обретенное благополучие. Но сердце Белька дрогнуло. Пусть цветет во дворе эпоха махрового «фаллаута». И пусть закон нынче один — выжить... Но не совсем же он... В самом деле...

Двоих преследователей Белек положил очередью из автомата. Расчетливо. В спину. Третий ушел. Наверное, тогда стоило догнать его. Трупы спрятать. Как говорил остряк-приятель: «концами в воду». Пойди потом, разберись... Но Белек же, в конце концов, не Рембо и не спецназовец. Он ведь даже в армии не служил. Так, военная кафедра... Непросто это, рассуждать трезво возле теплых еще тел, подрагивающих в мышечных конвульсиях. Кого он догонит сейчас, на ватных-то своих ногах?..

Белек глядел на догорающую лучину, хмурился. Марина не сегодня-завтра родит. Акушерку бы какую найти или, там, бабу-повитуху. Да и, опять же, надо молоко, пеленки, теплую воду...

«Блин, тут отбиться бы!..» — Белек допил чай.

— Ладно. Мне поспать надо. Завтра, чувствую, будет дискотека...

Белек улегся на койку, закрыл глаза. Но сон пришел не сразу...

...Одиноким турист, считающий себя самым умным на свете, продержался в Бельке до декабря. И умер вместе с последней банкой тушенки. Святой и неприкосновенной, как индийская

корова. Та банка нужна была, чтобы в крайней степени истощения дойти до ближайшей деревни.

Раньше выручали жерлицы. Нехитрая снасточка на живца, дающая более-менее стабильный улов. Теперь река замерзла. Малька нарыть негде. Все бобры в округе перебиты. Те, которым посчастливилось спастись от самодельного арбалета, сейчас спят сладким сном, пережигая накопленный жир. У Белька такого жира не было. Все запасы иссякли.

Полудохлым заморышем он поселился в чьей-то заброшенной бане. Селяне собрали в складчину картошки, капусты, сала, соленых огурцов. Кто что мог. Дали немного дров. Белек сидел перед печкой и не мог согреться. Ел и все никак не мог набить утробу. Он твердо решил по весне податься в пейзаж. Завести огородик, кур и поросенка, если этого поросенка кто-нибудь даст в долг. Но сельскохозяйственным мечтам Белька сбыться было не суждено.

Месяца через три, как раз перед предстоящей распутицей, в деревню приехал БТР с прицепленной позади тракторной телегой. С брони прыгнули бойцы в камуфляже, но без знаков различия. Зато с автоматами. Сборщики оброка. В чью пользу? В чью-то... В пользу того, кто подмял под себя округу. Централизованная власть кончилась уже давно. Теперь каждый двор выполнял свой план по продразверстке. Покосившуюся баню Белька приравняли в обязанностях к такому двору.

Напрасно Белек доказывал, что поселился тут в начале зимы. Напрасно за него заступались деревенские. Белька выволокли на улицу, повалили и принялись неторопливо пинать. Сосредоточенно. Методично. Беззлобно. С таким ментовским равнодушием. Так избивают до смерти. Одного опричника Белек даже узнал в лицо. Тот, вроде, учился с ним в Политехе на параллельном потоке.

Бойцы отошли перекурить. Белек остался лежать у БТРа, уткнувшись лбом в грязное колесо. И тут второй раз в жизни, опять же, почему-то под созерцание колесного следа, в шумящую его голову пришла предельно ясная мысль, что правила игры пора менять. Причем в самое что ни на есть ближайшее время.

Белек с трудом поднялся, отер рукавом кровавую нить, тянущуюся из рта. Просипел разбитыми губами:

— Бочка спирта...

— Что?

— Бочка медицинского спирта. Двести литров. И вы на год освобождаете деревню от имущественных притязаний...

— Годится! — бойцы весело переглянулись. — Где?

Конечно, они согласятся. На словах-то — да на любые условия. Белек едва заметно улыбнулся:

— Надо ехать...

БТР остановился у края насыпной дороги.

— Дальше лесом, километров шесть, — предупредил Белек.

Четверо прыгнули с брони. Водила остался.

— Слышь, Сусанин, — Белька тронул за плечо старший, — если ты это... лысого гоняешь... Не обессудь... — внушительно похлопал по крышке автомата.

— Я произвожу впечатление дебила? Нет?.. Канистры возьмите...

Эту дорогу Белек знал. Бессчетное число раз мотался сюда разжиться каким-нибудь металлоломом, поглядеть на проезжающую мимо технику, просто от скуки и одиночества. Через час Белек безошибочно вышел к реке, к месту последнего своего жительства. Здесь он помнил каждую кочку.

Сейчас в овраг. Не запнуться о корни.

— Вы вчетвером-то бочку поднимете? — Белек с сомнением оглянулся на бойцов.

— Да мы ее ща выпьем нах!..

— Ты сам-то как ее сюда вкорячивал? — насторожился старший.

Теперь на колени. Нашупать лаз, закрытый брезентом от палатки.

— По воде дотянул. Потом на катках... — соврал Белек.

— А прятал зачем?

«Вот пристал».

— От таких, как вы...

Ползти три метра. Дальше можно выпрямиться.

— Слышь, больно ты борзый, я смотрю, — старший кряхтел, протискиваясь следом.

— Сейчас свет зажгу, — Белек нашупал сальный светильник, чиркнул спичкой.

Пламя высветило бревенчатый потолок, самодельный топчан, печку из обмазанных глиной камней, гору вещей в углу.

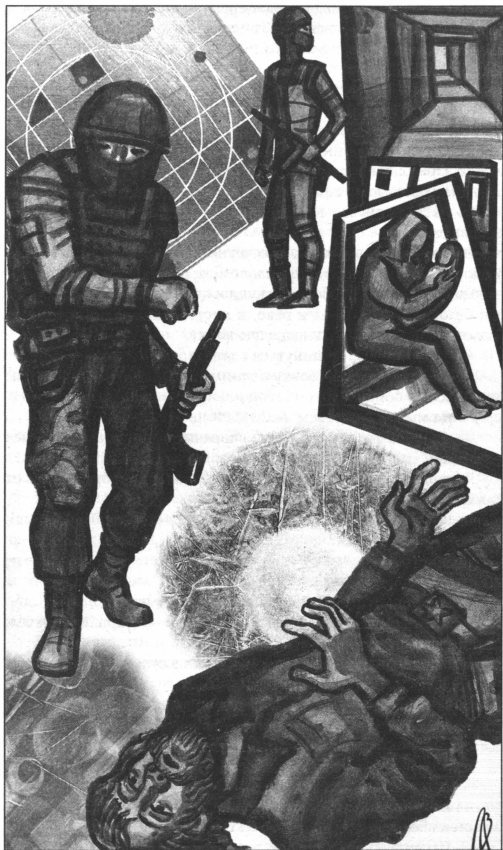
— Ниче се блиндаж!.. Сам рыл?

— Сам...

— Ну, где спиртыга-то?

— Вот, под камнем, — Белек пнул плоский валун у входа. — Закопана бочка...

— Пацаны! Идите сюда!..

Бойцы вчетвером сгрудились у камня, тужились на раз-два.

— С места не двигается... Примерз, наверное...

Нет, не примерз. Наплыв в форме пуговицы — лишь видимая часть огромной плиты. Вероятность скovyрнуть его равнялась нулю.

— Подождите, у меня лом был, — Белек полез в дальний угол.

Что-то клацнуло, засвистело тонко, у порога слышимости, словно заряжающиеся конденсаторы на фотовспышке.

— Пацаны! Он не... — старший первым почуял неладное.

Но было поздно.

Землянку наполнил зеленый свет. Плохой свет. Всего на несколько секунд, но в замкнутом пространстве этого хватило с лихвой.

Трое не двигались. Четвертый дрыгал ногой, застряв задницей в узком проходе. Живой еще. Белек втащил его обратно, перевернул лицом. Тот самый, знакомый из Политеха.

— Н-на! Сука!

Треснула короткая очередь. Теперь уже не шевелился никто.

Белек выполз на воздух, вывалил содержимое желудка. Долго тер руки шершавым снегом. Сидел, собираясь с мыслями.

Излучатель Белек надыбал в конце лета. Он не знал ни названия, ни принципов действия нового оружия. Наблюдал несколько раз, как с пролетающих вертолетов жгли округу каким-то зеленым лучом. Про себя Белек называл его «плохим светом». Однажды, в одном месте, где река подступала к шоссе почти вплотную, произошел скоротечный бой. С воды слышался треск очередей, ухнуло несколько взрывов. На берегу лежал перевернувшийся УАЗ военный, открытого типа. Двигатель работал, куда-то в сторону бил сектор зеленого света. Там, где луч касался деревьев, жухла и осыпалась листва. До конца не отдавая себе отчета в действиях, Белек вытащил из джипа чрезвычайно громоздкий и тяжелый излучатель. Успел погрузить его в байдарку и отчалить, прежде чем к УАЗу набегали какие-то люди. На черта понадобился Бельку этот «луч смерти», он сказать не мог. Причиной тому стал, скорее, все тот же «Фаллаут». Там благополучие героя напрямую зависело от мощности носимой пушки.

В действительности таскать на себе такую установку не было никакой возможности. Единственное практическое применение излучатель снискал на ниве уничтожения комаров. Короткий импульс — и крылатая гнусь осыпалась в радиусе пятидесяти метров. Вообще, не единственное, конечно... Чего греха... Когда по

ночам кто-то прохаживался вокруг палатки, Белек садился и пристраивал излучатель на колени...

Он заставил себя вернуться в землянку и обшарить трупы. Конечно же, можно было просто уйти, исчезнуть. Но оставался водитель в БТРе. Не дождавшись своих, он приведет подмогу, трупы найдут, а злость выместят на деревне. Подводить под удар людей, по сути, спасших ему жизнь, Белек не мог...

— Слышь! Давай, помогай! — Белек тарабанил по броне. — Я вам в носильщики не нанимался!..

Водитель грелся или спал, закрывшись изнутри. Надежда просто снять его прицельной очередью не оправдалась.

— А? Чего? — открылся люк. — А где остальные?..

— Ужрались в слякоть остальные... Я ночевать тут с вами не намерен!..

— Вот козлы!..

С перестраховки Белек зарядил в водителя полпрожка. Отволок наспигованное свинцом тело в лес.

Двигатель БТРа работал. Никогда раньше Бельку не доводилось управлять такой машиной. Ничего! Все когда-то случается впервые... Белек гнал, пока не закончилась солярка...

Предрассветный туман молоком заливал низины, стелился по земле. Тихо. Сейчас бы с удочкой посидеть на подлещика... Белек пошарил по местности через оптику — никого. Голубых соплистых образований также нигде не наблюдалось.

На глаза снова упала белесая пелена. Белек не знал, что это. Радиация, игрушки с «плохим светом» или просто прогрессирующий астигматизм. Отправил в рот кубик рафинада — сахар немного помогал.

Вдали послышался хруст ветки, что-то бряцнуло. И вскоре уже вся округа наполнилась звуками шагов, сморканием, покашливанием. Они не особенно-то и таились. Полуслепой стрелок в единственном экземпляре бывшего уважения не внушал.

«Давай! Давай! — Белек тер виски, массировал глазные яблоки, но поволока не спадала. — Только не сейчас!..»

Прозвучала команда:

— Пошли!..

И расплывчатые силуэты выметнулись со всех сторон разом, быстро сжимая полукольцо. Белек стрелял по серым расползающимся пятнам, стрелял на движение, на звук. Отбросив СВД, схватился за автомат. Успел веером опустошить два магазина,

пока плотный ответный огонь не заставил вжаться в землю, не позволяя высунуть головы.

Монахи просто задавили массой.

Сорок семь шагов на четвереньках. Задрать люк... Вовремя. Позади грохает граната, чертят по металлу осколки.

«Ах вы собаки страшные!.. Ну, подождите!..»

Раз, два, третий проход налево. Аккумуляторная. Зажечь огонек. Набросить провода на окислившиеся клеммы. Не перепутать минус с плюсом. Искрит? Хорошо... Не совсем, значит, еще сдохли... Семь, восьмой проход налево. Еще раз налево. Дверь. Коробка питания на стене. Черная кнопка...

Оживает, мигая разноцветными лампочками пульт. Светят серым фоном мониторы. Вот эта группа тумблеров, обведенная мелом. Включить. Включить. Колесико гетеродина по часовой до упора. Переключатель в положение «БР». Боевой режим? Возможно...

Наружные камеры наблюдения не работают. Но Белек знает, что из замаскированного гнезда в грунте сейчас выползает автоматический станок на базе спаренных крупнокалиберных пулеметов «Корд», запрограммированный на поражение движущихся объектов. Кажется, сверху слышен грохот очереди и ручейный звон отработанных гильз, вопли раненых и предсмертные хрипы. Это иллюзия. Толстый слой земли глушит все.

Гаснет пульт. Аккумуляторов больше нет. И зарядить их неоткуда. Но мавр свое дело сделал. Мавр может уходить...

Раскаленные стволы висят на обесточенной гидравлике, курят струйки дыма. В воздухе стоит сизое облако пороховых газов. Вся округа завалена трупами. Те, что оказались к установке поближе, превратились в кровавое крошево. Остальные выглядят как живые...

Не дать очухаться, расставить точки!.. Оптика привычно ложится на цель, а щека на приклад. На специальную подушечку, которая так и зовется «щекой». Толчок в плечо. Еще. Еще... Этого достаточно.

Уцелевшие бегут. Не отступают, не отходят, именно бегут, позабыв про оружие, позабыв про все, видя перед собой только спасительную поросль, где можно затеряться, упасть на землю и жить. Жить!..

Белек не стрелял вслед. Перед ним уже не противник. Просто одуревшие от смерти люди. Они больше не придут сюда. Это ощущалось каким-то животным чутьем.

Кто-то карабкался по склону, подбирая по-бабьи длинные полы. В прицельной сетке нарисовался поп. Не старый еще, в фиолетовой камиллавке, с крестом на животе. С жидкой, не бритой с юности бородкой. Оглядел поле боя, мелко закрестился. Что-то пошептал пухлыми губами.

— Эй, стрелок! — позвал. — Покажись!

— А камаринского тебе не сбавать? — недобро отозвался Белек.

Священников он не любил. Поп увидел снайпера, кивнул и устало уселся на землю, на мгновение задержав взгляд на винтовке, направленной ему в грудь. Покивал каким-то своим мыслям.

— Дорого... — вздохнул. — Дорого ты свою жизнь ценишь... Столице народу положил...

Белек молчал.

— Отец Тихон меня зовут...

— До лампы мне, как тебя зовут! Надо чего?

— Род людской на краю пропасти. От гибели на волосок. Тьмы и тьмы в горниле адовом сгинули, лишь горстки остались, таких, вот, как мы... И тех все меньше с каждым днем. Женщины несут уродцев. От радиации, от ядовитых дождей. Страшное испытание наслал на нас Всевышний...

Белек не перебивал.

— Не за богатствами твоими мы пришли, не за душой, без веры заблудшей... За той, что прячешь ты... За той, что во чреве своем вынашивает антихристово семя... Не простым уродцем беременна она! Пришелец сидит в ней! Нечеловеческое существо!..

Белек поморщился:

— Слышь, святейшество, завязывай уже...

— Хочешь, землю есть стану? Любой клятвой присягну, страшным судом!.. Зреет у нее в пузе чужерод, к нашему воздуху приспособляется, к воде, к силе тяжести. Обосноваться они хотят здесь. Жить! А человечество изведут. Знают же, бесовское семя, слабы мы сейчас... Не веришь? Ну, так погляди ее сам! Дева она! Дева непорочная!..

— Я не гинеколог, — буркнул Белек, — не разбираюсь...

— Своими глазами я зрел уродцев! Большеголовые они, с серой кожей, руки у них трехпалые и перепонки меж пальцами!.. А кровь не красная, как у нас, а белая, бесцветная.

— Стало быть, и кровь уже им пускали, — пробормотал Белек.

— Ну, подумай, чего стоит одна девка, пусть и невинная, — отец Тихон махнул рукой, — против угрозы всему!.. А не хочешь грех брать, нам ее отдай. У нас дух крепок и рука не дрогнет!..

Рой мыслей вертелся в голове Белька, но отчего-то больше всего ему хотелось сейчас нажать на курок и посмотреть, как покатится под откос фиолетовая камилавка.

— Это да, — кивнул Белек, — веры вам не занимать. Нет бы усомниться, поразмыслить. Куда там! Вперед, блин, с алилуйей!.. Да и в умении заповеди толковать высот вы достигли небывалых. «Не убий!» — так в завете говорится, вроде?

— Да что ты знаешь?.. — зашипел священник.

— Я знаю. Вам волю дай, вы полмира кострами осветите! Все иное, все, что не так дышит, — в огонь! Чтобы богобоязнь была и пастырям святой церкви, опять же, уважуха. Любую дрянь, любую пакость именем Господа обелить готовы... Ты там заметил, что я свою жизнь оценил в полсотни других? Есть такой случай, кривить не стану. Только вот этих, — Белек повел стволом, — не я положил, нет. Они ведь для вас стадо, паства. От слова «пасти». А вы пастыри, пастухи иначе. И на убой людей пригнали, как овечьё стадо. Во имя своих каких-то терзаний... Не так, скажешь?... Короче, все! Закончили ток-шоу! Раненых забирайте. И мертвых. Похороните по-человечески...

Отец Тихон поднялся.

— С девкой-то что решишь?

— Разберемся...

Против обыкновения Марина не спала. Сидела, забившись в угол, прикусив губу, сжимала между ног тряпку, пропитанную красным. Белек только сейчас заметил, какой у девушки живот, огромный и неравномерно выпуклый.

— Ну, как у нас дела, дева Марина?

Та попыталась улыбнуться в ответ, но вышло плохо.

Белек сел напротив, автомат не поставил, как обычно, рядом, а положил на стол, перед собой. Девушка все поняла. Подобралась, как испуганная зверушка, заговорила, не сводя с оружия глаз:

— Я не виновата... Помню только сон. Бредовый какой-то, странный. А после месячные пропали... Я обрадовалась сначала, дура. Думала, на руках меня носить станут. Как же, непорочное зачатие... Мать в покоях игумена прибиралась, слышала краем уха, что с такими делают, которым ветром надуло... Шепнула, чтобы помалкивала. Я и помалкивала. Только пуза-то не утаишь...

Белек молчал. Покручивал в пальцах патрон. Местное средство наличного расчета номиналом в чью-то жизнь.

— Что же делать мне теперь? — в глазах девушки стояли слезы.

— Постарайся поспать, — вздохнул Белек. — Тебе сейчас силы нужны...

Белек оказался прав, никто больше его тревожить не отважился. Лишь ворчали по ночам хищники, не находя привычной своей трапезы. Белек еще подолгу изучал округу в оптику и старался не мелькать лишний раз на виду. Просто по инерции, в силу природной осторожности.

Но все же это произошло. Потому что все равно должно было произойти рано или поздно. Наивно ведь ожидать тихого конца от старости в нынешнюю-то эпоху. Да еще и при выбранном образе жизни...

Белек не слышал выстрелов, не видел стрелка. В первые секунды он вообще не осознал случившегося. Просто что-то горячее резануло по ногам, впилося в живот. Качнулось серое небо, в спину ударила земля. И боль разлилась по телу оглушительным колокольным звоном. Белек зацепил скрюченными пальцами ремень автомата, потащил к себе. Позади навис чей-то силуэт, нога в высоком берце откинула оружие.

— Я приказывал брать живым.

— Так он живой...

Откуда-то сверху, с отвесной скалы, проворно соскользнул боец в снаряжении альпиниста. Отщелкнул зажим, перехватив поудобнее бесшумный «Винторез».

«Спецы», — констатировал Белек с каким-то мрачным удовлетворением.

То, что не удалось целому колхозу, оказалось под силу всего троим. Рядом стояли не обыватели, волею случая взявшиеся за стволы. Поступь рыси, скупые, нарочито небрежные движения выдавали профессионалов. Так что все по-честному. Плетью обуха не перешибешь...

— Промедол ему дай. Свой.

— Добро только переводить...

— Выполнять!

Прямо через рукав куртки Бельку сделали инъекцию, подложили что-то мягкое под голову. Боль тотчас же отступила, утихло головокружение. Рядом присел на корточки боец с капитанскими погонами. Сам сухой, поджарый, с колючим цепким взглядом.

— Говорить можешь?

— Могу, — Белек закашлялся.

Что-то подступало к горлу, лезло изо рта липкими пузырями.

— Где девушка? Мины, ловушки в бункере есть?

— Отец Тихон... — Белек обнажил окровавленные зубы, — кланяться не велел?..

— Скворец! — поиграл желваками капитан. — Вот скажи мне, Скворец, можно его о чем-нибудь спросить? Я имею в виду — спросить так, чтобы он ответил. Чтобы он не мог не ответить, а?..

— Ну, виноват... Не рассчитал малость...

— Не рассчитал... Первым растяжки его собирать пойдешь. Понял?

— Есть первым...

Белек снова закашлялся:

— Че монахи-то посулили, капитан?.. Или вы так, из любви к искусству?..

— Хех! — капитан всплеснул руками. — Что за народец пошел!.. Я тебе уж про долг, про честь, про присягу рассказывать не стану. Все равно, наверное, таких слов не знаешь. Но здесь предельно же ясно все: чужие на нашу землю прут! Чужие! Защищать надо ее! Выгрызать зубами!.. Как достучаться до таких, как ты? Что сделать еще, чтобы проняло вас?..

Белек тяжело вздохнул, помолчал, глядя куда-то в сторону.

— Просрали мы свою землю, капитан... Не можем мы на ней жить... Не умеем... Может, у новых лучше получится... — слова давались Бельку с трудом. Ноги холодели, дыхание вырывалось со свистом и клекотом. — Это ведь такие, как ты, ключи повернули, идейные... Вам ведь только жизнь отдать. Да чужую отнять. А за что? Да неважно!.. Кто поманит громче... Кто слаще с трибуны споет... Прочувственно, со слезой... А вышло вон... Шесть миллиардов душ... За так... А кто сгубил-то? Чужие? Нет! Самые что ни на есть свои! Такие вот патриоты — лоб зубилом... Не думал ты о том, капитан?.. А, забыл!.. Думать-то вам нельзя!... Думать солдату вредно! Да, Скворец?..

— Замолчи, старик! — капитан угрожающе выпятил челюсть.

«Старик? Какой я старик?, — Белек цеплялся за слова утасоющим сознанием. — А вообще... Седой, косматый, бородой по глаза зарос, рожа в морщинах... И правда ведь — старик...»

Значит, на самом деле пора...

Капитан что-то кричал, но Белек не слышал. На уши навалилась ватная тишина. Ноги холодели. В голове звучали чьи-то голоса. Реже и реже билось сердце.

«Вот, пожалуй, и конец. Обидно только, что напрасно все. Найдут ведь деву-то. Найдут...»

Холод поднимался выше, заливал грудины. Кто-то звал, настойчиво, кто-то знакомый, родной... Звал давно забытым именем...

— Мама?.. — Белек удивленно распахнул глаза.

И застыл.

— Отошел, — капитан выпрямился.

Постоял секунду, словно борясь с собой, потом все же не выдержал, прикрыл покойнику веки. Как-то странно тот смотрел на мир...

У входа в бункер капитан остановился. Что-то заставило его обернуться.

— Тьфу ты!.. — поморщился.

После разговора со стариком душа не на месте. Чудится черт-те что... Прав он в одном: сомнения, они солдату ни к чему. Капитан отбросил лишние мысли и решительно шагнул в темный проем...

Если бы капитану или кому-то из его бойцов пришло в голову оглядеть местность через оптику, то они, пожалуй, удивились бы. Тело старика облепили голубоватые плазмоидные образования. Облепили настолько плотно, что со стороны казалось, будто оно покрыто синеватым саваном...

...Фонарные лучи скрестились на измученной женщине, что сидела на залитом кровью одеяле, прижимая к груди грязный сверток.

— Вот она...

— Ну-ка, дай сюда! — капитан вырвал сверток из рук роженницы, брезгливо развернул тряпицу.

— Ха! Гляди-ка, пацан! — через плечо заглянул Скворец, улыбнулся. — Белобрысенький... Белек...

Капитан молча вернул младенца матери. Постоял, раздумывая о своем. Достал из кармана брелок с игрушечной машинкой. Когда-то он носил на этом брелке ключи. От дома... Его ждали в том доме... Когда-то...

— Возьми, — капитан протянул брелок женщине. — Игрушка будет, когда подрастет...

Альманах старого Мура

Рассказ

*«Знаю, Господи, что не в вале
человека путь его, что не во власти
идущего давать направление столам
своим».*

ИЕРЕМИЯ, 10:23

Криспин Уиллик был никудышным человеком. Мать считала его прирожденным бездельником, отец — слюнтяем, а жена — эгоистом.

Родители умерли, жена Молли ушла много лет назад, детей не было, поэтому сейчас он был полностью предоставлен самому себе во всем своем безделье, слюнтяйстве и эгоизме. Вот так-то вот.

Криспин работал сотрудником архива Публичной библиотеки, расположенной на нижнем этаже здания, с незапамятных времен оккупированного Историческим обществом. В архивах было сыро и скучно, как в разграбленном склепе. Блага цивилизации вроде климатических установок в библиотеке не наблюдались. Собственно говоря, само существование и библиотеки, и общества, и архивов казалось странным капризом городских властей, по непонятным причинам до сих пор не построивших на месте архаичного мастодонта торговый молл или представительство какой-нибудь корпорации.

Впрочем, Криспин над этим вопросом не задумывался. Этот вопрос его не интересовал. Вопросы его вообще интересовали редко.

Криспин Уиллик вел, что называется, растительное существование. Каждое утро он вставал ровно в 7.00, варил себе кофе в старомодной турке (химический заменитель корицы, химический имитатор кориандра, две ложки химической симуляции

сахара), жарил яичницу, выкуривал сигарету и отправлялся на работу. Около часа дня он съедал свой ланч в столовой для сотрудников библиотеки, затем возвращался в архив, покидал его ровно в 17.00, по дороге домой покупал в супермаркете пиццу, ужинал, смотрел старинные фильмы, умывался и ложился спать.

У Криспина Уиллика был единственный друг — Джереми Левин, менеджер по продажам крупной пивной корпорации. Джереми представлял собой антиидеал производителя пива: худой, сухой, желчный и подвижный. Он ненавидел пиво. Такова была его натура. Если бы Джереми работал на производителей кроватей, то ненавидел бы кровати и спал на полу. Возможно, то была ненависть к необходимости работать вообще.

Криспина и Джереми объединяла любовь к старому кинематографу. В пятницу вечером они встречались и вместе шли в исторический бар «Касабланка», стилизованный под фильм с Хэмфри Богартом и Ингрид Бергман. В баре Джереми заказывал виски, то же делал и Криспин, втайне любивший пиво, но не желавший огорчать товарища. Попивая напитки, они вели неспешную беседу о давно ушедших временах и великом кино. После этого Криспин отправлялся спать, а Джереми возвращался домой к жене и сыну — юному обаятельному лоботрясу Робби.

На выходных Криспин подолгу спал, читал, смотрел кино и ходил гулять в ближайший от дома парк, где выкуривал несколько сигарет, сидя на пластиковой скамейке. Поскольку курение в общественных местах было запрещено, ему постоянно приходилось платить штраф, начисляемый в виде ежегодного налога из зарплаты. Так было удобнее, чем расплачиваться отдельно каждый месяц. Кроме того, он платил налог в Общество потенциальных раковых больных. Да, сигареты в их время стали недешевым удовольствием. Но никаких других удовольствий, помимо курения да встреч с Джереми, у него не было, поэтому Криспин не жадничал и не жаловался.

Такова была жизнь Криспина Уиллика. Не лучше, но и не хуже, чем у других, пожалуй.

Между тем, приближалось невероятное, колоссальное, волнующее событие. Течение веков вело к смене тощих корявых цифр на несколько толстеньких нулей в хронологии мира — близились Миллениум, обещавший стать просто волшебным. Обещания давало правительство, поэтому им никто не верил. Зато празднества — и какого празднества! — ждали все.

Чего только не планировалось! Массовые гулянья на площадях и элитные карнавалы в частных замках, феерические вечеринки в ночных клубах и костюмированные парады, зажигания

елок, сжигания елок, ритуалы, богослужения, модные показы и модные полеты для желающих встретить Миллениум на борту космического корабля.

Человечество предвкушало загул и похмелье.

Один Криспин Уиллик плевать на все это хотел. И со Спасской, и с Эйфелевой, и с Пизанской, и с башни Биг-Бена, которые украшались к празднику.

Каталогизация антикварных изданий «Альманахов старого Мура», которые под страхом смерти доверило ему начальство архива, занимала его куда больше грядущего Миллениума. Подумать только, настоящие бумажные издания! Немало на свете нашлось бы коллекционеров, готовых ради обладания подобными на что угодно — от поджога библиотеки до убийства всех лондонских жителей.

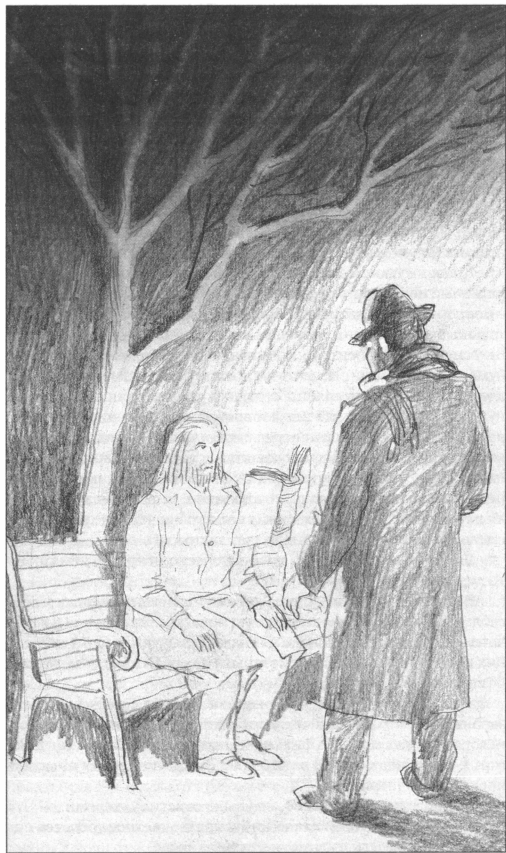
Криспин наслаждался: приходит на работу и трепещущими пальцами перебирать бесценные страницы, надежно спрятанные в непроницаемую защиту, хранящую хрупкие листы от разрушительного воздействия времени, как хрустальный гроб красоту Белоснежки. Подносить их к лицу в попытках уловить отголосок бумажного аромата. Изучать их, благоговейно заноса тексты в электронную память архива, страшась утратить единую драгоценную запятую. Закрывать глаза и воображать себя лондонцем образца 1899 года, сидящим перед виртуальным камином в сюртуке и джинсах тех дней, смакующим настоящее янтарное пиво, а не ту дрянь, что гонит корпорация Джереми, и листаящим страницы — еще не пожелтевшие от времени, белые, как зубки Молли в тот день, когда он рассмешил ее на той вечеринке и набрался смелости спросить, а что она делает завтра вечером...

Разве это не было во сто крат интереснее и лучше, чем какой-то дурацкий Миллениум?

В пятницу вечером они с Джереми, как всегда, сидели в «Касабланке» и обсуждали неприятную новость. Корпорация развлекательных заведений «Веселый Роджер» выкупила бар у нынешних владельцев и собиралась открыть на его месте один из своих безликих притонов.

— Что же тут будет? — тоскливо спросил Криспин, бросая заранее ностальгический взгляд на один из настенных плакатов, изображающих сцену из фильма — мужественный, мрачный Богарт в низко надвинутой на лоб шляпе сжимал в своих объятиях прекрасную Ингрид.

— Бордель, скорее всего, — уныло ответил Джереми. — Что они теперь открывают? Какое-нибудь разноцветное уродство под названием «Веселые титьки» или что-то вроде.

— Публичных домов в Лондоне больше, чем обычных, — мрачно сказал Криспин.

— Везде так, — Джереми философски пожал плечами. — С тех пор, как узаконили.

Погруженные в невеселые мысли, друзья молча пили. В баре было тихо — мало кто теперь интересовался кинематографом прошедших эпох, разве что какой-нибудь юнец, желающий выпендриться перед сверстниками, мог затащить сюда свою девчонку. Сюда приходили эксцентрики, оригиналы, способные оценить беспрестанно крутящиеся на мониторе черно-белые ленты, отделанные под настоящее дерево барные стойки, негромкое журчание берущей за душу музыки, редчайшие изображения ушедших в вечность звезд — Джин Харлоу, Бэтти Дэвис, Кейт Бланшетт...

— Я читал, что она была замужем за принцем, — вздохнул Криспин, глядя на плакатную золотоволосую Ингрид. — Эх, встретить бы такую женщину! Да куда уж нам...

— За себя говори, — фыркнул Джереми. — Я бы такую не упустил, если б раньше встретил. А за принца не она вышла, а Одри Хепберн. Кстати, о женщинах. На встречу Миллениума к нам приезжает старая подруга Дженни из Бирмингема. Вдова.

— Нет, нет и еще раз нет, — решительно сказал Уиллик и грозно вгрызся зубами в свой бифштекс из синтезированного белка.

На встречу Нового года он никуда не собирался, лелея надежду спокойно порыться в Глобалнете на предмет упоминаний «Альманахов старого Мура». Иногда мировая информационная сеть преподносила приятные сюрпризы.

Но отвертеться от приглашения не удалось: Джереми настаивал, Дженни уговаривала, а юный Робби, рассчитывающий на подарок, ныл. Сопrotивляться этому трио было решительно невозможно, поэтому накануне встречи Миллениума Уиллик лег спать в крайнем раздражении. Вместо приятного одинокого досуга его ждал ужин в компании неизвестной старой подруги (наверняка с усами и толстой), опасные проказы юного Робби и чреватая неприятными происшествиями прогулка по Лондону, забитому толпами нетрезвых и буйных горожан.

— Культ Черного козла, между прочим, обещает ритуальные жертвоприношения, — мрачно сообщил Криспин Уиллик самому себе и сердито уснул.

И снился ему сон.

Во сне Криспин шел по парку недалеко от дома, направляясь к своей любимой скамейке, как вдруг увидел, что место занято. Ночь накрыла город тяжелым, непроницаемым плащом, и

лишь выстроившиеся в причудливом порядке звезды беспокойно сновали по чернильному небу. Темнота поглотила парк, но человек, сидевший на скамейке, казался ярко освещенным. Приглядевшись, Криспин понял, что свет исходит от самого человека — белый, густой, почти физически ощутимый.

Он сидел неподвижно, и в воздухе перед ним парили книги — древние, в любой миг готовые рассыпаться мелкой бумажной пылью.

Криспин остановился, не решаясь шевельнуться. Белый человек путал и притягивал. Затем Криспин стал заворуженно разглядывать книги: лица их потертых обложек были обезображены старинными сургучными печатями, на каждой из которых виднелся таинственный символ.

Внезапно он ощутил движение звезд и поднял глаза к небу, где танцевали наливавшиеся беспокойной тяжестью светила — белое, кроваво-красное, зеленое...

Звезды, казалось, были привязаны к небу за ненадежные тонкие ниточки. «Что будет, если они оборвутся?» — тревожно подумал Уиллик и в страхе опустил голову.

Внезапно книги, парящие перед человеком, задержались, будто ожили, внутри них вспыхнул огонь, печати треснули, оплавились, жар дохнул Криспину в лицо, он вздрогнул, охнул и...

Дрожа, проснулся, напуганный сильнее, чем когда-либо в жизни.

Потный, с колотящимся о барабанные перепонки сердцем, Уиллик сел в кровати, опираясь на подушки. В голове был неприятный туман, словно все еще подпитываемый огненным жаром из сновидения. Но Криспин был человеком флегматичным, здравомыслящим и совершенно не склонным к верам в мистификации. Пророчества, ясновиденье и прочая ерунда вызывали у него презрение. Поэтому он встал, направился в ванную, умылся холодной водой и попил из крана. Оглушающе отвратительный вкус водопроводной воды, отдающей сразу всеми химикалиями на свете, окончательно разбудил его и вернул к реальной жизни.

— Чушь, — строго сказал Уиллик своему отражению в зеркале. — Чушь и бред. Проклятый Миллениум со своей глупой суетой. Вот так-то вот.

Утром Криспин Уиллик почти не помнил своего кошмарного сна.

День он провел в свое удовольствие — рылся в Глобалнете и пересматривал «Как украсть миллион» с Одри Хепберн.

— Пожалуй, Джереми прав, — решил он после просмотра. — Это она вышла за принца. Кто же еще мог?

В знак протеста против Джереми он выпил пива, лениво задавая вопросом, действительно ли англичанин образца 1899 года мог носить джинсы, как то утверждали историки моды в прочитанной им недавно статье.

Вечером при полном параде и с пакетом подарков для семейства Левин он направился в гости.

Город сходил с ума. Музыка, вопли, убийственный шум транспорта, петарды, салюты, песнопения и жизнерадостный смех, изредка перемежаемый звуками криминальных разборок.

Криспин мученически скривился. Он не желал никуда идти, а желал остаться дома и смотреть кино, сидя в халате, запачканном соусом от пиццы «маринаре».

Идти, однако, было надо. Поскольку такси в ночь встречи Миллениума стоило колоссальных денег, а все воздушные трассы были переполнены, Криспин решил прогуляться пешком, благо дом Джерри располагался в паре соседних кварталов.

Он направился в парк, отчего-то тихий и безлюдный.

На любимой скамейке Криспина сидел светящийся белый человек, перед которым парила в воздухе толстая книга.

Сердце Криспина упало и провалилось куда-то вниз, к ногам, которые какой-то злой шутник набил ватой. Пакет с подарками упал из стремительно увлажнившихся рук, театрально грохнувшись на землю.

Человек медленно обернулся к Уиллику и приветливо махнул рукой.

— С новым тысячелетием! — сказал белый незнакомец.

Криспин сделал глубокий вдох и немного успокоился. Картина прояснилась: на скамейке восседало вовсе не таинственное белое явление из мира пугающих чудес, а обычный человек с не старым еще лицом, обрамленным длинными грязно-седыми волосами. На нем был белый халат врача или больного. Книгу — не древнюю бумажную, а обычную пластиковую — он держал на вытянутых руках перед самым носом.

— Где вы пропадали? — строго спросил человек и опустил книгу на колени. — Я вас заждался.

— Меня? — удивился Криспин Уиллик. — Но я вас не знаю.

— Я вас тоже, — сообщил человек. — Дайте сигаретку.

Недоумевающий Уиллик поднял свой пакет, подошел к скамейке, поставил пакет, долго рылся в карманах трясущимися руками, залез в пакет, вылез из пакета, отыскал пачку в кармане пальто, достал сигарету, зажег ее с третьей попытки и закурил.

— А мне? — обиженно спросил белый незнакомец.

Криспин извинился и протянул сигарету. Незнакомец за-
тянулся и некоторое время курил с наслаждением, не глядя на
Уиллика.

— В больнице, — сказал незнакомец, — мне не разрешают
курить.

— Вы больны?

— О, да, — равнодушно сказал он. — Меня содержат в боль-
нице святого Кевина Митника. Дурдом, — пояснил он, но Кри-
спин Уиллик и так знал, что это за место.

Беспокойство вновь усилилось. Перед ним сидел пациент
психиатрической лечебницы, возможно, опасный маньяк, сбе-
жавший из-под надзора.

— Как же вас выпустили? — осторожно спросил Криспин.

— Моя семья очень богата, поэтому раз в год они дают адми-
нистрации крупную взятку, и меня выпускают. Обычно это дела-
ется в мой день рождения, но в этом году, — он таинственно по-
низил голос, — Миллениум. Вы понимаете?

— Ну, э... — промямлил Криспин.

Он не знал, что говорить.

— Через пятьдесят лет сумасшедших будут убивать, —
грустно сказал незнакомец. — В комиссии по установлению
вменяемости будут сидеть бесы. Правда, никаких рогов вы не
увидите.

— Знаете, я, пожалуй, пойду, — неуверенно сказал Уиллик.

— Постойте, как это! — возмутился человек. — Я же должен
поговорить с вами!

— О чем? Вы же сами сказали, что мы не знакомы.

— О звездах, о книгах, — человек сделал неопределенный
жест рукой. — Вы ведь знаете.

Криспин опустил глаза. Книга, которую читал незнакомец,
оказалась детской Библией в картинках. На обложке красовал-
ся Иисус — чернокожая полная дама с властным выражением
красивого лица. «Издание Церкви феминисток», — отрешенно
подумал Уиллик.

— Ну, с Новым годом, — он схватился за пакет, как за тесемку
спасательного жилета, и аккуратно отступил назад.

— Сегодня ночью вам снился сон. Про светящегося человека,
танцующие звезды и горящие книги, — торопливо заговорил не-
знакомец. — Мне дали знак, сказали, чтобы я поговорил с вами,
предупредил...

— Откуда, откуда вы знаете?! — задохнулся Уиллик.

Незнакомец нетерпеливо махнул рукой.

— Это не важно! Важно другое. Понимаете, вы должны понять, что скоро все изменится! И вы, именно вы, а никто другой должен будет вести людей, — от возбуждения он заговорил, сбиваясь, вскочил с места, Библия упала на землю чернокожей дамой-Иисусом вниз. — Вы поймете раньше других!

Он стоял с совершенно безумным видом, махал руками, как нелепая птица, и что-то говорил, говорил, но Уиллик не слышал и не понимал, о чем же тот пытается ему толковать.

Страшно хотелось выпить, тяжелый пакет оттягивал руки, но снова ставить его на скамейку Уиллик не хотел. Пакет вдруг сделался необыкновенно важен. Как связь с нормальным миром, в котором не было психопатических незнакомцев и пылающих книг.

— Стойте, стойте! — наконец воскликнул Криспин. — Я не знаю, откуда вам известно про мой сон, но я абсолютно не понимаю, о чем вы тут болтаете! Думаю, будет лучше связаться с вашей семьей или с больницей, чтобы они забрали вас назад. По моему, вы совершенно не в себе.

Его слова, кажется, отрезвили безумца. Он прекратил тараторчить на Уиллика, отступил, оправил свой белый халат и уселся на скамейку, заложив ногу за ногу.

— Дайте еще сигарету, — сказал он.

Его голос был совершенно спокоен.

Уиллик опасливо передал ему пачку и зажигалку.

Сумасшедший закурил и вернул сигареты, поблагодарив Криспина. Некоторое время он молчал, затем заговорил снова, произнося слова четко и ясно, глядя куда-то прямо перед собой, словно читал в темноте видимый лишь ему текст, написанный на плотном листе ночного воздуха.

— В «Альманахе старого Мура» за 1913 год некая прорицательница мадам де Тэб, урожденная Антуанетта Саво, известная гадалка по руке, сделала предсказание о грядущей войне, вошедшей в историю как Первая мировая война, — произнес он совершенно академическим тоном. — Это предсказание возымело некоторые последствия политического характера, в результате которых «Альманах», выходявший в Британской империи с 1750 года как ежегодный сборник астрологических прогнозов и прорицаний, был закрыт правительством в 1914 году. Однако к тому моменту в издательстве уже был готов тираж нового издания за будущий 1915 год, так и не вышедший в свет. В этом номере «Альманаха» содержалось предсказание, сделанное человеком по имени Джон. Тираж был не только полностью изъят у

издателей, но и уничтожен до последнего экземпляра. Они считали, что до последнего.

Он остановился и взглянул на Уиллика. Его глаза горели тем же огнем, что и книги из сновидения Криспина.

— Вы должны отыскать сохранившийся экземпляр и узнать предсказание, — мягко сказал он, глядя на похолодевшего Уиллика.

— Зачем? — прошептал тот.

Незнакомец отвернулся.

— Темнота сей книги не препятствует удивляться ей. И если я не все в ней понимаю, то лишь по моей неспособности. Я не могу быть судьей истин, в ней заключающихся, и измерять их скудостью моего ума, — тихо сказал он. — Люди потеряли книгу Откровения и будут не готовы. Вы должны помочь.

Где-то поблизости взорвалась то ли петарда, то ли бомба. Небо озарил фейерверк ало-золотых искр.

— Мне пора, — сказал незнакомец.

Он встал и поежился.

— Будет зима. Долгая, — почему-то добавил он.

— Кто вы? — спросил Уиллик.

— Пациент из больницы святого Митника. Я же вам уже говорил, — незнакомец удивленно посмотрел на Криспина. — У вас что, память плохая?

Криспин почесал нос.

— Значит, вы понимаете, что вы сумасшедший? — уточнил он.

— Разумеется, — незнакомец равнодушно пожал плечами. — Я сумасшедший, поэтому иногда говорю очень мудрые вещи. Чего о большинстве людей не скажешь.

Грянул новый залп фейерверка.

Безумец посмотрел на небо.

— Вы никогда не размышляли над тем, что станут думать люди, когда им скажут, что они живут во времена Апокалипсиса? — задумчиво сказал незнакомец. — Ведь все считают, что с ними такого произойти не может.

Он засунул руки в карманы своего белого халата и, не прощаясь, пошел вниз по улице.

Уиллик еще некоторое время постоял в парке, затем подхватил свой пакет и пошел к Левиным.

Его встретила Дженни, осыпавшая Криспина за опоздание градом упреков.

В комнате за накрытым столом сидел Джереми, юный Робби в блестящем праздничном колпачке и Ингрид Бергман. Старше

лет на двадцать, полнее и с каштановыми волосами, но это определенно была она, из фильма «Касабланка».

— О, — сказал Криспин, а потом, немного подумав, добавил еще: — О.

— Знакомьтесь, это Аликс, подруга Дженни, — хихикая, сказал Джерри. — Из Бирмингема.

Дженни смотрела на подругу с такой гордостью, будто сама ее слепила или нарисовала.

«Сводники», — довольно подумал Криспин.

А потом сели ужинать, пить шампанское, смеяться и болтать. После отправились гулять.

Они шли по сумасшедшему Лондону, встречавшему Милле-ниум, и, сжимая тонкую ручку Аликс в красной перчатке, Криспин думал о том, что люди не верят тому, что у них на виду. Просто потому, что с ними такого произойти не может.

«Возможно, кто-то из них поверит утерянному тиражу “Альманаха старого Мура”. А, возможно, и нет», — думал он, гордясь возложенной на него миссией и одновременно страшно пугаясь, потому что, кто знает, что еще предстоит ему и всем нам.

Только сейчас — Криспин посмотрел на улыбающуюся Аликс и еще крепче сжал ее руку — все это не имеет никакого значения.

Пусть ненадолго, но, правда, — не имеет.

Ключевое слово

Рассказ

— У вас глаза на пальцах, — сказал незнакомец и пожал мою руку. Бережно, словно боясь эти самые глаза раздавить.

Приветствие у него нестандартное, однако.

— Я рад вас видеть, — говорю стандартно, но невпопад.

Я действительно рад его видеть, но вовсе не потому, что меня, одинокого пенсионера, никто, кроме сына, давным-давно не посещает. Просто этот человек — необычный. Запах у него на букву «г»: гуталин, гроза и глазури чуть-чуть. Не той, которая вкусная, а той, что у меня в серванте отстаивается для ножки Елены.

Это скульптура такая будет. Думаю, за неделю завершу.

Говорит незнакомец странно и на меня уже не смотрит — прихожую разглядывает. Голос низкий, а сам маленький. Даже меньше меня. Дышит ртом громко, глубоко, как будто запыхался, поднимаясь на второй этаж.

— Проходите на кухню, — говорю. — А вы кто вообще?

— Я — коллекционер, — отвечает он улыбаясь.

Вот как. Коллекционер. И больше ему, видимо, ничего объяснить не нужно.

— Что же вы коллекционируете?

— Предметы искусства. В широком смысле этих слов. Наиширочайшем.

Кажется, он все еще улыбается, и с каждым слогом «ши» улыбка у него становится все шире.

Надо мне тоже улыбнуться. Напрягаю лицо, тяну уголки губ подальше друг от друга. Пашка говорит, что морщины у человека должны появляться только при смехе.

Гляди на мои морщины, незнакомец; я уже лет двадцать не смеюсь.

Ставлю чайник на плиту и говорю:

— Ваши смыслы, наверное, настолько широки, что и меня с головой накрывают.

А у него забавный смех. Жутко легкомысленный. Давно заметил: когда люди с низкими голосами смеются высоко, это всегда забавно.

— Вы слишком скромны, — сказал он отсмеявшись. — Вас накрыло бы при любом диаметре моих (и не только) смыслов. Потому что вы не с краю, а в центре. Почти в центре.

Коллекционер, значит, любит иносказательность. Интересно, как же он меня нашел.

— Как вы меня нашли? — спрашиваю. Я не люблю иносказательность.

— Ищущий да найдет.

Сильно сказано. В духе.

— Приятно, конечно, когда тебя ищут. Еще приятней, когда тебя находят... — чайник засвистел, не давая мне договорить.

Где-то у меня чай был. Дорогой, душистый, дамасский. Чай на букву «д».

— На холодильнике у вас чай, — подсказывает незнакомец.

Спасибо, думаю. Это Пашка его туда положил.

— Вы так и не представились, — говорю я.

Кладу на стол корзинку с конфетами, пряниками и прочей мелочью-к-чаю.

— Николай. Можете просто: Коля.

— Коля — коллекционер, — смакую слова.

Оказалось, что узнал он обо мне издалека. От фотографа какого-то модного журнала.

В этот журнал девушки со всей страны шлют свои фотографии в надежде на славу, деньги, роль где-нибудь, упоминание (хоть какое-нибудь) и прочее, прочее, что может еще двигать двадцатилетними дурочками в такое странное наше время.

Редакция журнала отбирала самых-самых, а остальных спускала в корзину. Вот как раз в той куче, которую нужно было выволочь в мусоропровод, фотограф, большой знаток и ценитель прекрасного, обнаружил жемчужину.

Нет, это была не очередная красотка. То есть красотка там как раз и была, но внимание фотографа привлекла отнюдь не

она, а небольшой керамический горшок с кактусом интересной формы, стоящий на подоконнике, около которого девушка принимала модную в том городе позу.

— Горшок? Хм, интересно, я редко делаю просто горшки...

Фотограф указал своему другу, коллекционеру, на этот определенно ручной работы горшок. И Коля начал переписываться с красоткой. Та была без ума от внимания со стороны человека, видевшего ее фото; человека якобы из редакции. Единственное, что ее настораживало, так это почему он все время расспрашивал о горшке.

Из чего он? сколько ему? откуда он?!

Наконец, решив, что парень ненормальный, красотка переписку прекратила. Тогда Коля вылетел самолетом и явился к ней домой на следующий день.

— Вы всегда такой целеустремленный? — спрашиваю.

— Я — коллекционер, — отвечает он и улыбается...

Когда девушка пришла в себя, выяснилось, что горшок-то — мамин; без ее разрешения никаким придуркам, пускай хоть и из журнала, девушка его не отдаст. А живет мама на другом краю нашей необъятной страны. Поэтому снова самолет.

Если сжать вечер маминых воспоминаний в одну фразу, то получится так: горшок этот подарили давным-давно на юбилей свадьбы.

Кто подарил? Знакомые. Имя, фамилия, адрес.

— Вот так, — сказал я. — Эх, Светка, сдала меня фашистам...

— Значит, вы вспомнили?

— Да. Хороший горшок... Он у дочки Светкиной?

— Нет. У меня, — сказал Коля.

— Каким образом?

— Несмотря на запрет матери, девушка отдала мне его. Добровольно.

— ?

— В обмен на ее фото в журнале для буржуев.

Я помолчал.

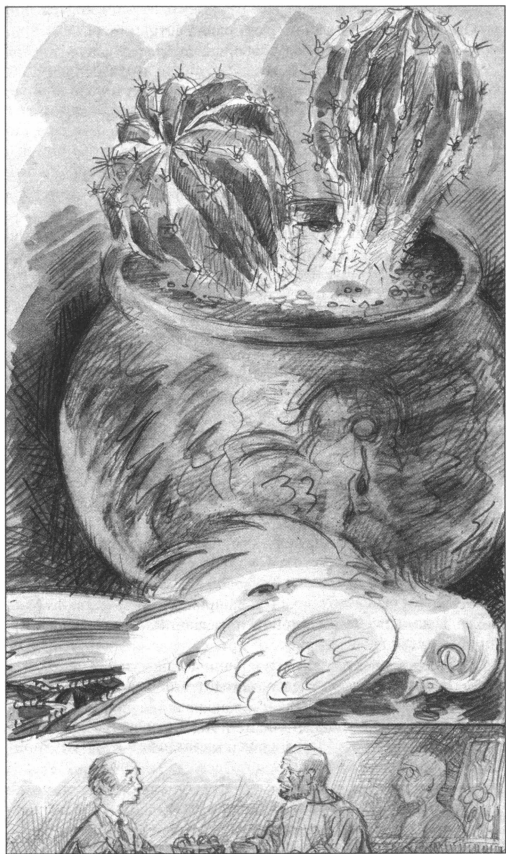
Люди меняют вещи на вещи, не представляя себе их несоизмеримую ценность. Так макака накладывает кучу на «Мону Лизу», обожравшись бананов.

— Вы ловкач, — говорю.

Я знаю, зачем он здесь со мной пьет чай из Дамаска.

— Я — коллекционер, — отвечает Коля.

Прежде чем он успевает улыбнуться, я ставлю точку:

— Я не продаю их.

Он не улыбается и почему-то спрашивает:

— Вы голубя на том горшке давили, да? Настоящего?

Вот этого я не ожидал. Совсем не ожидал. Придется ему рассказать. Все-таки он и впрямь настоящий ценитель...

Ведь сначала это был просто комок влажной пластичной глины размером с грейпфрут. Я придал ему форму чаши. Стенки и дно разгладил полотном. Оформил подставочку на дне, выровнял стеклом внутри. И задумался, надолго задумался над тем, каким узором приукрасить стенки сосуда; украсить надо было обязательно — горшок без этого выйдет до тошноты незатейливый. У меня были вполне стандартные заготовки. Крестики, меандры, завитушки.

Это скучно, решил я, и отправился гулять, оставив в покое недоделанный горшок.

Выхожу на улицу; гул машин, ветер в ноздри помойку пихает. Сорок шагов от подъезда, поворачиваю направо, еще сорок шагов. Это продуктовый: духота, спирт, гниющий картофель. Десять шагов — газетный киоск; бумагой тянет, семечками. Потом шуршание, вялый мат, запах опущенности — это бомжи; их двое, кажется, или трое, не понять.

Дальше парк: тополиная прохлада, собачки семянт, скамейки свежеокрашенные. Долго ищу ту, которая не липнет к рукам. Нахожу, присаживаюсь. Я сижу — время идет. Оно идет рядом, по-разному. Идет неуверенно, аритмично, малышом в шелестящем комбинезоне; идет цокающей походкой, от бедра, на высоченных каблуках; идет пружинисто, спортивно, на тренировку; идет задумчиво, глядя под ноги; идет тяжело, держась за сердце; идет, идет, идет...

Обычно я ухожу из парка, когда происходит замена. Замена прохлады на холод, визга детей на повышенные тона футбольных фанатов. Замена уюта на дискомфорт.

Когда время перестает идти и начинает бежать.

Поэтому я ухожу, и все происходит в обратной последовательности. Опущенность, вялый мат, шуршание. Газетный киоск: запах постаревших за день новостей. Десять шагов — продуктовый. Все то же самое — и духота, и картошка, — только спирт стал ближе. Еще ближе.

Спирт загораживает мне дорогу двумя сильными голосами. Такие голоса раздаются обычно из злых ртов, из щетинистых опухших морд. У таких людей ладони, как наждак, и пальцы из гранита. Я это точно знаю, потому что они держат меня за воротник.

Я не понимаю, что они говорят, эти двое. Я лишь понимаю, что пахнувшие спиртом видят сейчас перед собой немолодого уже мужчину, в пальто и с тростью. Интеллигента.

Мой дорогой одеколон — это породистый мастифф против их проспиртованной дворянки.

Меня бьют.

Я для них — благополучие в пальто. Я морщу от них нос, даже когда корчусь на асфальте, сединой в луже. Мои брюки в грязи, но морщу я нос не потому, что мне больно, жутко больно, а потому, что от этих двоих воняет. Они это понимают, это единственное, что они трезво и четко сознают, и поэтому они бьют меня еще сильнее...

Потом сильные голоса уйдут, через некоторое время исчезнет спирт, и кто-то добрый поднимет меня и мою трость, отряхнет и проводит до дома. Я скажу спасибо — мне что-то ответят.

Перед подъездом моя нога наступит на что-то. Преодолевая боль в спине, я нагнусь и потрогаю это. Словно большой растрепанный комок ниток. Пушистый, холодный, немного влажный. Одно место гладкое, как клешня краба.

Я аккуратно возьму раздавленного голубя и отнесу домой.

Я слеплю новый горшок с толстыми стенками. Подравниваю края. Пока глина податлива, я около горлышка вдавливаю голову голубя. Получится отпечаток клюва и глаза — профиль мертвой птицы. Поверну горшок и вдавливаю еще раз. Потом еще раз. Три отпечатка птичьей головки. Словно злая сила топтала здесь птицу. Как меня топтала в асфальт.

Я возьму птицу за крылья и обниму ими горшок, но рельеф стенок получится невыразительный, и мне придется их выровнять. Я вырву два самых больших пера и буду прикладывать их к стенкам пониже горлышка.

В моем горшке будет трепыхаться измученная птица. В нем будут храниться следы убийства и будут возвращаться растения, замыкая круг жизни...

— Я подозревал о чем-то таком, — сказал коллекционер.

Молодец; ему надо показать остальное.

— Хочешь взглянуть на другие вещи? — спрашиваю...

...Прежде чем уйти, потрясенный Коля скажет:

— Я бы мог купить их. Все и за любые деньги. За все, что потребуете. У вас, кстати, пенсия большая?..

— Они не продаются, — я снова ставлю точку.

Думаю, что окончательно, но вряд ли. Несколько точек — это многоточие.

— Я еще разок загляну, если вы не против? Чай у вас такой вкусный... — говорит коллекционер. Кажется, он опять улыбается. Пришел в себя, наверное.

— Заглядывайте. А чай мне, кстати, сын привез из командировки. Он у меня ученый; летает на симпозиумы и учит всех физике.

— Русские всех научат.

— Я тоже так думаю. Ну, до свидания.

— До свидания.

Он пришел через три дня.

Я только что наваял ножку Елены Прекрасной. Образ не самый оригинальный, но — подходящий по замыслу.

Изящная ножка, я слепил ее от стопы и до колена. Я вспоминал всех женщин, которые у меня когда-либо были, и воспроизводил их среднеарифметическую конечность.

То, что вышло, было удобно и приятно держать за любое место, будь это голень, стопа или щиколотки. Наверное, потому что лепил я их своими руками.

Формы получились обтекаемые и, как лекало, плавные. (Я думаю, у Бога самая большая коллекция лекал в мире.) Ноготки в глазури, светло-розовой, судя по запаху. Но это было еще не все.

Пока ножка, завернутая в марлю, просушивалась в печке, я приступил к следующей части.

Леплю стопу размера на четыре больше, чем у Елены, и со сквозными дырками в неожиданных местах. Огромный уродливый часток пальцев с потрескавшимися когтями. Ребристая резкая пятка (вытачивая ее, умудряюсь испортить пару стеков — а они ведь из самшита готовятся, ибо он гнется, но не ломается). Отталкивающая нога неандертальца. Внутри нее вырезаю углубление — вот здесь нужна точность: ножка Елены должна как влитая сидеть здесь. Как в обуви. А дырочки — это чтоб просвечивало: внутри этого чудовища что-то есть. Елена, например.

Изящество вдевается в грубость. Снаружи — брутальная дикость, внутри — неземная гармония. Да, так и должно быть.

Теперь сушим это в печке...

— У меня к вам новое предложение, — говорит коллекционер.

Пока я отмываю руки от глины, он разливает чай.

— Я так понял, что вы не продаете свои скульптуры, — продолжает он (неужели до него дошло?!), — тогда как насчет галереи?

— Галереи? — я никогда не думал об этом.

Все-таки мое хобби — ваять. Ваять и складировать в задней комнате.

— Да. Выставка. Галерея. Хотите — платная, хотите — бесплатная. Можно устроить для всех, можно — только для высшего света, — Коля говорил расслабленно, с чувством человека, который многое может и этим своим умением хочет поделиться с друзьями. Со мной, например.

— А откуда вы знаете, что свету есть до этого дело? — сказал я и обжегся чаем.

— Я знаю. Я разбираюсь в их вкусах; я могу их привлечь. Я — коллек...

— Ясно-ясно. Какой же вам смысл устраивать бесплатную галерею? Деньги на аренду вы из собственного кошелька положите?

— Да.

— Вы — с ума сошли?

— Нет. Просто мне бы хотелось понаблюдать за реакцией людей на ваши шедевры. Это того стоит.

— Вы мне льстите.

— Ничуть. Я думаю, вам тоже будет интересно побывать там.

— Я не люблю собрания народа. Я буду чувствовать себя не очень уютно. — Когда я сказал это, я вдруг понял, что уже согласился.

Согласился на галерею. На выставку. Бесплатную и для всех желающих.

— Ну, вот и отлично, — сказал коллекционер и улыбнулся.

Сегодня от него пахло так же, как и три дня назад, — гуталином, грозой и глазурью. Запах на букву «Г». Кажется, он предвещает что-то хорошее.

Выставка открылась в воскресенье утром. Коля обещал ажиотаж и рецензии в журналах. Я сидел дома, в берлоге, нелюдимый, простывший, с ватной головой и дрожащими руками, и весь день слушал телевизор.

Многоголосье тянулось из ящика; много лжи и глупости. И мне, старому человеку, даже не противно. Мне фиолетово, как говорит сын. Это цвет безразличия.

Он пришел ко мне вечером и с порога воскликнул:

— Там было просто нечто!

Так говорят молодые люди, которым не хватает слов, не хватает даже желания слова найти.

Он прошел в зал, сел в мое кресло и принялся эти слова искать:

— Люди балдели от ваших вещей. От каждой в отдельности и от всех сразу.

Вообще-то это закономерно. У меня ведь талант. И десятилетия работы до. Теперь признание. Я не могу сказать, что возгордился этим. Я чувствовал себя творцом и без зрителей, что бы ни говорили эстеты о несостоятельности книги без читателя. Просто моя книга была в столе. Сейчас она — на столах. На обозрении. Это хороший финал творчества. И неплохой финал жизни; ведь все-таки я стар.

Поэтому вещай дальше, молодой безумный коллекционер с низким набатным голосом.

— Кружки с тараканами! — выпалил он. — А тараканы тоже были настоящие?!

— Нет, — разочаровываю его. — У меня товарищ институтский был. Настоящий Левша. Блох он не подковывал, конечно. Но тараканов мастерил здорово. Я у него как-то взял пару-тройку жестяных таракашек, закрепил на вращающейся основе и выгравировал на керамических кружках. Просто поводил ими туда-сюда, и все покрылось следами усов и ножек.

— Вот именно! — воскликнул коллекционер. — Там один мужик сказал: это же кружки из моего общежития! Общага с тараканами. Дети их еще увидели и зафукали: противно, говорят, кружка следы помнит. Так и сказали: «помнит». Потом еще какой-то философ подошел и начал про «память вещей на прикосновения» говорить. Но его уже не шибко слушали...

А очки, помните?! Вы лицо такое строгое изобразили с очками. Мы все думали, в чем подвох? Потом пригляделись: дужек-то у очков нет! Держатся они за счет игл, что из линз прямо в глаза втыкаются. Бабка одна сказала: «Это сука-судьба», а мы промолчали...

А около мэра мы все отсмеяться не могли. Пасть вы ему слепили знатную! Я заметил: в ней каждый зуб — стилизованный домик, острые крыши, красные, как кровью залитые, окна-двери. Вместо языка — кладбище...

Около Елены больше всего народа было. Любовь чудовищна, сказал один волосатик в шарфе. Нет любви, ответил кто-то, это неправда. А кто-то поправил: она есть, она в белой фате со злобным оскалом по свету рыщет... В преисподней цокают когти, а ты мила как всегда, Елена, улада моя, — это старик один напел... Девчонки надолго около нее застоялись; я спросил: ну как?, а они — это манекен в райском бутике...

Мы видели все ваши творения; и мы улыбались, удивлялись и ужасались. Мы видели все на букву «у».

И мы вышли другие после выставки.

Смутно чувствующие в душе перемены. Осознавшие что-то впервые и с сознанием этого готовые жить дальше. Даже немного сомневающиеся: а вдруг это очередная банальная истина. Ведь есть же чувства и идеи, которые не ухватить, не выразить полностью словом, картиной, изваянием... Что-то все равно останется за. За абзацем, за рамкой. Но в ваших работах есть хотя бы намек на это самое «что-то»...

Кажется, молодой коллекционер нашел все слова, какие только мог.

И я понял его.

Мне бы хотелось, чтобы в моих вещах люди увидели меня. Не обязательно всего меня. Можно только кусочек.

Но ключевое слово здесь «увидеть».

Коллекционер, перегруженный впечатлениями, уйдет. Он улыбнется мне на прощание и бережно пожмет руку.

Я поплю дамасский чай, надену пальто, возьму трость и пойду гулять.

Сорок шагов от подъезда, поворачиваю налево, еще двадцать шагов — пешеходный переход. Я редко здесь гуляю. Гул машин нарастает, глохнет, застывает рядом, словно пес с выпавшим языком, готовый броситься в погоню. Не люблю я собак.

Слышу — сзади двое идут. Кто-то шагает уверенно, а кто-то еле поспевает. Но идут вместе, ровно, наверное, держась за руки.

Это хорошо, когда люди держатся за руки.

Женский голос: «Видишь, у дяди белая трость? Это значит, ему надо помочь перейти через дорогу».

Детский голос: «Давай поможем».

Я знаю, что есть еще добрые люди на свете.

— Спасибо, — говорю, — помогите.

Обратная транскриптаза

Рассказ

1 Платформа метро. Час пик. Молодой человек в светлом плаще с пятнами пота на спине и подмышками дрожит, как от озноба, и то и дело боязливо оглядывается вокруг. Зеленоватобледное лицо, бегающие глаза неопытного злоумышленника.

Никому до него нет дела.

На платформе — густая толпа, нетерпеливо ожидающая прихода поезда. Ясно, что всем не сесть.

Подходит поезд. В поезде — толпа, ожидающая, когда можно будет вырваться на платформу. Обе толпы напрягаются, готовясь к рывку. С шипением распахиваются двери.

Рывок! Никто не в силах терпеливо ждать, особенно когда тебя подталкивают сзади. Турбулентность на границе встречающих людских потоков.

Молодой человек захвачен одним из людских водоворотов. Его толкают, стискивают со всех сторон. Он прижимает руки к груди, пытаясь защитить что-то. Тщетно — хруст стекла во внутреннем кармане слышен только ему самому, но по груди растекается роковое влажное пятно... Он пытается вырваться из толпы, и тут на него наконец обращают внимание...

2 Согласно фальшивым документам, молодого человека звали Алексей Добровольцев. Его остается только пожалеть — дважды, трижды, а то и большее число раз. Мы ведь не знаем всех последствий его неудачи. Во-первых, заветная

пробирка разбилась. Во-вторых, когда это было замечено — надо было видеть выражение его лица, — его схватили как биотеррориста. В третьих, он умудрился покончить с собой еще в метро, в отделении милиции, не дожидаясь допроса и первых симптомов болезни. Один из коренных зубов молодого человека скрывал капсулу с цианистым калием. В четвертых, он ошибся и похитил из секретной лаборатории не ту пробирку. Вынуждены разочаровать любопытного читателя: та часть расследования, которая касается лаборатории — какие еще пробирки там находились, как именно молодой человек сумел туда проникнуть, в чьих интересах он работал, — была немедленно и безнадёжно засекречена. Известно только, что лаборатория занималась обратной транскриптазой — одним из энзимов, необходимых для переписывания информации РНК-содержащих вирусов обратно в человеческий геном. На этом трагическая часть рассказа, пожалуй, заканчивается и начинается комедия.

3 Болезнь распространялась стремительно. У двухсот тридцати девяти человек из числа тех, что находились в метро в тот момент, когда разбилась пробирка, через несколько дней появились первые симптомы.

Власти, как это бывает, встревожились не сразу — для принятия серьезных решений нужно время. Поэтому лишь незначительная часть зараженных была изолирована в первые же часы — некоторые (не все) из тех, кто сами на всякий случай обратились к врачам.

Несколько человек успело улететь за границу, прежде чем был установлен карантин.

Запоздалые объявления по радио способствовали возникновению паники. Панические слухи побуждают многих срысываться с места — и тем самым тоже способствуют более быстрому распространению болезни.

К тому же вирус, родственник вирусу гриппа, передавался воздушно-капельным путем, что делало заражение особенно легким...

Первые симптомы напоминали грипп, но потом наступала следующая стадия.

4 Возьмем типичную семью зараженного. Муж и отец (назовем его Иван Петрович Голубков) мучается от гриппозных симптомов, отягощенных моральными страданиями. Зачем он

вообще в тот день спускался в метро? Сэкономить несколько рублей? Можно было поехать в маршрутке.

Жена и дочь смотрят телевизор. Время от времени вспыхивает панический разговор — и снова гаснет. Жена (Елена Михайловна) чувствует первые симптомы и от этого нервничает еще больше. Дочь Полина пока не чувствует ничего, но тоже боится.

В этот момент на лице Голубкова прорисовываются первые признаки второй стадии в виде красивых зеленых квадратов.

Елена Михайловна приносит мужу чай.

— Боже мой, у тебя все лицо в клеточку!

Она едва не разбила любимую мужнину чашку.

Через несколько минут они убеждаются, что все тело Голубкова покрылось тем же рисунком. Вспыхивает спор. Побеждает — само по себе спорное — мнение: позвонить в больницу.

5 Еще через неделю. Секретное заседание кризисного штаба в одном из крупных городов — не менее типичное, чем семья Голубковых.

Федеральный представитель: Пожалуйста, господин полковник.

Полковник (откашливается): Ну, у меня для вас две новости, господа, как в анекдоте. Одна, пожалуй, хорошая, а другая...

Мэр: Понятно.

Полковник: Да нет, одна действительно хорошая. Нам удалось установить происхождение вируса. Нам известны его характеристики и вероятные последствия заболевания. Он не опасен для жизни.

Мэр: А в чем тогда плохая?

Полковник: Остановить распространение эпидемии практически невозможно. Получение эффективной вакцины против вируса, основанного на обратной транскриптазе, крайне затруднительно.

Мэр: Так какие тогда будут последствия заболевания? Я слышал, люди идут какими-то пятнами.

Жена мэра (она же — советник мэрии по целевой программе «Здоровье»): Не просто какими-то — кожа в зеленую клетку, с головы до ног. Это пройдет?

Полковник: К сожалению, скорее всего, нет. Над похищенной культурой велись опыты по программируемой обратной транскриптазе. В данном случае вирус выступает носителем копии гена, отвечающей за специфическую пигментацию,

которая бы легко прослеживалась в экспериментах. В результате она встраивается в геном больного. В дальнейшем ее поведение такое же, как если бы это была естественная окраска кожи.

Жена мэра (истерически): Мы что, все теперь будем в зеленую клеточку?

Полковник: У некоторых есть естественный иммунитет.

6 Через девять недель. Эпидемия «клетчатого» гриппа пошла на спад. Переболели практически все, кто был восприимчив к вирусу. Это составляло:

- около 70% в случае европеоидного и семитского типа;
- около 40% в случае монголоидного;
- около 60% чернокожих, но в случае темной пигментации кожи клетчатый рисунок оставался практически незаметным.

Отмечались и определенные вариации рисунка и цвета, по-видимому, вызванные мутациями вируса:

- в 2% случаев вместо клеточек наблюдались полосы;
- в 1% окраска имела скорее красноватый оттенок;
- достоверно зафиксировано было 153 случая пурпурных сердечек и один случай зеленых крестиков и ноликов.

Человечество задумалось.

7 Разумеется, разные представители человечества задумывались о разном. Невозможно охватить все темы этих размышлений, связанных с новой болезнью, стремительно меняющей лицо человечества, в коротком рассказе. Упомянем об одной из многих, ибо она имела самые разветвленные и далеко идущие последствия: вирус как носитель эстетической идеи. А всего-то понадобилось для новой революции — немного генной инженерии и обратная транскриптаза.

8 Полночь. Coffee-room в одной вирусологической лаборатории. Присутствуют четверо клетчатых и трое не затронутых болезнью.

Главный: По-моему, наши собственные исследования были почти закончены, когда произошла эта... утечка.

Помощник: Вы думаете, они запустили вирус намеренно?

Главный: Это уже не имеет значения.

Советник по маркетингу: До эпидемии с коммерциализацией у нас были бы большие проблемы.

Юрист: Сейчас вообще велика вероятность глобального запрета на технологию.

Главный: Верно, но на введение запрета нужно время. Пока господа законодатели придут в себя...

Ведущий ученый: Я вообще не думаю, что русские владеют технологией на нашем уровне. Единичный вариант — допустим, но не полное программирование пигментации.

Советник по маркетингу: А шансы на разработку антивируса у нас есть?

Ведущий ученый: В каком смысле? Вакцины?

Советник по маркетингу: Какого-нибудь метода снятия введенной окраски? На базе нашей же технологии?

Ведущий ученый: Шансы, конечно, есть, хотя мы над этим еще не работали. В мире существуют исследования по генной хирургии, но до повседневной практики пока далеко.

Юрист: Я думаю, главные наши шансы лежат в этом направлении. Любая лицензия пройдет на ура.

Аспирант: Вы думаете, надо произвести вброс наших вирусов?

Главный: Устами младенцев глаголет истина. Пока не улегся хаос, надо показать, что пути назад нет. Технология созрела. (Обращаясь к представителю службы промышленного шпионажа.) Как вы думаете, много лабораторий работает сейчас над нашей тематикой?

Представитель: Десятка полтора.

Главный: Давайте подумаем тогда над практическими аспектами операции.

9 Месяц спустя. Кричащие заголовки новостей по всему миру:

«НОВЫЕ ШТАММЫ ЦВЕТНОГО ГРИППА ШАГАЮТ ПО ПЛАНЕТЕ».

«ЗВЕЗДЫ И ПОЛОСЫ НА КОЖЕ».

«ДЕВЯТЬ ОЧАГОВ НА ПЯТИ КОНТИНЕНТАХ — ОЧЕРЕДНАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ПРЕСТУПНЫЙ УМЫСЕЛ?»

«ВЕДУЩИЕ ЛАБОРАТОРИИ ОБЕЩАЮТ РАЗРАБОТАТЬ АНТИВИРУС К КОНЦУ ГОДА».

Спустя год:

«ГДЕ ОБЕЩАННЫЙ АНТИВИРУС?»

«НОВОЕ ПОВЕРХ СТАРОГО — И ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ ПРОГРЕСС?»

«ЕЩЕ НЕ ПАНАЦЕЯ».

10 ГЕНИАЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ — ВИРУС ЦВЕТНОГО ГРИППА ПРЕПЯТСТВУЕТ РАЗВИТИЮ КУДА БОЛЕЕ ОПАСНЫХ БОЛЕЗНЕЙ

Каких именно? Газеты сообщали (как ни странно, в данном случае все было правдой), что в результате до сих пор не объясненных взаимодействий между различными видами обратной транскриптазы замедляется воспроизводство даже таких опасных вирусов, как вирус СПИДа.

11 Радость! Это замечательное открытие успокоило совесть подавляющему большинству тех, у кого она все еще была неспокойна.

Борцы с генной инженерией были в растерянности — что делать, если большинство человечества волей-неволей уже оказалось жертвой генетических изменений? К тому же весьма заметных. К тому же, по всей видимости, благотворных. Из их рук было вырвано мощное оружие — страх перед невидимой опасностью.

Бороться с фактами слишком трудно — то, что невозможно изменить, лучше принимать как данность. Государства опустили руки.

Мысль не поспевала за событиями. Жаль, что причудливые рисунки на коже пока невозможно вывести. Нельзя, однако, пренебрегать новыми возможностями, когда они появляются, иначе тебя опередят другие.

Возможно, вирус как-то воздействовал на сознание, убивая сомнения, но кто бы успел это проверить? Той или иной формой цветного гриппа переболели почти все.

Вихри творческой смуты охватили все слои и прослойки человечества.

В центре внимания оказались изобретатели татуировок, художники-маргиналы, еще недавно работавшие для узкого круга клиентов. Творчество их теперь поневоле пользовалось массовым спросом. Вирусным дизайном заинтересовались творцы высокой моды. Новые технологии удалось усовершенствовать, и при помощи вирусов легко распространялись довольно сложные рисунки.

Короче, человечество вступило в полосу «горизонтальной эволюции». Неожиданные изменения обрушивались, как волны во время шторма, стремительно разрушая барьеры и заслоны. Как это свойственно всем ретровирусам, чей цикл воспроизводства основан на обратной транскриптазе, свойства переболевшего «хозяина» легко встраивались в вирусный геном и затем передавались новым заболевшим... И при этом — чудо из чудес — не было никаких опасных для здоровья побочных последствий...

12 ПРОГРАММИРУЕМЫЕ ВИРУСЫ. ЛЮБИТЕЛЬСКИЙ НАБОР
ДЛЯ ДОМАШНЕГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ ПО ЦЕНЕ 15
ДОЛЛАРОВ. ДЕШЕВАЯ РАСПРОДАЖА!

13 (...)

14 Прошло много-много лет. Мир изменился, а, по сути, остался прежним. Тема давно завершившейся вирусной революции интересовала теперь главным образом только авторов диссертаций...

А. О. Азад-Заде. Диссертация на соискание ученой степени кандидата историко-биологических наук (на правах рукописи)

О ВЛИЯНИИ ОБРАТНОЙ ТРАНСКРИПТАЗЫ НА ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ СЛУЧАЙНОСТИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ВИРУСНОЙ РЕВОЛЮЦИИ НАЧАЛА ХХІ ВЕКА)

Введение. Как известно, начало вирусной революции положила случайность. На одной из станций московского метро случайно разбилась пробирка с культурой вируса, похищенной из одной вирусологической лаборатории. Случайностью было и то, что содержимое пробирки не соответствовало спецификации. (...) На следующем этапе в действие вступили статистические закономерности. (...) Действия многочисленных социально-административных структур в основном подчинялись присущим им закономерностям, но, как можно утверждать, несогласованный характер этих закономерностей приводил к возникновению «детерминированной случайности» в лапласианском смысле этого слова. (...) Случайно или закономерно творческое воздействие отдельных личностей? (...) И т. д., и т. д., и т. д....

(...)

Как надеялся до смерти уставший от борьбы с текстом Амир, эта, одиннадцатая, версия диссертации будет последней, и начнутся, наконец, подготовительные хлопоты к защите, после чего он станет кандидатом наук и его все чаще и чаще будут уважительно называть по имени-отчеству: Амир Омарович. После защиты надо будет перепрограммировать рисунок кожи на более солидный.

Он взглянул в зеркало, стер пот с каллиграфической надписи на лбу. Надпись тоже надо будет сменить.

Скучно, но нельзя позволять себе скучать... Пока пишется диссертация, он жил в квартире у брата. Брат — давно уже кандидат. Ядерщик. С тех пор как термояд сменил нефтянку, физика снова вошла в моду. Физикам платят очень хорошо. Другим научным профессиям поменьше, но тоже неплохо, и снова уважают — не то, что во времена родителей. Увы, они выбрали для самого Амира, напрочь лишенного способностей к математике и естественным наукам, иную профессию.

Он перевел скучающий взор на шкаф. Там стоял черный кубик, накануне принесенный братом из лаборатории. Брат поставил его наверх на всякий случай, подальше от детей... Сказал с улыбкой: «Осторожно. Просьба не прикасаться».

В детской раздался возмущенный мяв. Не прошло и нескольких секунд, как взъерошенный рыжий Персик ворвался в комнату и с удивительной для такого откормленного домашнего зверя прытью одним прыжком вознесся наверх...

Практикант

Рассказ

«Т ак, Илья, ты у нас, как наименее загруженный, займешься сегодня уборкой жилых помещений... — голос капитана был сух и ровен, как и безупречно отутюженные складки его форменных брюк. — И не забудь, как в прошлый раз, протереть комингсы. Вынужден напомнить, что чистота на корабле должна поддерживаться в идеальном состоянии. Объяснить различия между понятиями “удовлетворительное” и “идеальное”?»

«Никак нет, Иван Михайлович!» — Илья вытянулся в струнку.

Переверзин секунду помедлил, не отводя от него глаз и словно решая — дразнит его стажер или космофлотскую косточку проявлять начинает. Наконец, расслабился, распустил морщинки на лбу.

«В пассажирском блоке на цветы обрати внимание. Вчера проходил, заметил у фикуса Бенджамина листья пыльные. Ты опрыскивать не забываешь?»

«Никак нет, Иван Михайлович! Опрыскиваю ежевечерне согласно полученным инструкциям!»

«Ну-ну... Что на обед сегодня планируешь?»

«Суп-харчо, рагу из баранины, картофельное пюре, кисель из облепихи!» — на одном дыхании отрапортовал Илья.

«Есть возражения у экипажа?» — повернул капитан голову в сторону.

Экипаж молчал.

«Нет возражений. Меню утверждаю!»

Илья кашлянул.

«Что, стажер?»

«Э-э... Может, все-таки автоповара включим? У него и набор блюд пошире будет, и качество гарантировано...»

«Отставить автоповара! — капитан сделал два бесшумных шага вдоль строя, повернулся к Илье. — Рано лениться начинаем, стажер! Навыки растерять решили? Космофлотец что должен уметь? Он из кедровой шишки, двух картофелин и поясного ремня должен сподобиться на паяльной лампе приготовить обед на шестерых, включающий первое, второе и мороженое на десерт. Требования понятны?»

«Так точно!»

Капитан кивнул — другого ответа от стажера он и не ждал.

«Экипажу занять места согласно расписанию и приступить к выполнению регламентных работ!»

Прежде чем вплотную заняться опостылевшей ему уборкой, Илья завернул на камбуз, надел свежий халат, извлек из морозилки облюбованный им еще неделю назад кусок баранины с косточкой, разморозил его, промыл и поставил вариться. Хороший бульон — половина супа, так их учили. Поэтому он не пожалел и средней по размеру луковицы, любовно очистив ее и опустив в кастрюлю. Когда пена была снята, кипение бульона успокоилось, картошка для пюре начищена и оставлена в воде, бараньи ребрышки нарублены кусочками в палец длиной, он посчитал подготовительный период законченным, помыл руки и снял халат.

Обязанности стажера хлопотны и многочисленны, положение же его на корабле — ниже порога, называемого по старой флотской традиции комингсом. Нужно быть всегда под рукой любого члена команды и при этом нельзя путаться под ногами, нужно иметь вид лихой и одновременно придурковатый, ибо над кем же шутить экипажу, как не над новичком! Корабельная практика после первого курса тем и важна — показать будущему пилоту, штурману, двигателю или кибернетисту, кто он есть на самом деле: неуживчивый гордец, салабон болтливый, размазня бесхребетная или «наш человек». За формальными строками капитанского отзыва о пройденной практике руководство ВКШ без труда разглядит возможности курсанта, примет первые — пока еще предварительные — решения о его будущей специальности.

Поэтому Илья отнюдь не проклинал капитана за выданные им задания, а спокойно переоделся в рабочий синий комбинезон, выбрал в каптерке ведро, прихватил тряпку и отправился на уборку кают. Хотя, если положить руку на сердце, ох, и достало его это мытье, ох, и достало!

Все комнаты, отведенные экипажу, блистали чистотой. Еще бы им не блистать — он позавчера в них прибирался. Капитанская каюта чуть больше других, но и ее Илья знал как свои пять пальцев. Ничего в ней не изменилось с прошлой приборки. Что же делать?

Задумчиво пройдясь по комнате (шесть шагов в длину, четыре в ширину), Илья передвинул стул, проверив, не забыл ли подтереть под его ножками, открыл и закрыл тугие дверцы шкафа. Все на месте, все, как всегда, ни к чему нельзя придраться. Ё-мое! А наверху-то! Так и есть: верхняя панель шкафа матово отсвечивала тончайшим слоем пыли. Насвистывая, Илья быстренько ее протер, отполоскал тряпку, сменил воду, протер еще раз. Интуитивно обратился к книжным полкам, раздвинул книги — нашел пыль и там. Только через двадцать минут он вздохнул с облегчением, устранив обнаруженные недостатки.

С каютами Конобейкина, Аламчука и Ванечкиной он управился и того быстрее. У Елены Андреевны только чуть задержался. Не смог себе отказать — перед уходом быстро нагнулся и понюхал брошенную в изголовье кровати кофточку. Чудный запах, вовсе не такой, как у любимых ею духов «Звездная пыль» — вон, бутылочка стоит в пенале. Те с цитрусовым оттенком, свежим, а от кофточки запах... сладкий какой-то, домашний.

Не то чтобы он боялся, что сделал неправильно, понюхав предмет женской одежды, и уж точно не боялся, что его за этим занятием застукает владелица, но из каюты Елены Андреевны он всегда выходил торопливо. Это его собственная маленькая тайна, а тайны положено хранить.

Прежде чем вплотную заняться пассажирским блоком, он заглянул к себе, взял вушники, зарядив курсом «Системы жизнеобеспечения кораблей класса «Аргон»». Если уж капитан высказал недовольство пыльными листьями своей любимой «бенджамини», тогда он растениям полный макияж наведет, без всякого снисхождения. А это занятие нудное, кропотливое: в каждом горшочке землю взрыхлить, да каждый листик влажной тряпочкой протереть, да опрыскать из пульверизатора, да навести подкормку, да полить, да освещенность растений проверить и при необходимости отрегулировать. Пока руки да глаза

работают — пусть мозги знания впитывают. Два раза уже «Системы обеспечения» пытался сдать и оба раза заваливался: то фермент какой из биореакторного комплекса забудет, то пропустит пару этапов демонтажа «светильника хемилюминесцентного ССХ-124-П». Иван Михайлович уже коситься недобро стал, того и гляди, рывкаться начнет!

Спихнулся Илья только в полдень. Ёжик кот! А обед-то! Метнулся к себе, умылся, переоделся, скачками — на камбуз. Бульон процедить, мясо остудить, лук нарезать, рис промыть да чеснок не забыть. И зашкворчало на плите, забулькало ароматным паром, убегающим в вытяжку, включенную на максимальные обороты. Крутиться пришлось как белке в колесе, чудом успел. Кисель разливал по кружкам горячий, как не обварился еще!

Команда приняла обед благосклонно, замечаний не высказала. Иван Михайлович даже крикнул одобрительно, а Елена Андреевна демонстративно в открытый рот ладошкой помахала — острый супчик получился.

«Что на ужин?» — спросил капитан, вставая.

«Может, есть особые пожелания?»

«Вареники! — буркнул Конобейкин. — С картошкой и луком жареным!»

«А я бы с вишней не отказалась, — заметила Ванечкина. — Я к сладкому равнодушна».

«Хорошо, — кивнул Илья. — Мы можем любые!»

«Присоединяюсь к картофельным!» — подал голос Борис Иваныч.

«А мне пятьдесят на пятьдесят!» — улыбнулся капитан.

Что ж, вареники, так вареники. В длительном полете одно удовольствие у команды — разнообразная еда. Надо постараться, практикант!..

Уже после ужина, наведя красоту и полный порядок на камбузе, Илья решил заглянуть в рубку.

«Можно?» — привычно спросил он, переступая комингс.

«Заходи, Илья, присаживайся!» — капитан кивнул на соседнее с собой кресло, на спинке которого висело изображение Елены Андреевны.

Илья взял из гравизахвата навигационный шлем, сел.

«Как вахта?» — спросил он Ивана Михайловича, но тот не ответил.

Вздохнув, Илья надел шлем.

«Линейная скорость ноль-семь “Ц”, — доложил корабль. — Последняя коррекция курса восемь часов шестнадцать минут назад. Произвести расчет параметров прыжка?»

Перед глазами Ильи появились цифры обратного отсчета времени, отпущенного на принятие решения: 9... 8... 7....

«Выполняй!» — буркнул Илья.

«Расчет параметров завершен, — через секунду доложил корабль. — Выполнить прыжок?»

Снова спокойные, твердые, стеклянные по внешнему виду цифры: 9... 8... 7...

«Выполняй!»

«Недостаточно полномочий! — тут же отреагировал корабль. — Линейная скорость ноль-семь “Ц”. Оставшееся время полета в данном режиме — тридцать девять тысяч восемьсот двадцать три часа. Произвести расчет параметров прыжка?..»

Илья снял шлем. С компьютером бесполезно спорить. Есть на практиканте навигационный шлем, нет его — все равно Илья остается практикантом, и хоть честь по чести внесена его фамилия в судовую роль, да полномочий у него кот наплакал.

Что он там сказал? Тридцать девять тысяч восемьсот двадцать часов? Больше четырех с половиной лет. Но уже меньше, чем оставалось вчера. Каждую секунду он приближается к Земле на двести десять тысяч километров. Правда, за эту секунду на Земле проходит... Он знал, сколько там проходит времени: весь первый курс они изучали сплошную теорию. Но не хотел думать об этом. Курсанту надлежит быть спокойНУ, выдержиНУ и последовательНУ. Старое, как мир правило...

Он вставил ненужный шлем в гравизахват и поднялся из кресла. Прежде чем переступить на выходе порог, Илья оглянулся. Со спинок кресел на него смотрели Переверзин и Ванечкина. Портрету Конобейкина здесь не место, и он повесил его в двигательном посту, а изображения Аламчука и вовсе есть только в кают-компании да в коридоре, куда Илья каждое утро выходит на поверку.

Настоящие они лежат в гибернационном модуле. И они, и шесть пассажиров, не проснувшиеся после предпоследнего прыжка. Что уж там случилось с десятикратно дублированной системой пробуждения — не знал Илья. Раз сто за прошедшие месяцы он пытался активировать ее вручную — без толку. Повторяется одно и то же: предварительное тестирование, предупреждение о дефекте процедуры и отказ в исполнении. А дефектные процедуры всякий раз другие. То PQRS, то FFGD, а то и

вовсе какая-то 178-14-GG. И как с этим справиться? Программа гibernации для каждого индивидуальна, будь иначе, давно бы уже Илья демонтировал блок от собственного «саркофага» и переставил его Аламчуку — его это работа разбираться с настройкой системы. А так — нет. Пусть спят. Торопиться не нужно: так можно не только дров наломать — вообще убить человека.

В конце концов, он и сам не дурак, и время у него есть. Второй курс уже заканчивает экстерном — в восемь месяцев уложился, хоть из них шесть недель и потерял по глупости. Здесь ведь главное оказалось что? Чтоб быть «выдержану» и «последовательну» — день за днем, шаг за шагом. А чтоб мыслей в голове дурных не возникало — работать нужно. Мыть, чистить, готовить обеды и ужины, стирать и гладить рубашки с носками, утром вставать к поверке и ежедневно заниматься на тренажерах, слушая невыносимо нудное: «...блок ферментного гидролиза системы очистки сточных вод состоит из следующих основных частей...» Вот черт, вбилося в голову! С третьей попытки точно сдаст...

Илья постелил постель, лег, поправил под головой подушку. Интересно, подумал он, куда меня завтра Иван Михайлович зарядит? Неужели снова палубу драить? Нет, он в холодильнике давно не был, ревизию не проводил. Надо будет Михалычу намекнуть на беспорядок...

Эпоха спокойствия

Рассказ

1. Год 2027-й

Маленький мальчик резко остановился у витрины.

— Мама!

Красивая женщина с яркими пакетами в руках тоже остановилась.

— Джонни, пойдем!

— Мама, смотри, они как живые!

— Джонни, это манекены. Они не могут быть живые!

— Мама, они точно как живые, ты только глянь! У них родинки! У них глаза грустные!

— Джон Камински! Это манекены! Они не могут быть живые! Немедленно отойди от витрины! Малыш, нет времени, нет времени!

«Но они и вправду живые», — бормотал себе под нос мальчишка, пока мать тащила его сквозь море толкающихся и улыбающихся людей в гипермаркете.

2. Год 2042-й

Судья встал, шелестя мантией, открыл регистратор и брезгливо посмотрел на подсудимого.

— Джон Герберт Камински, 32 лет, родился в Дутенхофене, Европейское сообщество, женат, социальный статус ЭМ-

три, калибровщик торговых автоматов, встаньте для зачитания приговора.

Худошавый парень в простой одежде встал и спокойно поглядел на судью. Черные непокорные волосы, синие мерзлые глаза, руки скрещены на груди. Рядом с кабиной подозреваемого впились ногами в пол два охранника.

«Приговор. Как все просто стало. Выслежен—пойман—приговор. Да, собственно, какая слежка? Департамент бухгалтерии, эти крысы в нарукавниках, — вот современные шпионы. Суды присяжных, адвокаты, презумпция невиновности — уже даже не устаревшие термины... это уже почти ругательства. Банки — наши судьи, выписки со счета — свидетели. Скорее бы кончился этот фарс. Дико болит голова. Пусть давятся своей стабильностью, научно взвешенным бытием».

— Джон Герберт Камински! Суд рассмотрел выписки с вашего текущего счета в Банке Федерации, проверил ваши доходы и затраты за прошедшие три года и пришел к выводу, что вы виновны в нарушении пунктов 6, 9-а и 11 «Положения о потребительском поведении от 2024 года». На протяжении последних трех лет вы откровенно пренебрегали своими обязанностями Гражданина...

Судья налил себе воды из сияющего пласталевого термоса. Шумно выпил. Взметнул седые брови почти к линии волос.

— Позволю себе напомнить вам, что положение о потребительском поведении указывает следующее: любой Гражданин обязан тратить на приобретение товаров и услуг не менее восьмидесяти процентов своего заработка. Обязательная структуризация затрат указывается в приложении «один» и «два-а» к данному закону. В течение трех последних лет вы особо цинично игнорировали эти предписания, направленные на обеспечение стабильности и экономической эффективности в нашем цветущем обществе.

«Ну да. Закон. Одна страница с основным текстом, семь страниц приложений. Минимум восемьдесят процентов отдай лавочникам, адвокатам, уличным девкам, кассирам, таксистам. Надо тебе, не надо — закон не учитывает твои потребности. 28 процентов заработка на еду... хочешь есть, не хочешь — покупай. Пусть гниет во фризере, пусть съедается от силы пятая часть купленного — купить обязан. Все по списку, список учат в школе. Терпеть не могу мидии, а на свою зарплату обязан... двенадцать банок в месяц, кажется? 23 процента на шмотки — Боже милосердный, куда мне столько тряпья? Причем опять же по списку. Штанов столько-то, рубашек столько-то, список магазинов выдается при каждой зарплате. Перепроизводства они боятся.

К уличным девкам два раза в месяц... Мари зубами скрипела от злости, получая свои директивы в Женский квартал».

— Кроме того, вы допустили злостный перерасход и несоблюдение принципа пропорциональности выбора товаров по пункту 32, то есть «книги».

«Ну да. Скупал старые книги как бешеный. Продавцы в магазинах все время пытались сунуть эту новомодную блокбастерную дрянь... Хлам. Глянцевый пипифакс».

— Кроме того, четыре месяца назад, без разрешения Комитета демографии, оплодотворив вашу супругу, Мари Камински, вы нарушили пункт 42 Семейного кодекса и пункт 11 Статистического катехизиса. Спонтанный, не разрешенный демографическим комитетом акт зачатия также является тяжелейшим преступлением с точки зрения нашего законодательства.

«Спонтанный акт зачатия... Словотворы. Спонтанный акт. Мы были счастливы, мы были высоко... неужели убьют дитя?»

— Демографический комитет, проанализировав гендерный состав населения, после ультразвуковых исследований плода гуманно разрешает вашей супруге, Мари Камински, оставить ребенка. По совместному решению Демографического комитета и Комитета по занятости, вашей будущей дочери путем изменения ДНК будут приписаны следующие болезни: астigmatизм, незначительные нарушения работы печени и желчного пузыря, аллергические реакции 2-й степени, а с 50 лет — ишемическая болезнь сердца.

«Еще не так плохо. Соседскому ребенку приписали эпилепсию и «синий синдром» с 25 летнего возраста. А это смерть. Сейчас ему пять, и родители жадно хватают каждую секунду общения с ним. Или Кестлер из пятого цеха — у его пацана аллергия на солнечный свет. Ученые-медики в радости, потрошат мальчонку кто во что горазд. Медуниверситет выплевывает полторы тысячи студентов в год, им надо обеспечить работу... вот нас и начинают калечить еще в утробе матери».

— Что же касается вас, Джон Герберт Камински, 32 лет... Мерой наказания суд постановляет манекенизацию 1-й степени. Вы должны быть счастливы тем, что и после смерти будете приносить свой вклад в поддержание равновесия в нашем обществе.

«1-й степени. Прекрасно. Мне вынут внутренности, выцедят всю жидкость, залиют все внутри силикоидным раствором и поставят в витринах — рекламировать шмотье. И после смерти я буду служить обществу. Распределенному потреблению. Эпохе спокойствия и стабильности. Хорошо хоть не вторая степень...

при второй степени эти колдуны оставили бы мне работающий мозг и отличное зрение. Навсегда».

— Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и вступает в силу сразу после оглашения. Джон Герберт Камински, желаете ли вы отпущения грехов?

— Нет, — спокойно произнес осужденный.

Судья оторопел.

— Вы уверены? Облегчите вашу душу, прежде чем предстать перед ликом...

— Мне нечего сказать вашему Богу. Мой Бог — творец, а не бухгалтер.

Судья повернулся к охране:

— Увести осужденного Камински в лабораторию.

3. Год 2048-й

Девочка в радужном платье вдруг резко остановилась перед витриной.

— Мама, мама, а этот дядя живой?

Женщина присела рядом, мельком взглянула на завитринье и поправила девочке шляпку.

— Что ты, доченька. Это манекен. Это такая кукла, на которую одежду надевают.

— А мне кажется, он живой, — смешно насупила брови девчушка.

— Анна, это кукла, она неживая. Помнишь, у тебя дома куклы есть? Это такая же, но большая.

— А мои куклы говорят!

— А эта даже говорить не умеет. Это кукла, деточка. Просто кукла.

— А почему она похожа на фотографию в шкафу?

Женщина подняла лицо, всмотрелась в спокойные черты манекена. Память резанула ее сердце горячим, живот — холодным. Резь пришла в глаза.

— Пойдем, доча, нам еще к врачу попасть надо.

— Ну почему похожа-то? Мама, скажи!

— Совпадение, — проговорила, сдавливая рвущийся наружу вопль, женщина, отвернувшись от девочки, — пойдем, доченька.

— Это как? Это неспециально? Случайненько? — пропищала девчушка, на ходу оборачиваясь и бросая последний взгляд на витрину.

— Да, случайненько, — слезы брызнули из карих глаз, вдруг постаревших на миллион лет, — случайненько, детка....

Главное — дружба!

Рассказ

С Володей Нолиным мы встретились в аэропорту «Шереметьево», в зале ВИП-пассажиров. Я сидел в уголке, низко склонившись над своей работой, когда могучая, но явно дружеская рука легла мне на плечо.

— Серега! — услышал я восторженный возглас. — Это же ты! Сколько же лет прошло!

Я встал и повернулся. Это был он — Вовка Нолин. Мой дружок по детским играм. Выглядел он потрясающе. Ровный загар покрывал его лицо и наголо бритую голову. Я не очень разбираюсь в одежде, но сразу понял, что этот тонкий темно-серый костюм и белую рубашку с бордовым галстуком Вовка приобрел не на оптовом рынке. Скромный тяжелый перстень желтого металла украшал безымянный палец его правой руки, а депутатский значок — лацкан пиджака.

— Сколько же лет мы с тобой не виделись? — снова спросил Вовка.

— Двадцать, — растерянно ответил я. — Точнее, двадцать один. Как ты меня узнал?

— Три года в один детсад отходить, — воскликнул он. — такое не забывается! Двадцать один год... Как ты? Расскажи о себе.

— У меня все нормально, — похвастал я. — Поступил в университет, закончил биологический факультет, защитил кандидатскую диссертацию. Зарплата у меня сейчас очень

приличная. Начальство уважает, и с сослуживцами отношения хорошие сложились.

— Погоди! — удивился Вовка. — Ты же хотел в эти... геологи... или моряки?

— Нет, Володя, ты забыл. Меня родители готовили как раз в биологию. С самого первого класса. А ты-то сам как?

— Как видишь, — удовлетворенно сказал Вовка. — Лечу на международное совещание. Меня ведь родители тоже готовили. Как в школу пошел, так и начали накачивать.

— Ты, кажется, по линии космонавтики пошел? — припомнил я.

— Нет, — покачал он головой. — Это дело мои родители пересмотрели. Очень вовремя, кстати. Спасибо дяде, он подсказал.

— Значит, по общественной линии?

— Можно и так сказать, — улыбнулся Вовка. — Но не совсем. Тебе, как другу, расскажу. Я, Серега, пошел по криминалу.

— Как?

— Как-как? Как ты в ботаники попал?

— В биологи.

— Ладно, не важно. Так как?

— Обыкновенно, — сказал я. — После детского сада собрали семейный совет, решили: будем делать из меня биолога. В школу сразу определили с биологическим уклоном. В олимпиадах приходилось участвовать. Я два раза второе место занял. Потом репетиторов нашли...

— Потом на экзаменах кому надо взятку сунули, — продолжил Вовка. — Или через знакомых договорились?

— Ну, так... немного... — потупился я. — Но потом уже я все сам.

— Вот! — Вовка поднял вверх палец. — И у меня все точно так же. После детского сада сели всей семьей думать, куда меня толкнуть. А ведь я в самом деле чуть в космонавты не загремел!

Он с ужасом потряс головой и перекрестился.

— Хорошо, что дядька у нас в это время гостил. Он-то всем мозги и вправил. Ты же помнишь, какое время было? Помнишь или нет? Братки — первые люди на любой поляне. А воры в законе — вообще вне конкуренции. Вот и решили мне по этой части карьеру делать... Первым делом подобрали школу подходящую. Там район такой — половина выпускного класса стабильно на нары отправлялась. Не просто мне приходилось, прямо скажу.

Ездить было далеко — через весь город. Представь себе: семь с половиной лет вставать в шесть часов...

— Почему семь с половиной?

— Да подожди ты, — нахмурился Вовка. — Я же все по порядку рассказываю.

— К десяти годам мне сделали постановку на учет в детской комнате милиции. Я тебе честно скажу: сделали за бабки, в таком возрасте менты вообще никогда никого на учет не ставили. За это другому дядьке спасибо — он подход к участковому нашел правильный. Потом, по уму, надо было судимость делать. И тут мои предки здорово облажались. Заплатили прокурору, судье тоже хорошо перепало. Они, гады, башли взяли, а не сказали, что судимость только с четырнадцати может быть. Да и то за мокруху или изнасилование. Но эти масти настоящей карьеры, как ты понимаешь, только вредят. Пришлось ждать. Представляешь: четыре года коту под хвост!

Вовка печально тряхнул головой.

— Но я даром времени не терял, — продолжал он. — Много работал факультативно. Ларек там подломить, сумочку у бабульки на рыбок взять... И у репетитора занимался — самый классный карманник в районе. Целый год к нему по два раза в неделю ходил. Я старался. Ты меня знаешь — я упорный. И зачет сдал на отлично. На Новый год сберкассу взяли с подельником — мы с ним вдвоем у репетитора занимались. Мне как раз четырнадцать стукнуло... Короче, первая судимость прошла нормально. Но судье все же пришлось прилично отстегнуть, чтобы определили на строгий режим. По первой ходке-то малолеткам он не полагается...

Вовка расстегнул пиджак и погладил себя по груди.

— А дальше — все, как по маслу, — мечтательно сказал он. — Коллектив на зоне попался нормальный. Пахан, то есть смотрящий, — душа человек. Интеллект! Характеристику я от него получил классную. И когда второй ходкой пошел — там меня и короновали. Ну а то, что потом, тебе, думаю, понятно. Работал в бизнесе. Потом занялся политикой. Сначала в депутаты местной думы, а теперь...

Он застегнул пиджак и погладил теперь значок.

— В общем, все по уму. Вот, лечу в эту... Голландию. Там у них толковище по международной преступности. Никак у них без нас ничего не получается. Ладно, научим...

Скрытые динамики сначала по-русски, потом по-английски объявили начало регистрации.

— Ладно, Серега, мне пора, — заторопился Вовка. — Ты давай не пропадай. Надо нам с тобой посидеть как-нибудь, старое вспомнить...

Он пожал мне руку и побежал к стойке.

— Сергей Васильевич! — услышал я за спиной строгий голос начальника смены. — Между прочим, уже двенадцать дня, а переход во второй терминал еще не вымыт. Сколько можно здесь возиться?

— Я тут... товарища встретил, — принялся оправдываться я. — Сейчас я здесь заканчиваю... Ровно две минуты.

Я вновь встал на колени и принялся дочищать плевательницу, от которой нечаянно оторвал меня Вовка. Но я на него за это ничуть не обижался, потому что был очень рад нашей встрече. Удача встретиться со старым другом двадцать лет спустя выпадает далеко не каждому. А я — человек неизменно удачливый.

Сочинение на заданную тему

Рассказ

Деревянная барная стойка. Стакан светлого пива. Ленивые пузырьки вьются ленточками в янтарном свете. Девственно чистая пепельница. Пачка сигарет. Потёртая зажигалка...

Когда сознание уже замутнено некоторым количеством алкоголя, реальность и вымысел начинают перемешиваться и складываться в замысловатую мозаику.

Ты тянешь руку к стакану с пивом, намереваясь отпить маленький глоток, но глаз задерживается на мелких деталях: шрам тянется от большого пальца к указательному. Сероватый полумесяц грязи под ногтями. Ты видишь каждый волосок, который имеет наглость существовать на руке. Даже тень, которую отбрасывает рука, не оставляет тебя равнодушным.

Но вот тень неуловимо меняется, и ты касаешься рукой янтарной капельки смолы, стекающей по створу ворот. Ты уже видел неоднократно эти ворота и даже, кажется, эту капельку, которая неизменно ожидает твоей осторожной ласки. Чтобы не потревожить, ты и в этот раз не касаешься её, а лишь слегка гладишь воздух около. И, кажется, капелька отвечает тебе кусочком солнечного света, который запутался в её клейких объятьях. Наконец, насладившись этим зрелищем, ты толкаешь ворота...

Пузырьки ниточками поднимаются в замысловатом танце, пронизывая янтарь пива. Ты делаешь первый глоток. Первый

глоток — определяющий. Именно от него зависит, с каким настроением будет выпит стакан. В момент глотка твой взгляд падает на стеклянную пепельницу, подмигивающую прозрачным боком...

Ворота открываются с недовольным скрипом. Конечно, ведь им так редко приходится работать, они обленились, их петли покрылись рыжим налётом. Во дворе ничего не изменилось с прошлого раза. Всё та же протекающая бочка, всё тот же крепкий овин, доверху забитый сеном, всё та же высокая тёмная башня. Только один элемент интерьера двора тебя удивляет. Это прозрачный, кажущийся стеклянным, дракон. Уверенное похлопывание по бедру — конечно меч с тобой, какой же идиот пойдёт в тёмную башню, не захватив с собой меч? Ты прыгаешь вперёд...

Кремень зажигалки исторгает искру, весёлый огонёк начинает плясать свой зажигательный танец. Наверное, это румба. А может, просто открылась дверь, и сквозняк пытается бороться с неожиданным источником тепла. Едва слышно потрескивает табак. Бумага недовольно чернеет и съедается. Пепельница получает свою первую порцию пепла. Сигарета застывает в цепких лапах стеклянной бестии, и только дымок свободно поднимается вверх...

Всё ещё пахнет дымом. Наверное, стоило затушить запылавший овин, но как его затушишь — рвануло так, что только камни не горели. По-моему, даже воротам досталось, хотя обобщившись, чтобы посмотреть, нет времени. Впереди ровно двести одна ступенька. По дороге встречаются четыре маленьких, похожих на амбразуры, окошка. Каждое из них смотрит на одну из сторон света. Винтовая лестница всё выше и выше увлекает тебя...

Вода скручивается воронкой, исчезая в трубе. Ты провожаешь её взглядом и поднимаешь глаза. Из стекла, которое только кажется серебряным, на тебя смотрят два удивлённых глаза. На всём остальном, отраженном в стекле, взгляд не концентрируется, а соскальзывает в две глубокие воронки глаз, которые сегодня решили быть карими. Обратная дорога за стойку кажется миготом, и ты даже не замечаешь смены декораций. Жёсткое сиденье стула, холодная щека стакана, шершавая талия сигареты...

Этот подъём тебе дался нелегко. Ты сидишь на верхней, двести первой ступеньке и, прислонившись к прохладному камню стены, жадно глотаешь воздух. Иначе и нельзя забраться на

верхушку тёмной башни. Только если отдашь все силы и всего себя, твоё желание победить борьбу с этими ступеньками может сбыться. Наконец, отдышавшись, ты встаёшь. Подходишь к единственной двери. Некоторое время рассматриваешь её. Да, ничего не изменилось, всё та же зелёная дверь в белой стене. То тут, то там, на стене видны морщинки трещинок. На двери в двух местах отлетели кусочки краски. Почерневшая, казалось бы — от времени, дверная ручка. На самом деле это ты её натёр своими руками во время своих предыдущих посещений. Выкинув из головы все мысли, ты открываешь дверь...

(На этом месте я задумался: «А стоит ли продолжать, зачем какой-то определённый финал?» Но другая моя часть подзуживала: «Но ведь совсем немного осталось. Давай допишем. Авось кто-нибудь да дочитает... :)»)

Ты ощущаешь какой-то дискомфорт. Долгие секунды ты пытаешься определить раздражитель и наконец выбрасываешь дотлевшую до фильтра сигарету в пепельницу. Некоторое время держишь обожжённые пальцы на мочке уха и, лишь когда боль успокаивается, позволяешь себе посмотреть на покрасневшую от ожога кожу. Взгляд соскальзывает по пальцам на ладонь и запутывается в паутине линий жизни, любви и ума...

Ты обрываешь паутину, в изобилии свисающую с потолка маленькой комнатки. Наступать надо четко на следы, которые отпечатались в почти окаменевшей пыли, благо они расположены не так уж далеко друг от друга. Твоё внимание так поглощено этим, что ты не сразу замечаешь выросший из темноты пыльный балдахин. Сердце начинает биться всё чаще, как будто тыходишь в первый раз. И, понимая, что «промедление смерти подобно», резким движением распахиваешь занавески, украшенные пыльной бахромой...

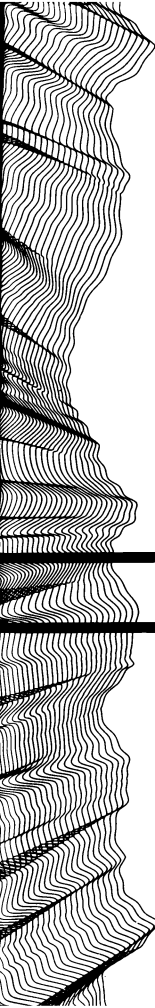
«Будьте здоровы!» — звучит голос из полумрака за стойкой. Ты судорожно вдыхаешь воздух и чихаешь ещё раз. Наградой за этот нелёгкий труд служит фейерверк из пепельных крошек. «Ну точно здоровым будете!» — произносит голос. Ты поднимаешь слезящиеся от пепла глаза на говорящего. Из тени начинает проступать лицо бармена...

Милая девушка. Лежит, как будто сбежала из сказки про спящую красавицу. Но она не красавица. Симпатичная. Ровно настолько, чтобы нравиться, но не вызывать брезгливых

аналогий с красивой куклой. Видимо, придётся последовать совету из сказки. Ты нагибаешься к её лицу. Ощущаешь почти неуловимый аромат сирени. Чувствуя себя начинающим некрофилом, прикасаешься к её губам. Следом не рокошет гром, нет бравурной музыки. Зато она открывает глаза. С вертикальными зрачками. В панике ты отпрыгиваешь от кровати и, не разбирая дороги, поднимая клубы пыли, несёшься к двери...

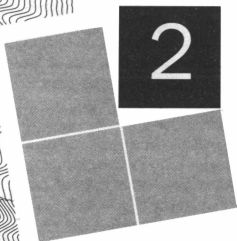
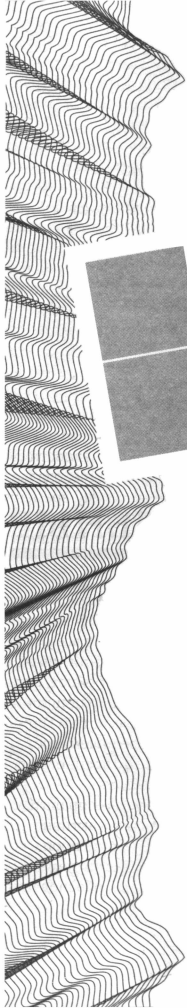
Только за дверью ты даёшь себе возможность отдышаться. Застёгиваешь куртку. Поплотнее надеваешь шапку. Смотришь на часы. Да-а, троллейбуса сейчас фиг дождёшься. Едешь на метро до нужной станции. Пересаживаешься в маршрутку и только тогда позволяешь себе расслабиться.

А ведь в прошлый раз на кровати никого не было. Интересно, что будет в следующий раз?..

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ

МИРЫ

Повелители света и тени

Фантастика и кино: исторический контекст

1920-е годы. Германское немое кино этой эпохи было вотчиной титанов. Они без всякой ложной скромности сознавали себя Творцами (немецкий язык вообще располагает к заглавности существительных). Их страна проиграла в Мировой войне, сдалась на милость победителей и была разоружена, но к тому времени кино было осознано как особого рода оружие, сдачи которого договор о капитуляции (заслуженно унижительный для Германии) не требовал.

Перемотка назад.

1914 год. С началом войны и закрытием границ импорт фильмов почти прекратился. В России это привело к бурному расцвету национального кинематографа, который занял все оставленные иноземными конкурентами ниши. В Германии, против которой действовал чуть ли не всеобщий торговый бойкот, ситуация была похожей, однако если на русском экране традиционно царила располагавшая к литературности мелодрама, то в Германии фильм оставался в основном балаганным зрелищем, доступным средством на час-полтора отвлечься от тягот военного времени. Иной миссии у немецкого кино тогда не было.

Ситуация изменилась в 1916 году. Кайзеровское правительство обратило внимание, что противники начали активно использовать национальное кино для патриотической пропаганды — естественно, антигерманской. В то же время немецкое кино своему зрителю ничего такого не предлагало, обоснованно

считая, что повышенным спросом военные агитки пользоваться не будут. Но интерес киноделов можно было стимулировать, и средства для этого в Германии тогда были.

Государство начинает целенаправленно вкладываться в киноиндустрию, при его прямой поддержке создается несколько солидных предприятий, задачей которых было создание патриотических фильмов. Концерн «Дейлиг» занимался выпуском «идеологически верно» ориентированных фильмов для германского зрителя и аудиторий союзных стран. Студия «БУФА» делала фильмы для фронтовых кинопередвижек и снимала военную хронику.

Но и этого оказалось недостаточно, когда в войну вместе с США вступил Голливуд, — его кино напрочь перешибало немецкое просто за счет высокого профессионализма американских постановщиков (не говоря уж о подлинных мастерах — даже одна только комедия Чаплина «На плечо!» была вполне способна выиграть любую киновойну). Идеологическая борьба вышла на новый виток и потребовала от Германии перегруппировки сил. В 1917 году генерал Людендорф, командующий Генеральным Штабом, потребовал объединить усилия всех «стратегических» киностудий страны. Его влияния оказалось достаточно, чтобы все организационные проблемы были вскоре решены, нужные договоренности достигнуты и несколько крупнейших кинокомпаний Германии объединились в концерн «УФА», треть акций которого принадлежала государству. В кино был не только брошен значительный финансовый ресурс — совершенно внятно была поставлена задача найти или срочно вырастить постановщиков, которые могли бы достойно конкурировать с американцами. У немецкого кино были деньги, но не было своих гениев; следовательно, немецкое кино обязано было этих гениев создать.

Для конца 1910-х годов этот подход был почти беспрецедентным. Фактически кинематограф был признан в воюющей стране одним из государственных приоритетов, одновременно он был на государственном уровне осознан как искусство, требующее не просто профессионализма, но выходящего за его рамки качественно иного творческого осмысления...

Впрочем, пока гениев не наблюдалось, годились и крепкие профессионалы. Плодовитый Эрнст Любич ставил комедии, а затем перешел на оперетты и костюмные исторические драмы. Джоэ Май тяготел к приключенческой экзотике. Активно работали Пауль Лени, Отто Рипперт и Рихард Освальд.

Поражение Германии в войне, революция и крах династии Гогенцоллернов почти не сказались на деятельности «УФА» — разве

что откровенная пропаганда из фильмов ушла вместе с переходом государственного пакета акций в частные руки. Студия осталась крупнейшим немецким кинопредприятием, конкуренция с американским кино была одним из главных стимулов её развития, и гении по-прежнему были необходимы.

И гении появились.

Сначала они были почти незаметны среди множества новых лиц немецкого кино. Их первые фильмы были неизбежно подражательными, их талант едва пробивался, ища путь из личиночного кокона. Но пройдёт всего несколько лет — и их имена станут знаменем национального кино, источником славы и успеха «УФА». И в то же время, что закономерно, одной из причин её заката...

Они приходят в кино с развалившихся фронтов и несут с собой проклятие поражения и благословение порождённой им же свободы от привычных догм. Демобилизованные офицеры, пережившие ранения, госпитали, плен. Они образованы, умны, не боятся ни реальности, ни фантазии, знают не только парадный фасад реальности, но и её изнанку.

Предтечами их стали Ганс Яновиц и Карл Майер, сценаристы «Кабинета доктора Калигари»*. Грандиозный успех их фильма открыл совершенно новые пути, на которые не замедлили шагнуть, помимо десятков прочих, отставной артиллерист Фриц Ланг и бывший авиационный разведчик Фридрих Вильгельм Мурнау.

Та эпоха знала и другие великие имена, но мы сосредоточимся именно на этих двух. Ланга и Мурнау почти невозможно сопоставить, это гении разных стихий, но ещё труднее найти среди их современников и соотечественников постановщиков, в творчестве которых фантастика и реальность были бы сплетены столь же тесно и которые дали бы такой же мощный импульс развитию кино как искусства.

Австриец Фриц Ланг был демобилизован в 1918 году прямо из госпиталя, где лечился от полученных на Восточном фронте ранений. По образованию он художник, но в госпитале почему-то начинает писать киносценарии. Некоторые из них идут в дело и становятся фильмами Джоэ Мая «Хильда Уоррен и смерть» и Отто Рипперта «Чума во Флоренции». Ланг становится известен как сценарист, его приглашает в свою фирму Эрих Поммер — там Ланг, кстати, принимает участие в доработке сценария «Доктора Калигари». В 1919 году он дебютирует как режиссёр-постановщик.

В том же году ставит свой первый фильм Фридрих Вильгельм Мурнау, вернувшийся в Германию из лагеря для военнопленных.

* Подробно о фильме «Кабинет доктора Калигари» можно прочитать в статье «Искусственные люди и люди искусства» («Полдень, XXI век», февраль 2008 года).

Оба идут пока по накатанным другими колеям и только ищут возможности проложить свои собственные. При этом Ланг тяготеет к приключенческому романтизму и экзотике, а Мурнау предпочитает символизм и многозначительность. Оба добиваются первого серьёзного успеха в 1920 году. У Ланга выходит эпически идиотский, но очаровательно безбашенный авантюрный сериал «Пауки» — благородный герой, могущественное тайное общество, погоня за сокровищами затерянной цивилизации, кровавая месть за погубленную любовь. Из четырёх планировавшихся серий сняты две, но этого оказалось достаточно, чтобы набить руку и привести в восторг нетребовательную публику. Мурнау в это время ставит несколько реалистических драм, но постепенно смещает внимание на более интересные для него фантастические мотивы и фиксирует свой интерес в «Голове Януса» — вольной экранизации «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда» Роберта Льюиса Стивенсона. (Этот утраченный фильм очень многие историки кино мечтали бы увидеть — мало того, что сценарий для него написал Ганс Яновиц, а обе главные роли сыграл Конрад Вейдт, только что ставший знаменитым благодаря «Кабинету доктора Калигари», так ещё в роли второго плана в нём снялся будущий Дракула — незадолго до того эмигрировавший из Венгрии Бела Лутоши.)

В том же 1920 году происходит событие, которое значительно спрямляет путь Ланга к величию, — он знакомится с писательницей Теа фон Харбоу, женой одного из лучших немецких актеров той эпохи Рудольфа Клайн-Рогге. Профессиональные отношения (они вместе пишут сценарий для «Индийской гробницы» Джозефа Мая, затем вместе работают над фильмом самого Ланга «Блуждающий образ») сменяются безоглядной страстью. При этом Ланг женат, фон Харбоу замужем — но им уже всё равно. Клайн-Рогге всё понимает и даёт жене развод (он сохранит с Лангом поразительно теплые отношения и впоследствии украсит своей игрой почти каждый его фильм). Супруга Ланга менее покладиста, но расклад уже на столе, а судьба и люди настроены крайне серьезно. Один выстрел — и Ланг становится вдовцом. Следствие констатирует несчастный случай; любители мелодрам утверждают, что жена застала мужа и соперницу в постели и покончила с собой у них на глазах; злые языки прозрачно намекают на *qui prodest*. Правды, видимо, уже не узнает никто. Так или иначе, препятствий для союза мужчины и женщины, режиссёра и сценариста, больше нет.

Следующий фильм Ланга (по сценарию фон Харбоу), «Усталая Смерть», по интонации очень похож на фильмы Мурнау — это

метафорическая притча, в которой Смерть даёт девушке право отвоевать жизнь её умершего возлюбленного. Три попытки, три исторических эпохи (арабский Восток, средневековая Венеция, древний Китай), три горькие неудачи. Смерть не торжествует, она сама огорчена и дарит девушке последний шанс: за один час найти кого-то, кто согласится вместо неё уйти из жизни...

Мурнау примерно в то же самое время снимает несколько фильмов с Конрадом Вейдтом и историко-романтическую камерную драму «Замок Фогелёд» с Ольгой Чеховой в одной из главных ролей (первая германская роль будущей суперзвезды кинематографа Третьего рейха) — он явно покушается на территорию Ланга, но сравнимого успеха не добивается.

1922 год окончательно расставляет всё по своим местам. Ланг и фон Харбоу официально становятся мужем и женой, на экраны выходит созданный ими (она — сценарий, он — постановка) двухсерийный авантюрный шедевр «Доктор Мабузе, игрок», а Мурнау врывается в вечность невероятным по виртуозности исполнению «Носферату».

Между постановкой задачи «создать новых гениев» и достижением результата прошло всего четыре года. В этот периодместились стремительное развитие киноязыка, рождение и возмужание эстетики киноэкспрессионизма, практически полное теоретическое осознание кинематографа как искусства; востребованные гении были явлены, и явлены с поразительной очевидностью. Для каждого из них определился собственный уникальный путь.

Оба отдавали предпочтение остраниженной кинореальности и великолепно научились с ней работать. Если, например, Пабст уверенно двинулся от экспрессионизма к реалистической драме, то Ланг и Мурнау каждый в своей области предпочли игру с фантастикой, мифом, притчей, находя прелесть скорее в кинопоэзии, нежели в кинопрозе.

Слог, впрочем, у каждого был свой, и на территорию друг друга они более не заглядывали.

Кракауэр называет и «Доктора Мабузе», и «Носферату» ключевыми фильмами в киногалерее великих тиранов. Сходство на уровне темы — но насколько различны подходы, образный ряд, пространства, эстетика!

Ланг динамичен, его длиннющие сюжеты часто строятся на переплетении интриг, бесконечных переодеваниях и перевоплощениях, детектив сам по себе увлекает его не меньше, чем внедряемый в фильм «месседж». В кадре он предпочитает внешнюю

выразительность и кажущуюся простоту. Его фильмы выстроены с размахом и устойчивостью империй.

Мурнау, часто говоря о том же самом, делает это языком вихря, тумана, тени. Он умеет глубоко погрузиться в человеческую душу, вскрыть подсознание, заставить вас смотреть из глаз персонажа. «Носферату» был для него тараном, пробившим зрительскую отстраненность. Освобожденный им ужас захватывал, пропитывал, подчинял. Вскрытый таким образом зритель был готов к прямому восприятию, Мурнау мог говорить с ним напрямую — и говорил, убеждая не аргументом, а его ощущением.

Ланг, напротив, предпочитает живописной изощренности геометрическую сложность и завершенность. Его экспрессионизм поэтичен в строго противоположном смысле, нежели экспрессионизм Мурнау, — человек у него внедрён в огромную картину, которая, собственно, и представляет для автора основной интерес. Его цель — высказывание не столько глубокое, сколько широкое, скорее лозунг, чем афоризм, его публицистичность сродни гражданственной риторике Маяковского или Эйзенштейна (и вовсе не случайно именно Эйзенштейн для проката в СССР перемонтировал «Доктора Мабузе» в обличительный антибуржуазный памфлет).

Вышедшие через два года «Нибелунги» стали подлинным манифестом Ланга. Именно на создание такого фильма была изначально нацелена «УФА», и не удивительно, что концерт бросил на этот проект чуть ли не все имевшиеся у него ресурсы. Эпический патриотизм, шекспировские страсти, образный строй, который лишь через несколько десятилетий станет применим в литературной сказочной фантастике, совершенство частной и общей композиции делают этот фильм непревзойденным шедевром. Достигнутая Лангом и фон Харбоу (он — постановщик, она — сценарист) органичность и условность мифа не были в дальнейшем повторены ни одним режиссером, ни в одном фильме, даже попыток сниженной имитации практически не было.

«Нибелунги» стали выразительнейшим выпадом в адрес стран-победителей: в фильме было такое величие поражения, в сравнении с которым торжество триумфаторов казалось ничтожным и мелким. Патриотический смысл высказывания Ланга (и фон Харбоу) также был и остается очевидным, и совершенно не удивительно, что фильм так высоко ценили нацисты — они тоже были патриотами Германии, хотя их понимание патриотизма и методов его утверждения в итоге категорически разошлось со взглядами невольного вдохновившего их Ланга.

В том же 1924 году Мурнау также достигает абсолютной творческой вершины. Фильм «Последний человек» можно считать квинтэссенцией его творческого метода: внимание режиссера и зрителя полностью сосредоточено на одном-единственном человеке, он становится и главной темой, и основным способом художественного высказывания. Повествование внешне совершенно реалистично, хотя особенности постановки и повествования поднимают сюжет до высоты притчи. Сценарий Карла Майера полностью оригинален, хотя временами трудно отделаться от ощущения, что Гоголя-то сценарист точно читал.

Эмиль Яннингс играет старика, который работает швейцаром при входе в элитный отель и лишь в своём роскошном мундире чувствует себя человеком. Снимая по вечерам мундир, он оказывается у себя дома несчастным и никому не нужным, но утром, идя на службу, он вновь ощущает собственную значимость. Одинажды, когда он, помогая одному клиенту отеля, не успевает помочь другому, недовольный управляющий понижает его в должности до уборщика туалетов и лишает права носить заветный мундир...

Эмоциональная насыщенность «Последнего человека» грандиозна, Эмиль Яннингс демонстрирует настолько полное погружение в образ, что вызывает почти физическое самоотожествление зрителя с его персонажем. Простота человеческой истории подчеркивается тем, что фильм смонтирован без титров, и зрителям не нужны никакие пояснения, чтобы буквально «включиться» в картину.

Мурнау снова использует сильнейшее из доступных ему средств для уничтожения зрительской отстраненности: на этот раз это не ужас, как в «Носферату», а сострадание. Однако и в том, и в другом случае — и в фантастической притче, и в камерной драме — зритель открывается для восприятия авторского послания почти на уровне подсознания, уровне, на котором работает настоящая поэзия.

Разница между фантастикой и реализмом в фильмах Мурнау размыта, эфемерна, притча может быть более или менее условной, всё равно оставаясь притчей и не теряя при этом многообразия и сложности воспринимаемых значений.

Фильмы Ланга и фон Харбоу, напротив, всегда строятся на подчеркнуто рационально осмысленных символах. Их следующей работой (она — сценарист, он — постановщик) стал вышедший в 1927 году «Метрополис», классика социально-метафорической антиутопии. Фильм этот можно было бы назвать научно-

фантастическим, однако термин этот был тогда ещё не слишком в ходу; при работе над его сценарием фон Харбоу и Ланг сменили (если сопоставлять эту работу с «Нибелунгами») не столько метод, сколько частный приём. Легко заметить, что образная структура фильма снова близка к средневековому эпосу, хотя внешне перед нами не прошлое, а будущее. Примерно в ту же игру сыграл спустя полвека Джордж Лукас — его «Звёздные войны» точно так же опираются на символику и структуру мифа, используя для повествования футуристический антураж. Пожалуй, отличие можно заметить в том, что Джордж Лукас прямо указывал на работы Джозефа Кэмпбелла как на источник этого приёма, но работы эти были написаны значительно позже съёмок «Метрополиса»...

Остраненность фантастики оказалась чрезвычайно удобным для фон Харбоу и Ланга качеством, она позволяла создать очень вынтятое и очень рациональное высказывание, придав ему поэтичность и высокий уровень обобщения. Выказывая на этот раз именно четко артикулированный социальный смысл, авторы фильма провозглашали мирную социальную эволюцию единственным достойным человека способом общественного преобразования и отвергали революцию и классовое насилие. В «Метрополисе» «класс хозяев» показан предельно критично, а «класс рабов» — с большой симпатией, борьба за освобождение социально униженного класса рассматривается как совершенно необходимая, однако насильственный метод этой борьбы безусловно отрицается. Фильм начинается и заканчивается фразой «Посредником между головой и руками должно быть сердце» — прозрачайший императив, к пониманию которого в течение всего фильма идут все вовлеченные в классовое противостояние персонажи. Будь «Метрополис» реалистичным фильмом, подобная благодушная максима выглядела бы просто издевательской, однако в рамках символической притчи она более чем уместна.

«Метрополис» стал первым большим фильмом Ланга, производство которого не удалось окупить прокатом. Причем речь шла о суммах такого масштаба, что «УФА» оказалась на грани разорения. Работая над фильмом, Ланг не шёл на компромиссы: когда ему понадобилось 30 тысяч статистов, эти статисты были наняты и оплачены; для съёмок строились сложнейшие декорации, использованные в фильме спецэффекты тоже влетели в копеечку. «Метрополис» был произведением грандиозным, впечатляющим, сюжетно сложным, но при этом небыстрым. Поэтому, когда фильм был приобретен для проката в США, решительные американцы сократили его почти наполовину, убрав чуть ли не все, что относилось к

мотивациям героев и фундаментальной символике, и перемонтировали, значительно переосмыслив сюжет. В итоге зритель получил фильм всё ещё грандиозный, по-прежнему впечатляющий, но сюжетно невнятный и поверхностный. Авторский посыл в нем, конечно, просматривался, но место хрустальной поэтичности заняла утомительная невнятица. Ещё хуже было то, что даже в Германии «УФА» отозвала фильм из проката и, пытаясь спасти ситуацию и поднять сборы, тоже решительно сократила метраж...

Эпоха триумфа заканчивалась. Немецкое кино начало про буксовывать, и тогда же (какое совпадение) многие заработавшие мировую известность германские кинематографисты получили приглашение перебраться в Голливуд. Уехали в Америку Конрад Вейдт, Пол Лени, оператор Карл Фройнд. Уехал и Мурнау. В 1927 году он уже снял свой первый голливудский фильм, великолепную поэтичную притчу «Восход солнца», и стал одним из первых лауреатов премии, которую позже назовут «Оскаром». Следующие два фильма у него не задались; Мурнау обратился к документалистике, но и здесь оказался не понят и не востребован. В марте 1931 года он погиб в автомобильной катастрофе. Тело его перевезли в Германию и похоронили в Штансдорфе под Берлином. Фриц Ланг произнёс над гробом прощальную речь.

Ланг к 1931 году прошел (вместе с фон Харбоу) через творческий, но кризис. После коммерческого провала «Метрополиса» он пытался повторить успех «Доктора Мабузе», сняв похожий по манере фильм «Шпионы», затем вновь обратился к фантастике в космическом фильме «Женщина на Луне». Фильмы получались более чем смотримыми, однако прежней цельности и изящества в них не было.

К тому же Европа вслед за Америкой стремительно переходила от немого кино к звуковому, и это меняло практически всё. С появлением звука кинематограф резко сдвигал приемлемые границы условности, способ художественного высказывания, технику актерской игры. Звук практически «обнулил» прежние авторитеты — художник, выработавший за многие годы уникальную творческую манеру, запросто мог обнаружить, что для звукового кино она не годится. Выстроенная за тридцать лет мировая кинематографическая «табель о рангах» рухнула в одно мгновение. Классики больше не было. Всем приходилось начинать практически с нуля.

Ни одно техническое новшество со времен появления звука не изменило киноискусство так драматически. Ни одно.

Поразительно, но Фриц Ланг вписался в этот поворот истории почти идеально. Вскоре после похорон Мурнау состоялась

премьера триллера «М» — ещё одного их с фон Харбоу безусловного шедевра (он — постановщик, она — сценарист). По форме это был детектив, по смыслу — притча о необходимости всеобщего противостояния злу. Зверство маньяка, который убивает детей, приводит в ужас не только добропорядочных граждан, но и закоренелых преступников, которые решают, что обязаны помочь полиции уничтожить законченного убийцу...

Нашупав верный тон и выработав собственный подход к звуковому кино, Фриц Ланг снимает «Завещание доктора Мабузе». Фильм оказывается его последней работой с Теа фон Харбоу — его жена и постоянный соавтор вступает в нацистскую партию, и бывшее взаимопонимание супругов расточается, как дым. Пришедшие к власти гитлеровцы, несмотря на пиететическое отношение к «Нибелунгам», категорически не допускают «Завещание» в кинотеатры, разглядев в нём антифашистский смысл.

Ланг уезжает во Францию, а затем в Америку. Один. Вскоре в Германии запрещают к показу «М». Видимо, чтобы все окончательно поняли, что бороться со злом теперь незачем.

В Голливуде он снимет ещё два десятка фильмов, в том числе очень хороших — по американским меркам. Но не по своим. Без Теа у него ничего не получалось. А если получалось, то почему-то не то.

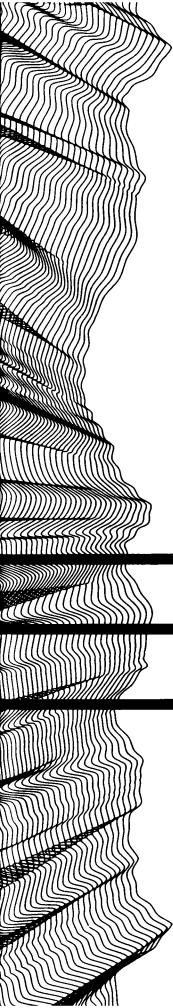
Теа фон Харбоу продолжит писать сценарии, по которым в Германии будут ставиться фильмы, но ничего сравнимого с прежними шедеврами уже не создаст. Без Фрица она ничего не могла. После окончания войны она была интернирована, прошла денацификацию. В 1954 году её пригласили на ретро-показ фильма «Усталая Смерть» в один из кинотеатров Берлина. На выходе из зала она неудачно споткнулась. Через несколько дней её не стало.

Фриц Ланг умер в 1976 году, всего за год до начала в кинофантастике эпохи «Звездных войн».

А реставрацией и изданием его и Теа фон Харбоу классических фильмов теперь занимается Фонд имени Фридриха Вильгельма Мурнау.

Всё относительно. До появления звука в кино было почти очевидно, что различий между ними больше, чем сходства. Скажем, как между фантастикой и реализмом.

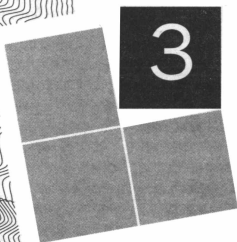
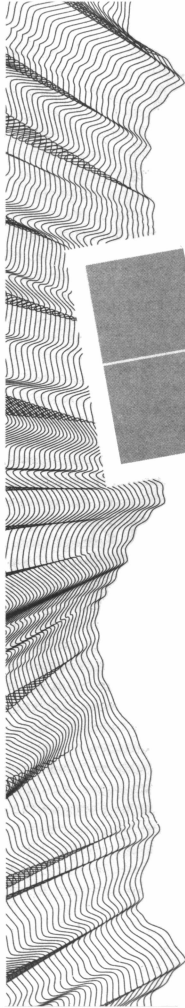
И где теперь эта очевидность?

Личности

Идеи

Мысли

Души и тела покорителей Марса

Реальный процесс освоения космоса сильно отстает от прогнозов, данных фантастами. Предсказания Артура Кларка, считавшего, что в 2014 году на орбитах откроются космические гостиницы, а к 2051 году пенсионеров будут отправлять на Луну, чтобы они там наслаждались низкой гравитацией, сегодня кажутся поспешными. Хотя, конечно, никто не знает, к чему может привести прогресс, и может быть, к 2051 году мы будем еще поражаться консерватизмом предсказаний Кларка. Но тот факт, что сегодня в эти прогнозы уже не верится, не случаен.

В развитии космических исследований явно просматривается временный тупик. Даже в Антарктиде и Сахаре людей не много, и никто не собирается разворачивать среди полярных льдов города под оранжевыми стеклами. Что же говорить о Луне или Марсе! Ведь проект лунного города выглядит сегодня явно более фантастическим, чем город в Антарктиде.

Из этого вытекает один очень важный вывод.

Сегодня уязвимость человеческого тела, его жесткая привязанность к земным условиям существования являются главными препятствиями для освоения космического пространства. Человечество располагает достаточно мощными летательными аппаратами, чтобы достигать и Марса, и Юпитера, и Меркурия, однако пока доставлять на эти планеты предпочитают почти исключительно роботов, поскольку никто не хочет нести

бессмысленные и поистине фантастические расходы на обеспечение жизнедеятельности человека в течение полета туда и обратно. Полет на Марс — недешевое удовольствие, но все расходы возрастают неимоверно, если вместо автоматических устройств отправлять туда живых людей.

И в то же время, пока живой человек не будет отправлен на Марс, эта планета не может считаться освоенной и вовлеченной в орбиту человеческой цивилизации. Возникает парадокс: отдельный человек с его слабостью стоит на пути человечества. А поскольку человечество всегда старается преодолеть стоящие перед ним препятствия, то, значит, «ветхий человек» также должен быть преодолен, и на место нынешнего человеческого тела для освоения космоса должно прийти новое — более устойчивое к перепадам температур, отсутствию кислорода и высокой радиации, а заодно и способное впадать в анабиоз на время полета.

Один тот факт, что человечество кровно заинтересовано в новом теле, уже позволял бы предсказывать, что рано или поздно наука займется решением этой проблемы. Но вдвойне позволительно говорить об этом, поскольку сегодня биология и биотехнологии числятся среди самых многообещающих отраслей научно-технического развития, и футурологи наперебой обещают наступление века биотехнологий. Уже активно развивается «трансгуманизм» — общественное движение, пропагандирующее изменение человеческой телесности при помощи новейших технологических достижений. Таким образом, есть спрос и уже начало формироваться предложение: с одной стороны, космическая индустрия, когда-то обещавшая стать мощнейшим преобразователем цивилизации, находится в тупике и испытывает острую потребность в новых идеях, а с другой — биотехнологии обещают стать средством удовлетворения этой потребности.

Возможность вмешиваться в человеческую природу и изменять человеческое тело придало бы мощнейший импульс развитию космических исследований, и прежде всего потому, что решило бы массу финансовых проблем: не пришлось бы изыскивать средства на то, чтобы в абсолютно неземных условиях Луны или Марса создавать земным жителям земную среду обитания и земной комфорт.

В свое время о том, что освоение космоса может привести к изменению человеческой природы, с большой тревогой говорилось в известном романе Сергея Павлова «Лунная радуга». Хотя этот роман, как и вся советская космическая фантастика,

пронизан пафосом покорения Внеземелья как важнейшего занятия человечества, но одновременно он выражал крайне редкий для советской фантастики страх перед последствиями соприкосновения с космосом.

Герои «Лунной радуги» подвергаются на спутнике Сатурна Титане воздействию таинственной природы, в результате чего приобретают феноменальные способности — например, видеть в инфракрасном диапазоне. Претерпевшие метаморфозу люди (экзоты) своим новым способностям не радуются, наоборот — мучительно переживают свою выброшенность из сообщества «нормальных» людей. Общество же в лице Международного управления космической безопасности и охраны правопорядка (МУКБОП) также относится к экзотам с большим предубеждением, стараясь скорее оградить человечество от чужаков, чем использовать их.

Герои «Лунной радуги» не замечают очевидного обстоятельства — и не ясно, замечает ли его автор, — что изменения, которые приобретает человеческий организм под внеземельным влиянием, делают его наилучшим образом приспособленным как раз для освоения космоса. Космические десантники в романе Павлова тратят множество сил на тренировки, чтобы быть готовыми к работе в опасных условиях чужих планет, а экзоты без всяких тренировок получают идеальную реакцию, способность обходиться без воздуха, левитировать и проходить сквозь стены. Может быть, в других романах эти свойства были бы идеальны для работы в разведке или ограбления банков, но в «Лунной радуге» — романе, заостренном на теме освоения других планет, в котором экзоты живут среди постоянно тренирующихся и повышающих реакцию космодесантников, — их возможная миссия для читателя очевидна. Правда, сами экзоты об этой миссии ничего не знают и знать не хотят, они даже пытаются дезертировать из рядов космодесантников, и все же сама логика ситуации подводит к тому, что в финале романа всех экзотов скопом посылают в первую в истории Земли экспедицию за пределы Солнечной системы. Правда, обоснование у этого решения несколько алармистское. Мутантов отправляют в космос не потому, что они представляют собой наилучший человеческий материал для этого, а потому, что «в целях безопасности человеческой цивилизации Земля не может, не должна принимать в свое лоно шесть с половиной сотен экзотов». И выбора у преобразившихся астронавтов — лететь к звездам или вернуться на Родину — нет.

Фактически «Лунная радуга» подводит к однозначному выводу: если человек не изменит свою природу для освоения космоса, то космос изменит ее сам. На, как говорили алхимики, «трансмутацию плоти» во имя приспособления к неземным условиям человек обречен, и вопрос заключается только в том, добровольно или вынужденно произойдет это превращение телесности. Поскольку форма живого организма — результат его приспособления к среде, то в иных средах должны появиться иные организмы, а задача научно-технического прогресса заключается в том, чтобы ускорить эволюцию и приблизить ее результаты.

Служба космической безопасности в «Лунной радуге» интересуется экзотами, поскольку обеспокоена нависшей над человеческой природой опасностью и мечтает ее (человеческую природу) сохранить. Но это только в романе Павлова — романе все-таки советском, несущем на себе многие родовые приметы поздней советской культуры — например, обостренный морализм, сочетающийся с некоторым этическим консерватизмом. Между тем, в фантастике других стран и времен человеческую природу никто не пытается сохранять специально. Да, большинство покорителей космоса в фантастике — обычные люди, но это лишь ввиду косности биотехнологической мысли. Обычно, как только представляется возможность внести изменение в человеческую телесность, это делается с радостью (как, например, в рассказе Желязны «Ключи к декабрю»). И шествуют по страницам фантастических романов многочисленные люди-киборги, люди-амфибии с пересаженными жабрами, или люди, как у Желязны, преобразованные в холодоустойчивых оцелотов. Эта бесчеловечная фантастика более точно отражает нашу социальную реальность: можно быть уверенным, что если человечество обнаружит, что во имя свершения грандиозных задач покорения космоса нужно изменить человеческое тело, оно на это обязательно пойдет. Грандиозная цель всегда оправдывает средства.

Можно себе представить, что на Земле создается некая замкнутая оранжерея, в которой воспроизводятся физические условия чужой планеты — скажем, Марса, и в этой оранжерее обитают существа, предназначенные для высадки на Марс до их отправки туда.

Правомерность подобного фантастического проекта обосновывается с помощью элементарных рассуждений. Любое из известных нам живых существ приспособлено для существования

в определенной среде. Несоответствие между организмом и средой является главным препятствием для освоения космического пространства. Следовательно, если живому организму предстоит перелететь с Земли на Марс, нужно совершить одно из трех действий:

1) либо преобразовать климат и физическую среду Марса в земные, но это страшно дорого, технически сложно — в общем, в обозримом будущем совершенно нереально;

2) либо создать на Марсе анклавы земной среды в каких-нибудь бункерах, «куполах» и поселках — это выглядит более реально, хотя также очень дорого;

3) либо создать существа, приспособленные к среде Марса, и, следовательно, создать для них на Земле анклавы марсианской среды. Это может быть чуть сложнее технически, но зато явно гораздо более дешево.

Экономический расчет в сочетании с упованиями на успехи биотехнологий говорят, что надо строить не земные поселки на Марсе, а марсианские поселки на Земле.

Когда фантасты рассуждают о возможностях техники при освоении космических пространств, то они забывают экономический аспект, который заключается в том, что тащить с собой на Марс земную среду явно гораздо дороже, чем прилетать на Марс уже приспособленными к местной среде.

Если Земля будет обязана вечно снабжать свои марсианские колонии всем необходимым — такие колонии ей будут не нужны. Как и при освоении Европой Америки, колонии окупают себя, если колонизация напоминает процесс сева: нужно лишь бросить зерно в пашню, а корни оно даст само. Нужно доставить колонистов на Марс — но выжить на Марсе они должны сами. В крайнем случае, процесс подобного «засевания» можно представить себе проходящим в две фазы: на первом этапе с помощью особых микроорганизмов, мхов, лишайников или иных еще нам неизвестных биотехнических средств, поверхность чужой планеты будет слегка преобразована, чуть более приспособлена к жизни — но все-таки не к человеческой жизни; а на втором этапе на эту уже отчасти приспособленную к жизни планету будут подселены генетически модифицированные живые существа, приспособленные к местным суровым условиям.

Что касается этических проблем, которые возникнут, если человечество будет реализовывать именно этот способ освоения космоса, то им несть числа. Одна из них связана с правами преобразованных для полетов к иным планетам живых существ,

с их принадлежностью к человечеству. Экзоты в «Лунной радуге» Павлова как раз и беспокоятся, что приобретенные ими феноменальные свойства выводят их за пределы человечества, а следовательно, лишают их предоставляемых людям естественных прав.

Вторая — и еще более грандиозная — проблема связана с единством человечества. Даже колониальные империи не смогли сохранить свое единство — англосаксы Северной Америки отказывались признавать себя единой нацией с Англией, испаноязычные жители Латинской Америки отказались от единства с Испанией, ну а научно-фантастические романы полны бесчисленных описаний того, как земные колонисты на других планетах отказываются от власти метрополии, причем, по мнению Филиппа Дика, сепаратизм может захватить даже население Луны, даром что в США мечтают о создании там поселка. Что же говорить, если Земля и Марс будут населены биологически разными существами?

История человечества показывает, что даже куда менее значительные отличия между людьми были достаточны, чтобы образовывать враждебные группировки. Тем более правомерно предположить, что «земнородные марсиане» будут испытывать и зависть к богатству и комфорту Земли, и неприятие того, что ими управляют существа иной расы. Все коллизии, которые сопровождали, допустим, владычество англичан в странах черной Африки, могут повториться. Но рассуждать об этом — с одной стороны, бесполезно, а с другой стороны, все это уже придумано многими поколениями фантастов XX века.

Интересно другое: что именно может удержат взаимотношения между земным человечеством и его инопланетными колониями от отчуждения и вражды?

В прежние времена империи пытались объединить вовлеченные в них различные народы общей религией или идеологией — католицизмом, как испанцы, православием, как византийцы, или марксизмом — в СССР.

Что может объединить носителей разных тел?

А что у них общее?

Тела разные. Биологическая природа разная. Места обитания разные. Общим — до какого-то предела — является дух. Только на общности духа может основываться идея общности людей со своими потомками, искаженными биологическими экспериментами и отосланными на другие планеты. У нас общий дух. В XX веке хлопоты по поводу поиска инопланетян

обосновывались предположением, что наша духовная и интеллектуальная сущность будет все же более или менее близка инопланетянам. Их называли не иначе, как «братьями по разуму». Мы чужие по телам, но по разуму мы — братья. Если верить «Энциклопедическому словарю крылатых слов и выражений» Вадима Серова, выражение «братья по разуму» возникло из «Туманности Андромеды» Ефремова (до того, в «Звездных кораблях», Ефремов употреблял выражение «собратья по мыслям»). Братьями по разуму у Ефремова являются участники «Великого Кольца» — содружества цивилизаций, чья удаленность сводит отношения между ними практически только к общению, обмену знаниями и т. д. Таков самый первый ответ космическому сепаратизму: телесной разделенности противопоставляется идея содружества находящихся в общении братьев по разуму. Не случайно творчество Ефремова стало источником целого идеологического движения с футурологическим, а отчасти и с политическим оттенком. Существуют целые сообщества и неформальные организации, пытающиеся развивать теорию будущего общества на основе идей Ефремова, — например, «Красная застава» и «Нооген». Пожалуй, во всей истории русской литературы это второй после Льва Толстого и «толстовства» случай, когда идеи, высказанные писателем, становятся поводом для создания целой идеологии. Которая, может быть, еще будет востребована нашими потомками.

Однако для поддержания «духовного единства» между населением разных планет есть более радикальное идеологическое средство.

Это концепция переселения душ. Прежде чем смеяться, надо вспомнить, что ее, в сущности, развивал Циолковский, хотя и в довольно экзотической форме теории «разумных атомов». По мнению Циолковского, атомы обладают сознанием, которое спит, пока атом находится в составе неорганических тел, но просыпается, когда атом входит в состав живого существа, обладающего высшей нервной системой, — в этом случае сознание атома тождественно сознанию этого живого существа. Дело, впрочем, даже не в том, что именно Циолковский, отец космонавтики, был сторонником одной из версий теории метемпсихоза, а в том, для чего она ему была нужна. А нужна она ему была именно для обоснования единства всех возникающих в Космосе цивилизаций и необходимости заботы более развитых цивилизаций о менее развитых. По мнению Циолковского, все живые существа заинтересованы в том, чтобы во всей

Вселенной не осталось неблагополучных обществ, иначе есть вероятность, что твой атом рано или поздно окажется в мире, где царят нужда и страдание.

Немаловажно, что метемпсихоз является единственной версией нашего загробного существования, для которой существуют хоть какие-то эмпирические доказательства или псевдодоказательства. Важнейшие из них дает так называемый регрессивный гипноз. Под гипнозом люди способны рассказывать о своих прошлых жизнях. Как относиться к этому, неизвестно — многие считают, что это просто фантазия, однако целый ряд исследователей считает это реальным доказательствами реинкарнации. Среди них — североамериканские ученые-психотерапевты Джоэл Уиттон, Ян Стивенсон, Майкл Ньютон. Книги Майкла Ньютона о путешествиях души между земными жизнями недавно были изданы на русском языке. Можно также вспомнить, что такой уважавший науку и научное мировоззрение человек, как Артур Конан-Дойл, был приверженцем спиритизма и также считал, что с душами умерших можно общаться. Спиритизм — еще одно направление, также допускающее переселение душ и при этом вроде бы допускающее некие эмпирические доказательства: во всяком случае, этим учением увлекались многие естествоиспытатели: в XIX веке — химик Бутлеров, а в XX веке, невзирая на советскую власть, спиритизмом занимался видный геофизик Всеволод Запорожец (писавший свои спиритические трактаты под псевдонимом ВЭМЗ). Из всего этого не следует, что в переселение душ и общение с духами умерших обязательно надо верить: важно, что такое учение есть, что в него могут поверить интеллектуально развитые и даже скептически настроенные люди, что его сторонники готовы предъявить экспериментальные доказательства своей правоты и что окончательная точка в вопросе о принятии или отвержении этих взглядов еще не поставлена. Раз так, то учение о реинкарнации может обрести вторую жизнь, когда в нем появится необходимость, — а она появится, когда возникнет нужда в обосновании духовного единства жителей разных планет.

Любопытно, что Майкл Ньютон, ссылаясь на «показания», даваемые его пациентами под гипнозом, утверждает, что учение о переселении человеческих душ в животных не соответствует действительности, поскольку души людей и животных находятся как бы в разных частотных диапазонах. Мысль, позволяющая объединить Землю, Луну и Марс общей квазирелигиозной идеологией: планеты отделяют друг от друга миллионы

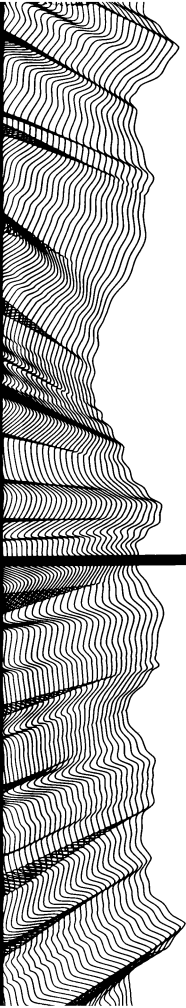
километров, но для душ, находящихся вне материального мира, расстояния не имеют значения, зато они все объединены «общим диапазоном», и в силу этого население всех земных колоний объединено общим оборотом душ: душа покойного жителя Марса завтра может вселиться в землянина и наоборот. Войны и вражда между планетами в этом случае будут не только братоубийственны, но и самоубийственны.

Если эта идеология будет принята всерьез, то мы получим ответ на вопрос, зачем сеять семена жизни на других планетах. Общеизвестно, что среди гипотез о происхождении жизни на Земле есть и такая, что жизнь имеет инопланетное происхождение. Вопрос об обоснованности этой гипотезы оставим пока в стороне. Задумаемся над тем, зачем вообще неким инопланетянам засылать на Землю примитивные формы жизни или даже просто ампулы с биохимическими субстратами. Какая радость жителям отдаленных галактик от того, что далеко-далеко, на чуждой им планете, через миллиарды лет разовьются совершенно чуждые им живые существа? Обстоятельства нашего земного существования не дают исчерпывающего ответа на этот вопрос. Да, люди стремятся иметь потомство, поскольку оно будет воспроизводить их собственные гены, — но это скорее слепой природный инстинкт, чем сознательное решение. Получается, что таинственные древние инопланетяне, когда заронили свое семя в океаны безжизненной Земли, тоже руководствовались слепым инстинктом размножения?

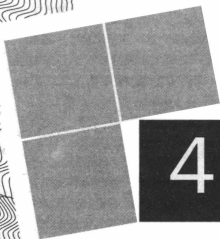
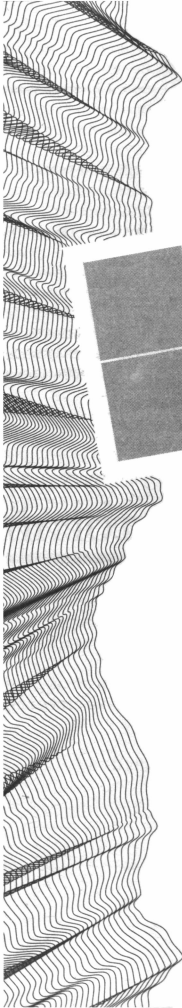
Ответить на этот вопрос можно единственным способом: представить себе обстоятельства, при которых люди поступили бы так же. Но когда Земля будет заселять Марс непохожими на людей существами и при этом обосновывать свое единство с ними гипотезой реинкарнации, она будет находиться всего в одном шаге от образа действия предполагаемых создателей земной жизни. Если завтра мы будем готовы изменять человеческое тело, чтобы посылать получившихся мутантов на Марс, то послезавтра мы пошлем к отдаленной звезде уже не готовых разумных жителей, а лишь некие споры и семена, которые могут храниться миллионы лет и которые, достигнув нужной планеты, дадут там всходы и рано или поздно путем эволюции породят разумных обитателей, приспособленных к жизни именно на этой планете. Конечно, в отличие от присылки готовых космонавтов-поселенцев, способ этот не быстрый, но, возможно, более перспективный, более дешевый — и в конечном итоге более реализуемый. Освоение космоса — игра с длительным

горизонтом планирования. Самое же главное, что цивилизация, руководствующаяся гипотезой реинкарнации, будет ясно понимать, что она делает. Создавая очаги жизни на других планетах, она будет создавать лишь аэродромы для нематериальных носителей разума: в организмы, живущие в отдаленных звездных системах, могут вселяться души жителей Земли.

Ответ на вопрос, зачем это нужно, можно отыскать в трудах американских психиатров, изучающих гипотезу реинкарнации: по их утверждению, души выбирают новые перерождения в целях познания, для приобретения нового, более всестороннего опыта. При этом «путешествующие души» в целях расширения познания стремятся к разнообразию, выбирая еще не знакомые местности, национальности и еще не опробованные личностные качества. Если так — то сколь же богатый новый опыт им сулит пребывание на других планетах! Ради этого действительно стоит их осваивать — тем самым принимая эстафету от неведомых отцов жизни на Земле.

ИНФОРМАТОРИЙ

Обращение главного редактора

Редакция альманаха «Полдень, XXI век» приглашает на свои страницы авторов, работающих в жанре «фантастической» публицистики. Рассматриваются и могут быть опубликованы статьи и эссе, основанные на «фантастических», «альтернативных», «виртуальных» идеях, — будь то идеи альтернативной истории и социологии, виртуальной физики и политологии, фантастически невероятного прогресса, самой неожиданной футурологии и прогностики и даже вполне реальной науки, граничащей с мистикой и сказкой.

Живой широкодоступный язык текста всячески приветствуется. Академический стиль сам по себе никак не радует, но в сочетании с оригинальностью излагаемых идей вполне может оказаться годен для использования.

Безусловно приветствуются литературно-критические, посвященные фантастике, исследования и эссе, но вот ни рецензии, ни книжные обзоры нас не интересуют совсем.

Текст должен быть представлен **ОБЯЗАТЕЛЬНО** в электронной форме на адрес редакции:
polden@vokrugsveta.ru;
или dodola@mail.ru.

Объем не может превышать 0,8 а.л.

Тексты НЕ РЕЦЕНЗИРУЮТСЯ — они либо отвергаются, либо отправляются в редакционный портфель для возможного последующего опубликования. Время принятия редакцией решения о судьбе текста — один месяц. Время принятия решения о публикации, к сожалению, заранее определить невозможно: оно зависит от качества и количества текстов, составляющих редакционный портфель.

Ждем публицистики, хорошей и разной!

*Гл. редактор альманаха
«ПОЛДЕНЬ, XXI век»
Борис Стругацкий*

«Звездный Мост» — 2009

С 17-го по 20-е сентября 2009-го года в Харькове прошел фестиваль фантастики «Звездный Мост» — 2009. Это уже одиннадцатый фестиваль фантастики, проводимый в Харькове.

Впервые будучи проведенным в 1999 г., фестиваль сразу стал событием международным, активно освещался средствами массовой информации Украины и России. В последующие годы «Звездный Мост» собирал все больше участников. Помимо гостей из всех стран СНГ, его посещали участники из США, Германии, Франции, Великобритании, Италии, Израиля, Польши, Грузии, Литвы, Латвии, Эстонии, Молдовы.

В этом году в фестивале приняли участие такие известные писатели-фантасты, как С. Лукьяненко, В. Головачев, М. и С. Дяченко, С. Логинов, А. Громов, Е. Лукин, М. Успенский, А. Орлов, О. Громыко, Н. Чадович, В. Орехов, Г. Л. Олди, А. Валентинов, В. Васильев, В. Свержин, А. Зорич, А. Дашков, В. Шалыгин, Р. Глушков, Е. Дворецкая, Д. Казаков, Е. Прошкин, М. Галина, Ф. Чешко, А. Чернецов, В. Русанов, О. Панкеева, В. Аренев, Ф. Березин, Я. Веров, А. Корепанов, О. Чигиринская, С. Вилар, О. Овчинников, Н. Степанов, В. Лещенко, Л. Астахова, Я. Горшкова, С. Малицкий, Д. Колодан, Ш. Врочек, С. Слюсаренко, О. Бондарев, П. Верещагин, К. Шаинян, Н. Щерба, В. Обедин — и многие другие. Также приехали представители издательств «ЭКСМО», «Крылов», «Снежный ком» и др., а также сотрудники журналов «Если», «Мир фантастики», «FANтастика», «Реальность

фантастики», «Сверхновая», «Порог АК», а также ряда других журналов и газет, известные критики, переводчики, художники, книготорговцы и просто любители фантастики.

Всего в этом году на фестивале официально зарегистрировались более 200 участников — не считая «вольнослушателей», для которых вход практически на все мероприятия фестиваля был свободным.

Во время торжественного открытия в рамках фестиваля прошел показ трейлера и презентация скорой премьеры фильма «Запрещенная реальность» по книге Василия Головачева «СМЕРШ-XXI», состоялась презентация новых коллекционных изданий в серии «Звездный Мост»: книг Олеса Бердника: «Зоряний корсар. Шляхи Титанів», Евгения Лукина: «Зона Справедливости» и Алексея Бессонова: «Пройдя сквозь дым».

В течение фестиваля прошли доклады и диспуты о теории, практике и современном состоянии фантастики, работа семинара Г. Л. Олди, творческой мастерской «Второй блин», секции альтернативной истории, философской секции и многих других секций и семинаров фестиваля; состоялись поэтические встречи, концерты Евгения Лукина и Бориса Смоляка, художественные выставки, интеллектуальная игра «Звездный Мост». В магазине «BOOKS» прошли творческие встречи с известными писателями-фантастами: Мариной и Сергеем Дяченко, Ольгой Громыко, Андреем Валентиновым и Г. Л. Олди.

Были вручены литературные премии фестиваля.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРЕМИИ

(вручаются по результатам голосования участников фестиваля):

НОМИНАЦИЯ «ЦИКЛЫ, СЕРИАЛЫ И РОМАНЫ С ПРОДОЛЖЕНИЯМИ»:

1 место («Золотой Кадуцей»): Ольга Громыко (Минск) за книгу «Год Крысы. Видунья» (1-я книга романа).

2 место («Серебряный Кадуцей»): Марина и Сергей Дяченко (Киев) за книгу «У зла нет власти» (завершающая книга трилогии «Ключ от Королевства»).

3 место («Бронзовый Кадуцей»): Ян Валетов (Днепропетровск) за книгу «Школа негодяев» (продолжение цикла, начатого книгами «Ничья земля», «Дети капища» и «Дураки и герои»).

НОМИНАЦИЯ «КРУПНАЯ ФОРМА» (РОМАНЫ):

1 место («Золотой Кадуцей»): Сергей Лукьяненко (Москва) за книгу «Недотепа».

2 место («Серебряный Кадуцей»): Мария Галина (Москва) за книгу «Малая Глуша».

3 место («Бронзовый Кадуцей»): Александр Громов (Москва) за книгу «Шанс для динозавра».

НОМИНАЦИЯ «ДЕБЮТНЫЕ КНИГИ»:

1 место («Золотой Кадуцей»): Карина Шаинян за книгу «Жизнь чудовищ» (книга написана в соавторстве с Дмитрием Колоданом, но дебютант — только Карина Шаинян).

2 место («Серебряный Кадуцей»): Наталья Щерба за книгу «Быть ведьмой».

3 место («Бронзовый Кадуцей»): Виталий Обедин за книгу «Дикий Талант» (книга написана в соавторстве с Шимуном Врочком, но дебютант — только Виталий Обедин).

НОМИНАЦИЯ «КРИТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»

(премия вручается по результатам голосования профессионального жюри):

1 место: Глеб Елисеев и Сергей Шикарев за статью «Terra Incognita и Terra Fantastica».

2 место: Владимир Ларионов за книгу «Беседы с фантастами. Интервью разных лет» (фотоальбом).

3 место: Ольга Чигиринская за статью «Проблема жанра» относительно фантастики».

«АВТОРИТАРНЫЕ» ПРЕМИИ

(вручаются по решению их учредителей):

ГРАН-ПРИ ОТ ХАРЬКОВСКОГО ИНСТИТУТА ЧУДАКОВ («Философский камень»):

Святославу ЛОГИНОВУ (Санкт-Петербург) — за выдающиеся заслуги перед Ее Величеством Фантастикой.

ПРЕМИЯ ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ:

писателю-харьковчанину за достойное представление родного города в фантастической литературе: Игорю ЧЕРНОМУ (Харьков).

ПРЕМИЯ «ХАРЬКОВСКИЙ ДРАКОН»

(вручается многократным лауреатам «Звездного Моста»):

Лукьяненко Сергей (Москва)

Громыко Ольга (Минск)

Байкалов Дмитрий и Синицын Андрей (Москва)

ПРЕМИЯ ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ «ВТОРОЙ БЛИН»:

Фестивалю фантастики «Созвездие Аю-Даг» (Крым, пгт. Партенит) — за фантастический Партенит!

ПРИЗ ОТ ХАРЬКОВСКОЙ ЮВЕЛИРНОЙ ФАБРИКИ:

Оксане Панкеевой (Никополь) — за полет фантазии.

ПРИЗЫ ОТ ХАРЬКОВСКОЙ ФИРМЫ

«КАРНЕОЛ» — «БРАТЬЯМ-ФЕСТИВАЛЯМ»:

Фестиваль фантастики «Созвездие Аю-Даг» (Крым, пгт. Партенит);

Конференция по вопросам фантастики «РосКон» (Москва);

Ассамблея «Портал» (Киев).

ЕЩЕ ДВЕ МЕДАЛИ 10-го (ЮБИЛЕЙНОГО) ФЕСТИВАЛЯ «ЗВЕЗДНЫЙ МОСТ» нашли своих обладателей, которые не смогли приехать на предыдущий фестиваль, но приняли участие в «Звездном Мосте-2009».

Это — Сергей Лукьяненко и Владимир Васильев.

Источник информации: <http://star-bridge.org>.

Редакция нашего альманаха поздравляет лауреатов и желает им дальнейших творческих успехов.

Наши авторы

Евгений Акуленко (род. 1976 г. в г. Новозыбков Брянской области). В 1998 г. закончил Тверской государственный технический университет, образование высшее экономическое. На данный момент возглавляет IT-департамент группы компаний. Живет в Твери.

Сергей Бережной (род. в 1966 г. в Севастополе). Журналист и писатель. Постоянный участник семинара под руководством Бориса Стругацкого. Ведущий нашей рубрики «Параллельные миры». Под псевдонимом Сергей Стрелецкий неоднократно печаталась художественная проза. Живет в Санкт-Петербурге.

Ринат Газизов (род. в 1988 г. в Ленинграде). Среднее образование получил в Гимназии №2 г. Инта. Живет в Санкт-Петербурге, учится на 5 курсе Санкт-Петербургского государственного горного института по специальности «Маркшейдерское дело». С детства увлекается литературой, пишет фантастические рассказы. Прежде не публиковался.

Андрей Дубинский (род. в 1973 г. в г. Белая Церковь Киевской области). По образованию — специалист в области менеджмента. Живет в Киеве. В альманахе «Полдень, XXI век» уже печатался (рассказ «Зеркальный», №5 за 2009 г.).

Анатолий Еремин (род. в 1983 г. в Новосибирске). Сразу после рождения проявил в лучшем виде свой непоседливый характер и неустанно начал совать нос во всё, что попадалось на глаза. Этим и продолжает заниматься по сей день. Обладая исключительно гуманитарным складом ума, не мог удержаться от того, чтобы пойти учиться на сугубо техническую специальность, с чем отлично справился, защитив диплом по программированию на твёрдую четвёрку. После чего успешно попробовал себя во всех ипостасях, подвернувшихся под руку — от бармена подпольного клуба до технического директора, коим и является на данный момент.

Елена Кушнир (род. в 1975 г. в Москве), где и живет. Закончила юридический факультет МГУ, но не работала юристом ни единого дня. За последние 10 лет писала о моде и красоте для

многих «глянцевого» изданий, включая «ОМ» и «Cosmopolitan». В настоящее время — копирайтер и журналист-фрилансер. Довольно известный автор в блогосфере рунета, блог <http://lazzo-fiaba.livejournal.com>. В нашем альманахе уже печаталась (рассказ «Такая работа», № 12 за 2008 г.).

Герберт Ноткин (род. в 1949 г.). Окончил Ленинградский политехнический институт и Государственные курсы иностранных языков. Работал в КБ, в НИИ, на заводе. Опубликованы переводы книг Гессе, Кафки и др. Первая «фантастическая» публикация — рассказ «Помеха» в журнале «Студенческий меридиан», 1987 г. В альманахе «Полдень, XXI век» печатался неоднократно. Живёт в Санкт-Петербурге.

Борис Руденко (род. в 1950 г. в Москве). Окончил МАДИ, работал в милиции, затем ушел в журналистику. В настоящее время работает в журнале «Наука и жизнь». Автор тринадцати книг в жанре детектива, приключений и фантастики. Живет в Москве. В нашем альманахе печатался неоднократно.

Дмитрий Самохин (род. в 1980 г.). Учился на факультете истории и факультете юриспруденции Государственного педагогического университета. В жанре фантастики начал работать в 2002 году. Автор книг «У смерти твои глаза» (2004), «Вишневый самурай» (2005), «Рожден быть опасным» (2004), «Опережая бурю» (2008) и др. В нашем альманахе печатался неоднократно. Живет в Санкт-Петербурге, работает руководителем отдела в крупной оптовой игрушечной компании.

Дмитрий Смоленский (род. в 1964 г.) закончил Новосибирский медицинский институт, работал хирургом-травматологом. Вскоре после начала экономических реформ оставил медицину, работал в коммерческих компаниях менеджером-оператором, менеджером по закупкам, начальником отдела логистики, замдиректора и директором по логистике. Продолжает жить в Новосибирске, женат, имеет двух взрослых детей. В нашем альманахе печатался неоднократно.

Сергей Соловьев (род. в 1956 г. в Ленинграде). По профессии — математик, в данное время профессор в университете г. Тулуза (Франция). В 1985-1991 гг. член семинара Бориса Стругацкого. В литературе дебютировал в 1990 г. (рассказ «У гробового

входа»). В 1993 г. вышел в свет роман «День ангела». Публиковался ряд рассказов (в ж. «Литературная учеба», «Lettres Russes» и др.), повесть «Меньшее из зол» (альманах «Подвиг», 2008) поэма «Фантом» (1991), перевод поэмы «The Waste Land» Т.С. Элиота («Urbі», XXIV, 2000), научно-популярные статьи (в ж. «Химия и жизнь», «Новое литературное обозрение»). В нашем альманахе печатался неоднократно.

Константин Фрумкин (род. в 1970 г.). По образованию — экономист, работает журналистом, редактор отдела журнала «Компания». Кандидат культурологии. Автор нескольких десятков философских и культурологических публикаций, в том числе книги «Философия и психология фантастики». Сопредседатель клуба любителей философии ОФИР (<http://www.nounivers.nagod.ru/ofir/release.htm>). В нашем издании печатался неоднократно. Живет в Москве.

Содержание

КОЛОНКА ДЕЖУРНОГО ПО НОМЕРУ. Александр Житинский.

ИСТОРИИ, ОБРАЗЫ, ФАНТАЗИИ

Герберт Ноткин «ДОРОГИ, КОТОРЫЕ НАС ВЫБИРАЮТ». Повесть

7

Дмитрий Самохин «ВЫБОР ЖАНРА». Рассказ

57

Евгений Акуленко «БУНКЕР». Рассказ

69

Елена Кушнир «АЛЬМАНАХ СТАРОГО МУРА». Рассказ

93

Ринат Газизов «КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО». Рассказ

105

Сергей Соловьев «ОБРАТНАЯ ТРАНСКРИПТАЗА». Рассказ

115

Дмитрий Смоленский «ПРАКТИКАНТ». Рассказ

123

Андрей Дубинский «ЭПОХА СПОКОЙСТВИЯ». Рассказ

129

Борис Руденко «ГЛАВНОЕ — ДРУЖБА!». Рассказ

133

Анатолий Еремин «СОЧИНЕНИЕ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ». Рассказ

137

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ

Сергей Бережной «ПОВЕЛИТЕЛИ СВЕТА И ТЕНИ»

143

ЛИЧНОСТИ, ИДЕИ, МЫСЛИ

Константин Фрумкин «ДУШИ И ТЕЛА ПОКОРИТЕЛЕЙ МАРСА»

155

ИНФОРМАТОРИЙ

Обращение главного редактора

167

«Звездный Мост» — 2009

169

Наши авторы

173

Борис Стругацкий
представляет альманах фантастики

ПОЛДЕНЬ

XXI ВЕК

Читайте в декабрьском номере:

Повесть
Виктора Точинова
«Мы никогда
не сдадимся»

а также произведения
Майка Гелприна,
Антон Первушина,
Леонида Резника
и других авторов